

Otto F. Kernberg

LOVE RELATIONS

Normality and Pathology

**Yale University Press
New Haven and London**

Отто Ф. Кернберг

ОТНОШЕНИЯ ЛЮБВИ

Норма и патология

Перевод с английского М.Н. Георгиевой
под редакцией М.Н. Тимофеевой и Т.С. Драбкиной

Москва
Независимая фирма "Класс"
2000

УДК 615.851

ББК 53.57

К 74

Кернберг О.Ф.

К 74 **Отношения любви:** норма и патология/Пер. с англ. М.Н. Георгиевой. — М.: Независимая фирма “Класс”, 2000. — 256 с. — (Библиотека психологии и психотерапии, вып. 76).

ISBN 5-86375-124-X (РФ)

Книга доктора медицины Отто Кернберга, одного из наиболее авторитетных современных психоаналитиков, посвящена *отношениям любви* в норме и патологии. Иллюстрируя теоретические положения случаями из практики, автор исследует то, как бессознательные переживания и фантазии, связанные с прошлым, оказывают сильнейшее влияние на сегодняшние отношения пары. Каким сложным образом любовь и агрессия взаимодействуют в жизни пары. Как сохранить страстную любовь в длительных отношениях. Как влияет социальное окружение на отношения любви...

Это глубокое клиническое и теоретическое исследование вызовет несомненный интерес у специалистов — психологов, психотерапевтов, врачей, педагогов.

Главный редактор и издатель серии *Л.М. Кроль*

Научный консультант серии *Е.Л. Михайлова*

ISBN 0-300-06031-9 (USA)

ISBN 5-86375-124-X (РФ)

© 1995, Otto F. Kernberg

© 1992, Yale University Press

© 2000, Независимая фирма “Класс”,
издание, оформление

© 2000, М.Н. Георгиева, перевод
на русский язык

© 2000, М.Н. Тимофеева, предисловие

© 2000, В.Э. Королев, обложка

www.kroll.igisp.ru

Купи книгу “У КРОЛЯ”

Исключительное право публикации на русском языке принадлежит издательству “Независимая фирма “Класс”. Выпуск произведения или его фрагментов без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

ВСЕ ЭТО — О ТАЙНАХ ЛЮБВИ

О, если бы я только мог
Хотя отчасти,
Я написал бы восемь строк
О свойствах страсти.

Б. Пастернак

Мы находимся очень далеко от Отто Кернберга — одной из самых заметных фигур в современном психоанализе. Он стал классиком при жизни, разработал новый подход внутри психоанализа и новый взгляд на лечение пациентов с нарциссическими и пограничными личностными расстройствами, его работы вошли во все учебники. Он действующий президент IPA — самой влиятельной и уважаемой в мире психоаналитической организации, членство в которой является голубой мечтой всех российских психотерапевтов, имеющих отношение к психоанализу. Мы настолько далеко от Кернберга, что, наверное, можем позволить себе некоторые вольности в предисловии. Тем более что достаточно полный обзор вклада Отто Кернберга в психоанализ дан А. Усковым во вводных замечаниях к ранее изданной фирмой “Класс” монографии Кернберга “Агрессия при расстройствах личности и перверсиях”.

Можно пофантазировать, что после работы об агрессии Кернбергу так часто повторяли: “А о любви слабо?”, что ему захотелось показать: нет, не слабо, и настолько, что теперь вы ни слова не сможете написать о любви, не сославшись на меня.

Известно, что любовь сложнее выражать, чем агрессию. По Кернбергу, требуется много лет, чтобы человек достиг фазы зрелой сексуальной любви — может быть, отчасти поэтому он написал свою книгу почти в семьдесят лет. И как! Двести с лишним страниц о свойствах страсти... Оговорившись вначале, что поэты и философы, конечно же, лучше описали человеческую любовь, чем это можно сделать с помощью каких-либо психоаналитических изысканий, Кернберг затем как бы бросает вызов — и описывает все тайные нюансы любовных отношений. Так что в его тексте, как

в хороших стихах, мы узнаем свой собственный самый интимный опыт. Становится просто не по себе и даже как-то обидно — то, что казалось драгоценным уникальным переживанием, незаслуженно дарованным тебе судьбой, когда захватывает дух и думаешь: неужели так бывает, неужели другие люди тоже когда-нибудь переживали что-то подобное? — описывается в научной книге лучше, чем ты сам смог бы это сделать, причем еще отдельно объясняется, почему оно является типическим.

И остаешься в недоумении: что же теперь делать со всем этим знанием? Да, легче понимать то, что происходит с пациентами. Но как теперь любить, а уж тем более заниматься любовью, если каждое твоё душевное движение отпрепарировано, классифицировано, пронумеровано, а также имеет несколько объяснений того, откуда оно взялось?

Как будто предугадывая такую реакцию читателей, Кернберг пишет: “Активация мощного и сложного контрпереноса, удерживаемого и применяемого в работе, — уникальная особенность психоаналитической ситуации, возможная лишь благодаря защите, обеспечиваемой рамками психоаналитических отношений. Своего рода ироническим подтверждением уникальности переживания подобного опыта в контрпереносе является то, что, хотя у психоаналитиков есть необычайная возможность исследовать любовную жизнь противоположного пола, эти знания и опыт имеют тенденцию улетучиваться, едва дело доходит до понимания собственных переживаний отношений с другим полом вне психоаналитической ситуации. То есть вне аналитической ситуации любовная жизнь аналитика такая же, как у прочих смертных”.

А теперь несколько прозаических слов о фактических достоинствах книги. Кернберг подробно освещает существующую по данному вопросу литературу, причем самых разных авторов, не только близких ему по духу. Он смело и подчас оригинальнейшим образом связывает идеи, на первый взгляд, выражающие абсолютно разные подходы к описываемым феноменам.

Рассматривая отношения любви в норме и патологии, он показывает как “интерферируют” индивидуальные патологии партнеров, в ряде случаев создавая патологию пары, которая не является их простым наложением. В любовных отношениях исходная психопатология может закрепиться или разрешиться. Кроме того, существующая психопатология часто маскируется под что-то другое усилениями обоих партнеров. Кернберг уверенно и бесстрашно пишет о

секрете сохранения страстной любви в длительных отношениях: в зрелой сексуальной любви человек находит форму для осуществления всех своих инфантильных сексуальных фантазий.

Очень интересен социальный аспект вопроса, рассматриваемый Кернбергом. Темы пара и группа, пара и социум, сексуальное как изначально противопоставленное конвенциональному и социальному — чаще звучат в романах, чем в психологической и психоаналитической литературе. А глава, посвященная изображению любовных отношений в современном кинематографе, безусловно, будет интересна *любому* читателю.

Эту книгу, без сомнения, читать непросто. Но не потому, что она сложно написана, а из-за чрезвычайной насыщенности изложения — очень много мыслей на единицу текста. Была такая старая шутка: “Знаете, Фолкнера так тяжело читать!” — “Да, но зато когда прочтешь, такое облегчение!” Так вот, облегчения отнюдь не обещаю, а что не пожалеете — это точно.

Мария Тимофеева

ПРЕДИСЛОВИЕ

Много лет назад, когда основной темой моих исследований была агрессия в психодинамике пациентов с пограничной личностной организацией, один мой коллега, с которым мы были очень дружны, спросил полушутя: “Почему бы тебе не написать книгу о любви? А то складывается впечатление, что тебя интересует только агрессия!” Я обещал написать, как только проясню для себя кое-какие вопросы в данной области. В результате появилась эта книга, хотя, надо признать, я нашел далеко не все ответы. И все же, мне кажется, я узнал достаточно, чтобы поделиться хоть некоторыми разгадками с читателями. Надеюсь, другие смогут разобраться в тех вопросах, которые я так и не сумел прояснить.

Веками любовь была объектом пристального внимания поэтов и философов. В последнее время к ним присоединились социологи и психологи. А вот психоаналитическая литература по-прежнему уделяет любви на удивление мало внимания.

Снова и снова пытаюсь изучать природу любви, я понял, что избежать связи с эротикой и сексуальностью невозможно. Выяснилось, что в большинстве работ сексуальная реакция рассматривается с точки зрения биологии и лишь в некоторых о ней говорится как о субъективном переживании. Исследуя в работе с пациентами этот субъективный аспект, я обнаружил, что имею дело с бессознательными фантазиями, истоки которых лежат в инфантильной сексуальности, — в полном соответствии с точкой зрения Фрейда. Из клинического опыта выяснилось, что путем взаимной проективной идентификации пара “отыгрывает” свои прошлые “сценарии” (бессознательные переживания и фантазии) в своих отношениях и что фантазийные и реальные взаимные “приставания”, происходящие из инфантильного Супер-Эго и связанного с ним Я-идеала, оказывают мощнейшее влияние на жизнь пары.

Я заметил, что почти невозможно предсказать судьбу любовных отношений и брака на основе особенностей психопатологии пациента. Порой разные формы и степени психопатологии у партнеров способствуют их совместимости; в другом случае различия могут

стать причиной несовместимости. Такие вопросы, как “Что держит пару вместе?” или “Что разрушает взаимоотношения?”, преследовали меня и послужили толчком к изучению динамики, стоящей за наблюдаемым развитием отношений пары.

Исходными данными мне послужили лечение пациентов с помощью психоанализа и психоаналитической терапии, наблюдение и лечение пар, страдающих от супружеских конфликтов, и особенно лонгитюдное изучение пар сквозь призму психоанализа и индивидуальной психоаналитической психотерапии.

Довольно скоро мне стало понятно, что невозможно изучать изменения в любовных отношениях без изучения смены агрессивных состояний как у пар, так и у отдельных индивидуумов. Агрессивные аспекты эротических отношений пары оказываются важными во всех интимных сексуальных отношениях, что было впервые прояснено работами Роберта Дж. Столлера в этой области. Но я обнаружил, что агрессивные компоненты универсальной амбивалентности близких объектных отношений не менее важны, так же как агрессивные аспекты давления Супер-Эго, высвобождающиеся в интимной жизни пары. Психоаналитическая теория объектных отношений облегчает изучение динамики сопряженности внутрипсихических конфликтов и межличностных отношений, взаимного влияния пары и окружающей пару социальной группы и проявлений любви и агрессии во всех этих сферах.

Таким образом, несмотря на самые лучшие побуждения, неопровержимые доводы заставили меня снова сфокусировать внимание на агрессии в этом труде о любви. Знание того, каким сложным образом любовь и агрессия сливаются и вступают во взаимодействие в жизни пары, также проливает свет на механизмы, с помощью которых любовь может интегрировать и нейтрализовывать агрессию и при определенных обстоятельствах одерживать над ней верх.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Первым, кто обратил мое внимание на работы Генри Дикса, был Джон Д. Сазерленд, многие годы занимающий должность главного консультанта Фонда Меннингера, в прошлом — главный врач Тэвистокской клиники в Лондоне. То, как Дикс применил теорию объектных отношений Фэйрберна при изучении супружеских конфликтов, помогло мне сформировать собственную систему взглядов, на которую я впоследствии смог опереться, впервые попытавшись разобраться в сложных взаимоотношениях пограничных пациентов с любовниками и супругами. Работа докторов Денизы Брауншвейг и Майкла Фэйна, посвященная групповой динамике, в которой эротическое напряжение отыгрывается на ранних стадиях жизни и во взрослом возрасте, подтолкнула меня к контактам с французской психоаналитической школой и изучению нормальных и патологических любовных отношений. Во время моего пребывания в Париже, где у меня и зародились мысли, впоследствии вошедшие в эту книгу, в свободные от лекций часы я имел счастье консультироваться со многими психоаналитиками, исследовавшими нормальные и патологические любовные отношения, особенно с докторами Дидье Анзье, Дениз Брауншвейг, Жанин Шассге-Смиржель, Кристианом Давидом, Майклом Фэйном, Пьером Феида, Андре Грином, Белой Грюнбергер, Джойс МакДугалл, Франсуа Рустаном. Мне хотелось бы выразить свою признательность докторам Сержу Лейбовици и Даниэлю Видлокеру, которые чрезвычайно помогли прояснить мое понимание теории аффектов. Позже доктора Райнер Краузе (Саарбрюкен) и Ульрих Мозер (Цюрих) помогли мне в дальнейшей разработке проблемы патологии аффективного общения в близких отношениях.

Я имею счастье назвать среди своих близких друзей людей, внесших наибольший вклад в психоаналитическое изучение любовных отношений, докторов Мартина Бергмана, Этель Персон и Роберта Столлера (США). Этель Персон открыла для меня очень важную работу по ядерной половой идентичности и сексуальной патологии, написанную совместно с доктором Лайонелом Овэзи. Благодаря Мартину Бергману я ознакомился с историческим взглядом на

природу любовных отношений и отражением их в искусстве. Роберт Столлер подвиг меня на изучение тесной взаимосвязи, существующей между эротизмом и агрессией, которое он так блестяще начал. А работы в этой области докторов Леона Альтмана, Якоба Арлоу, Марты Киркпатрик, Джона Мюндер-Росса стимулировали мои размышления.

Как и прежде, неоценимую помощь оказали мне близкие друзья и коллеги-психоаналитики. Их критика всегда была позитивной, их замечания подталкивали к дальнейшей работе. Это доктора Харольд Блюм, Арнольд Купер, Вильям Фрош, Вильям Гроссман, Дональд Каплан, Полина Кернберг, Роберт Мичелс, Гилберт Роуз, Джозеф и Анне-Мари Сандлер, Эрнст и Гертруда Тихо.

Как и прежде, я глубоко признателен Луизе Тайт и Бекки Уиппл за их бесконечное терпение и поддержку, которую они оказывали мне с самого начала работы над рукописью до выхода книги. Внимание мисс Уиппл к тончайшим нюансам текста было очень полезным и важным. Мой административный помощник Розалинд Кеннеди также неустанно поддерживала меня, руководя и направляя работу в моем офисе, что позволило рукописи появиться на свет, невзирая на множество неотложных дел и забот.

Эта книга — третья по счету, написанная в тесном сотрудничестве с Натали Альтман, являющейся моим редактором на протяжении многих лет, и Глэдис Топкис, главным редактором издательства Йельского университета. Их критические замечания, всегда по существу дела, всегда тактичные, очень помогали мне в работе.

Хочу еще раз выразить признательность всем друзьям и коллегам, которых я уже упоминал, а также пациентам и студентам, делившимся со мной своими открытиями в данной области, что позволило мне за несколько лет овладеть информацией, для получения которой без их помощи мне не хватило бы всей жизни. Благодаря им я осознал, сколь ограниченно мое знание и понимание этой необъятной и сложной области человеческих чувств.

Я также благодарен издателям моих ранних произведений за любезное разрешение переиздать материал в нижеприводимых главах. Все эти материалы были существенно переработаны и модифицированы.

Глава 2: Из “New Perspectives in Psychoanalytic Affect Theory” in *Emotion: Theory, Research, and Experience* редакторы: R. Plutchic, H. Kellerman (New York: Academic Press, 1989), 115—130, и из “Sadomasochism, Sexual Excitement, and Perversion,” *Journal of the*

American Psychoanalytic Association 39 (1991): 333—362. Опубликовано с разрешения Academic Press и Journal of the American Psychoanalytic Association.

Глава 3: Из “Mature Love: Prerequisites and Characteristics”, Journal of the American Psychoanalytic Association 22 (1974): 743—768, а также из “Boundaries and Structure in Love Relations”, Journal of the American Psychoanalytic Association 25 (1977): 81—144. Опубликовано с разрешения Journal of the American Psychoanalytic Association.

Глава 4: Из “Sadomasochism, Sexual Exitement, and Perversion”, Journal of the American Psychoanalytic Association 39 (1991): 333—362, а также из “Boundaries and Structure in Love Relations”, Journal of the American Psychoanalytic Association 25 (1977): 81—144. Опубликовано с разрешения Journal of the American Psychoanalytic Association.

Глава 5: Из “Barriers to the Falling and Remaining in Love”, Journal of the American Psychoanalytic Association 22 (1974): 486—511. Опубликовано с разрешения Journal of the American Psychoanalytic Association.

Глава 6: Из “Agression and Love in the Relationship of the Couple”, Journal of the American Psychoanalytic Association 39 (1991): 45—70. Опубликовано с разрешения Journal of the American Psychoanalytic Association.

Глава 7: Из “The Couple’s Constructive and Destructive Superego Functions”, Journal of the American Psychoanalytic Association 41 (1993): 653—677. Опубликовано с разрешения Journal of the American Psychoanalytic Association.

Глава 8: Из “Love in the Analytic Setting”, принят к публикации Journal of the American Psychoanalytic Association. Опубликовано с разрешения Journal of the American Psychoanalytic Association.

Глава 11: Из “The Temptations of Conventionality”, International Review of Psychoanalysis 16 (1989): 191—205, а также из “Erotic Element in Mass Psychology and in the Art”, Bulletin of the Menninger Clinic 58, no.1 (Winter, 1980), опубликовано с разрешения International Review of Psychoanalysis и Bulletin of the Menninger Clinic.

Глава 12: Из “Adolescent Sexuality in the Light of Group Processes”, Psychoanalytic Quarterly 49, no.1 (1980): 27—47, а также из “Love, the Couple, and the Group: A Psychoanalytic Frame” Psychoanalytic Quarterly 49, no.1 (1980): 78—108. Опубликовано с разрешения Psychoanalytic Quarterly.

1. СЕКСУАЛЬНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

Трудно спорить с тем, что секс и любовь тесно связаны. Поэтому не вызовет удивления и тот факт, что книга о любви начинается с размышлений о биологических и психологических корнях сексуального опыта, также тесно “переплетенных” между собой. Поскольку биологические корни представляют собой матрицу, внутри которой могут развиваться психологические аспекты, мы начнем наши рассуждения с изучения биологических факторов.

Биологические корни сексуального опыта и поведения

Прослеживая развитие сексуального поведения человека и двигаясь вверх по биологической лестнице животного мира (особенно сравнивая низших млекопитающих с отрядом приматов и человеком), мы видим, что роль социально-психологических отношений между младенцем и его воспитателем в формировании сексуального поведения все возрастает, а влияние генетических и гормональных факторов, напротив, уменьшается. Основными источниками для моего обзора послужили новаторские работы в этой области Мани и Эрхардта (1972 г.), последующие исследования Колодны (1979 г.) и др., Банкрофта (1989 г.), и МакКонаги (1993 г.).

На ранних этапах своего развития эмбрион млекопитающего имеет черты как мужского, так и женского начала. Недифференцированные гонады видоизменяются либо в семенники, либо в яичники в зависимости от генетического кода, представленного набором 46 хромосом типа XY для мужских особей или набором 46 хромосом типа XX — для женских. Примитивные гонады в человеческом зародыше могут быть выявлены начиная с 6-й недели развития, когда под влиянием генетического кода у мужских особей вырабатываются тестикулярные гормоны: ингибирующий гормон

Мюллера протока (MН), оказывающий дефеминизирующий эффект на структуру гонад, и тестостерон, способствующий развитию внутренних и внешних мужских половых органов, особенно двустороннего Вольфова протока. При наличии женского генетического кода на 12-й неделе созревания плода начинается развитие яичников.

Дифференциация всегда происходит в женском направлении, вне зависимости от генетической программы, но только в том случае, когда отсутствует адекватный уровень тестостерона. Другими словами, даже если генетическому коду присуща мужская структура, недостаточное количество тестостерона приведет к развитию женских половых характеристик. Сработает принцип преобладания феминизации над маскулинизацией. В процессе нормального развития женской особи примитивная проводящая система Мюллера преобразуется в матку, фаллопиевы трубы и влагалище. При развитии по мужскому типу проводящая система Мюллера регрессирует, а система Вольфова протока получает развитие, эволюционируя в *vasa deferentia* (семявыносящий сосуд), семенные пузырьки и семявыбрасывающие протоки.

При том, что существуют предтечи и для мужских, и для женских внутренних половых органов, предшественники внешних гениталий универсальны, то есть одни и те же “пред-органы” могут развиться либо в мужские, либо в женские внешние половые органы. Если во время критического периода дифференциации отсутствует адекватный уровень андрогенов (тестостерон и дегидротестостерон), то, начиная с 8-й недели развития плода, будут развиваться клитор, вульва и влагалище. При необходимом же количестве андрогенной стимуляции будет формироваться пенис с яичками и мошонкой, включая семенные каналы в брюшной полости. При нормальном развитии плода яички перемещаются в мошонку во время 8-го или 9-го месяца беременности.

Под влиянием циркуляции эмбриональных гормонов, вслед за дифференциацией внутренних и внешних половых органов, происходит диморфное развитие определенных отделов мозга. Мозг имеет амбигипичное строение, а в его развитии женские характеристики также превалируют, если не достигается адекватный уровень циркулирующих андрогенов. Специфические функции гипоталамуса и гипофиза в дальнейшем будут дифференцированы в циклические процессы у женщин и нециклические у мужчин. Формирование мозга по мужскому/женскому типу происходит только в третьем

триместре после завершения формирования внешних половых органов и, вероятно, продолжается во время первого постнатального триместра. В случае млекопитающих неprimатов, пренатальная гормональная дифференциация мозга определяет последующее брачное поведение. Однако если мы говорим о приматах, то здесь важнейшую роль в определении сексуального поведения играют опыт ранней социализации и обучение. Контроль брачного поведения в основном определяется ранними социальными интеракциями.

Развитие вторичных половых признаков, появляющихся в пубертатный период, — распределение жировых отложений, развитие волосяного покрова по женскому/мужскому типу, изменение голоса, развитие грудных желез и быстрый рост гениталий — запускается центральной нервной системой и контролируется значительно увеличенным количеством циркулирующих андрогенов или эстрогенов; наличие адекватного количества эстрогенов определяет такие специфические женские функции, как менструальный цикл, беременность и выделение молока.

Гормональный дисбаланс способен повлечь за собой изменение вторичных половых признаков, что, в свою очередь, может привести к гинекомастии (увеличению молочных желез у мужчин) при недостаточном количестве андрогенов; гирсутизму (избыточному оволосению у женщин), клиторальной гипертрофии, понижению голоса — при избытке андрогенов. Но влияние уровня гормонов противоположного пола на сексуальное влечение и поведение индивида гораздо менее очевидно.

До сих пор не совсем ясно, как центральная нервная система влияет на начало пубертата. Считается, что одним из механизмов является снижение чувствительности гипоталамуса к негативной обратной связи (Банкрофт, 1989 г.). У мужчин недостаточное количество циркулирующих андрогенов значительно снижает интенсивность сексуального желания, но при нормальном или слегка превышающем нормальный уровне андрогенных гормонов сексуальное желание и поведение совершенно независимы от таких колебаний. Препубертатная кастрация у мужчин, не получивших восполнения тестостерона, ведет к сексуальной апатии. У юношей с признаками первичной андрогенной недостаточности введение тестостерона в юношеском возрасте восстанавливает нормальное сексуальное желание и поведение. Однако в более позднем возрасте, когда половая апатия приобретает устойчивый характер, восстанавливающая терапия тестостероном менее успешна: похоже, в этом

процессе существует временной рубеж, после которого отклонения уже не ликвидируются. Аналогично этому, несмотря на то, что исследования показывают возрастание сексуального желания у женщин непосредственно перед и после менструального цикла, выявленная зависимость сексуальных влечений от колебаний количества гормонов все же незначительна в сравнении с влиянием социально-психологических факторов. МакКонаги (1993), в частности, отмечает, что на женщин социально-психологические факторы оказывают большее влияние, нежели на мужчин.

Однако у приматов и низших млекопитающих сексуальная заинтересованность и поведение строго определяются гормональным уровнем. Так, брачное поведение при спаривании у грызунов целиком определяется гормональным статусом; и ранние постнатальные гормональные инъекции могут иметь значительные последствия. Постпубертатная кастрация ведет к снижению эрекции и сексуального влечения, которое может прогрессировать в течение недель и даже лет; инъекции же тестостерона способны практически незамедлительно восстановить половые функции. Андрогенные инъекции женщинам в постклимактерическом периоде усиливают сексуальное желание, не оказывая при этом влияния на их сексуальную ориентацию.

Подводя итоги, можно сказать, что андрогенные гормоны влияют на интенсивность полового желания у мужчин и женщин; однако преобладающая роль принадлежит все же психосоциальным факторам. Хотя у низших млекопитающих, таких как грызуны, сексуальное поведение по большей части регулируется гормональным уровнем; уже у приматов прослеживается рост влияния психосоциальной среды на половое поведение. Например, самцы макаки резус остро реагируют на запах влагиалищного гормона, секретируемого во время овуляции. Самки макаки резус, проявляя наибольшую половую активность во время овуляции, также не теряют сексуального интереса и в другие периоды, проявляя при этом заметные сексуальные предпочтения. Здесь мы снова наблюдаем влияние уровня андрогенов на интенсивность возникновения сексуального репрезентативного поведения у самок. Введение тестостерона самцам крыс в преоптическую зону вызывает у них материнский инстинкт, но при этом продолжаются их копуляции с самками. Повышение уровня тестостерона, видимо, приводит в действие материнские инстинкты, которые в латентном состоянии присутствуют в головном мозге мужских особей, и доводит соот-

ветствующую информацию до центральной нервной системы, отвечающей за сексуальное поведение. Это открытие дает возможность предположить, что сексуальное поведение, характерное для одного пола, может в скрытом состоянии присутствовать у другого.

Сила сексуального возбуждения, сосредоточение на сексуальных стимулах, физиологические реакции на сексуальное возбуждение: увеличение притока крови, набухание и выделение смазки в половых органах — на все эти процессы оказывает влияние уровень гормонов.

Психосоциальные факторы

Выше мы рассмотрели аспекты, которые в той или иной степени принято относить к биологическим. Теперь перейдем к менее изученным и более противоречивым областям, в которых биологические аспекты тесно переплетаются и взаимодействуют с психологическими факторами. Одной из таких областей является ядерная половая (гендерная) идентичность и полоролевая идентичность. У людей ядерная половая идентичность (Столлер 1975b), то есть ощущение принадлежности к женскому или мужскому полу, определяется не биологической природой, а тем, как воспитывается ребенок до двух-четырех лет — как девочка или как мальчик. Мани (1980, 1986, 1988; Мани и Эрхардт, 1972) и Столлер (1985) в своих работах приводят в пользу этого убедительные данные. Точно так же полоролевая идентичность, то есть принятая в том или ином обществе норма поведения, типичная для женщин и мужчин, тесно связана с психосоциальными факторами. Более того, психоаналитические исследования доказывают, что выбор сексуального объекта — мишени сексуального желания — также в наибольшей степени зависит от социально-психологического опыта, приобретенного в раннем детстве. Ниже приводится мой обзор данных относительно наиболее явных корней этих составляющих сексуального опыта человека.

Ядерная половая идентичность: к какому полу он или она причисляют себя.

Полоролевая идентичность: специфические психологические установки и способы межличностного поведения — основные модели социальных интеракций и специфические сексуальные проявле-

ния — характеристики, присущие мужчинам или женщинам и таким образом разделяющие их.

Доминирующий выбор объекта: выбор сексуального объекта — гетеросексуального или гомосексуального — может характеризоваться широким спектром сексуальных взаимодействий с данным объектом влечения или ограничиваться определенной частью человеческого тела, а не человеческим существом и неодушевленным предметом.

Степень сексуального желания: находит выражение в сексуальных фантазиях, откликаемости на внешние сексуальные стимулы, желании сексуального поведения и физиологического возбуждения половых органов.

Ядерная половая идентичность

Мани и Эрхардт (1972) в своих исследованиях приводят доказательства того, что, воспитывая мальчика или девочку, родители по-разному обращаются с детьми в зависимости от их пола, даже если считают, что ведут себя с ними одинаково. Хотя существует различие между младенцами мужского и женского пола, базирующееся на гормональной истории, это различие не приводит автоматически к различию в постнатальном поведении по женскому/мужскому типу. Феминизирующая гормональная патология у мужчин и маскулинизирующая гормональная патология у женщин, за исключением случаев очень сильных гормональных нарушений, может больше сказаться на полоролевой идентичности, чем на ядерной половой идентичности.

Превышение уровня андрогенов у девочек в пренатальном периоде может привести, например, к мальчишескому поведению, повышенному выбросу энергии в играх, агрессии. Неадекватная пренатальная андрогенная стимуляция у мальчика может привести к некоторой пассивности и неагрессивности, не оказывая влияния на ядерную половую идентичность. Дети-гермафродиты развивают устойчивую женскую или мужскую идентичность в зависимости от того, воспитывали их как девочек или как мальчиков, и вне зависимости от того, какой у них генетический код, гормональный уровень и даже — до некоторой степени — внешний вид гениталий (Мани и Эрхардт, 1972 г.; Мэйер, 1980 г.).

Столлер (1975b), Персон и Овэзи (1983, 1984) провели ряд исследований по выявлению взаимосвязи между ранней патологией в детско-родительских отношениях и закреплением ядерной половой идентичности. Транссексуализм, т.е. идентификация индивида с полом, противоположным биологическому, не зависит от генетических, гормональных или физиологических генитальных отклонений. Хотя при изучении некоторых биологических вариаций, особенно женского транссексуализма, возникает вопрос о возможном влиянии гормонального уровня, все-таки больше оснований видеть причины этого явления в серьезных нарушениях ранних психосоциальных взаимодействий.

В этой связи очень интересны впервые описанные Столлером (1975b) психоаналитические исследования взрослых транссексуалов и детей с аномальной половой идентификацией, дающие информацию об основных паттернах родительско-детских взаимоотношений. Обнаружилось, что у мужчин-транссексуалов (мужчин по биологическим признакам, имеющих женскую ядерную идентичность) матери, как правило, имели ярко выраженные бисексуальные черты, а отцы либо отсутствовали, либо были пассивными и отстраненными. Мать видела в сыне как бы свое продолжение, неотъемлемую часть себя. Подобный блаженный симбиоз приводил к постепенному стиранию у ребенка мужских качеств, повышенной идентификации с матерью, а также отказу от мужской роли, неприемлемой для матери и неудачно сыгранной отцом. У женщин-транссексуалов мать обычно отвергающая, а отец либо отсутствует, либо недоступен для дочери, которая не чувствует, что ее поддерживают как девочку. Это стимулирует ее стать замещающей мужской фигурой для матери в ее одиночестве. Мускулинное поведение дочери одобряется матерью, ее депрессия уходит и возникает чувство полноценной семьи.

То, что в раннем детстве родительское поведение (особенно поведение матери) оказывает огромное влияние на ядерную половую идентичность ребенка и все его сексуальное поведение, характерно не только для людей. В классической работе Харлоу и Харлоу (1965) описывается исследование поведения приматов и приводятся доказательства того, что необходимым условием нормального развития сексуального поведения обезьян является наличие тесного физического контакта детеныша с матерью и связанное с этим чувство безопасности. При недостатке материнской заботы в раннем возрасте и малочисленных контактах со сверстни-

ками во время критической фазы развития во взрослом состоянии отмечаются различные нарушения сексуального поведения. Такие особи в дальнейшем также страдают от социальной дезадаптации.

Хотя Фрейд (1905, 1933) полагал, что представители обоих полов обладают психологической бисексуальностью, он постулировал, что ранняя генитальная идентичность как у мальчиков, так и у девочек, носит маскулинный характер. Он считал, что девочки, первоначально сосредоточенные на клиторе как источнике удовольствия (по аналогии с пенисом), затем изменяют свою первичную генитальную идентичность (и скрытую гомосексуальную ориентацию) в позитивной эдиповой фазе. Эти перемены связаны, по мнению Фрейда, с реакцией разочарования по поводу отсутствия пениса, кастрационной тревогой и символическим стремлением восполнить отсутствие пениса с помощью ребенка от отца. Столлер (1975b, 1985), однако, придерживается иной точки зрения. Он считает, что, принимая во внимание сильную привязанность младенца к матери и симбиотические отношения с ней, ранняя идентификация младенцев обоих полов носит фемининный характер. В процессе сепарации-индивидуации мальчики постепенно переходят от женской к мужской идентичности. Персон и Овэзи (1983, 1984), однако, на основе своего исследования пациентов с гомосексуальной ориентацией, трансвеститов и транссексуалов постулируют врожденность половой идентичности — и мужской, и женской. Я полагаю, что точка зрения Персона и Овэзи соответствует данным Мани и Эрхардта (1972), а также Мэйера (1980), о формировании ядерной половой идентичности гермафродитов, а также их наблюдениям взаимодействия матери с младенцами мужского и женского пола с самого рождения и психоаналитическим наблюдением нормальных детей в сравнении с детьми, имеющими сексуальные отклонения, особенно исследованиям, в которых рассматриваются сознательная и бессознательная сексуальная ориентация родителей (Галенсон, 1980; Столлер, 1985).

Брауншвейг и Фейн (1971, 1975), соглашаясь с гипотезой Фрейда о врожденной бисексуальности обоих полов, приводят доводы в пользу того, что психологическая бисексуальность основывается на бессознательной идентификации младенцев с обоими родителями. Впоследствии бисексуальность корректируется в диаде “мать-ребенок”, в результате чего происходит определение ядерной половой идентичности и ее фиксация. Как утверждают Мани и Эрхардт (1972), неважно, что “папа готовит ужин, а мама управляет трак-

тором”, — социально обусловленные половые роли родителей никак не скажутся на становлении ядерной сексуальной идентичности ребенка, если их собственные ядерные половые идентичности строго дифференцированы.

Задание и принятие ядерной половой идентичности определяет принятие либо мужской, либо женской половой роли. Поскольку бессознательная идентификация с обоими родителями (бессознательная бисексуальность, признанная в психоанализе) также подразумевает бессознательную идентификацию с ролями, приписываемыми тому или иному полу, существует четкая тенденция к бисексуальным паттернам поведения и отношений, а также к бисексуальной ориентации как всеобщему человеческому свойству. Возможно, что кроме строгих социальных и культурных требований четкой половой идентичности (“Ты или мальчик, или девочка”) последняя подкрепляется и определяется интрапсихической необходимостью в интегрированной и консолидированной идентичности личности в целом. То есть ядерная половая идентичность ложится в основу формирования идентичности Эго. Фактически, как предположил Лихтенштейн (1961), сексуальная идентичность является ядром эго-идентичности. Клинические исследования показывают, что недостаточная интеграция идентичности (синдром диффузии идентичности) обычно сосуществует с проблемами половой идентичности и, как подчеркивали Овэзи и Персон (1973, 1976), у транссексуалов обычно обнаруживаются серьезные нарушения и других аспектов идентичности.

Полоролевая идентичность

В классической работе Маккоби и Жаклин (1974) делается вывод о том, что существует целый ряд необоснованных представлений о полоролевых различиях: некоторые из них достаточно прочно укоренились, другие вызывают сомнения и вопросы. Одним из таких необоснованных представлений является то, что девочки более “социальны” и “управляемы” по сравнению с мальчиками, им легче дается механическое заучивание и решение повторяющихся задач; при этом они имеют более низкую самооценку и меньшую мотивацию к достижению успеха. Считается также, что мальчики лучше выполняют задания творческого характера, требующие отказа от ранее усвоенных стандартных подходов; что они более

“аналитичны”. Считается, что на девочек большее влияние оказывают наследственные факторы, на мальчиков же — окружающая среда; у девочек определяющим является звуковое восприятие, у мальчиков — зрительное.

Среди укоренившихся половых различий можно назвать следующие: девочки превосходят мальчиков в вербальных способностях, мальчики — в зрительно-пространственной ориентации и математике. Кроме того, мальчики более агрессивны. Все еще нет единой точки зрения относительно различий в тактильной чувствительности, чувстве страха, застенчивости, тревожности, конкурентности, доминантности, а также в уровне активности, уступчивости, научения и “материнского” поведения.

Какие же из вышеперечисленных психологических различий генетически детерминированы, какие имеют социальную природу, а какие развиваются спонтанно через подражание? Маккоби и Жаклин утверждают (и имеется достаточно данных, подкрепляющих это утверждение), что очевидна связь между биологическими факторами и степенью агрессивности и способности к зрительно-пространственной ориентации. По имеющимся данным, мужчины и самцы человекообразных обезьян более агрессивны; по-видимому, вне зависимости от национально-культурной принадлежности уровень агрессии в значительной степени зависит от количества половых гормонов. Возможно, предрасположенность к агрессии находит свое выражение в таких чертах, как доминирование, активность, соперничество, но имеющиеся данные не свидетельствуют об этом с полной определенностью. Маккоби и Жаклин приходят к выводу, что генетически обусловленные характеристики могут принимать форму большей готовности к проявлению какого-либо конкретного вида поведения. Это относится к усвоенным формам поведения, но не ограничивается ими.

Фридман и Дауни (1993) пересмотрели данные о влиянии пренатальной гормональной патологии у девочек на постнатальное сексуальное поведение. Они изучили имеющиеся сведения о девочках с врожденной гипертрофией (гиперплазией) надпочечников и провели сравнительный анализ с девочками, мамы которых во время беременности принимали половые стероидные гормоны. Этих детей растили как девочек, и хотя их ядерная половая идентичность была женской, ставился вопрос о том, в какой степени избыточность мужских гормонов в пренатальном периоде влияет на их ядер-

ную половую идентичность и полоролевую идентичность в детстве и отрочестве.

Несмотря на то, что была выявлена слабая связь избыточного количества андрогенов в пренатальном периоде с преобладанием гомосексуальности, более существенным явилось открытие, что вне зависимости от воспитания у девочек с врожденной гипертрофией надпочечников наблюдалась большая склонность к мальчишеской манере поведения. Они проявляли меньше интереса к куклам и украшениям, предпочитая им машины, пистолеты и т.д. по сравнению с контрольной группой. В качестве партнеров для игр они отдавали предпочтение мальчикам, проявляя при этом большую энергию и склонность к дракам. Данные этих исследований дают возможность предположить, что гормональный уровень в пренатальном периоде оказывает значительное влияние на полоролевое поведение ребенка в детском возрасте. Фридман (в личной беседе) соглашается с Маккоби и Жаклин (1974) в том, что большинство особенностей, отличающих мальчиков от девочек, по всей вероятности, культурно обусловлены.

Ричард Грин (1976) изучал воспитание мальчиков с фемининными чертами. Выяснилось, что основными факторами, влияющими на развитие фемининности у мальчиков, являются безразличие родителей к проявлению фемининного поведения или его поощрение; одевание мальчика в женскую одежду; чрезмерная материнская опека; отсутствие отца или неприятие им ребенка; физическая привлекательность ребенка; недостаток общения с мальчиками своего возраста. Критической общей чертой во всех этих случаях, похоже, является то, что в них отсутствует неодобрение фемининного поведения. Дальнейшие обследования этих детей обнаружили среди них высокий процент (до 75%) бисексуальности и гомосексуальности (Грин, 1987).

Наличие бихевиоральных качеств другого пола — мальчишеского поведения у девочек и фемининного — у мальчиков часто связано с гомосексуальным выбором объекта. Фактически, можно считать, что полоролевая идентичность так же тесно связана с ядерной половой идентичностью, как и с выбором объекта: предпочтение собственного пола может повлиять на выбор роли, социально идентифицируемой с противоположным полом. И наоборот, вживание в роль противоположного пола может повлечь за собой предрасположенность к гомосексуализму. Здесь мы подходим к следующему слагаемому сексуальности — выбору объекта.

Доминирующий выбор объекта

Для описания выбора объекта сексуального влечения Мани (1980) и Перпер (1985) в своих работах пользуются термином *шаблоны* человеческого поведения. Перпер полагает, что такие шаблоны не закодированы изначально, а вырабатываются в процессе формирования человека, что включает в себя развитие нервной системы на основе генетически заложенных механизмов и последующее нейрофизиологическое создание образа “желанного другого”. Развитие образа выбранного объекта Мани называет *любовными картами* (*lovemaps*). Он полагает, что они формируются на основе определенной программы, заложенной в мозг индивида, получающей дальнейшее развитие и завершение во взаимодействии с окружающей средой, в которой воспитывается ребенок до восьми лет. Нельзя не заметить, что, говоря о выборе объекта сексуального влечения, эти выдающиеся ученые в области вопросов формирования сексуального поведения человека ограничиваются лишь самыми общими рассуждениями. Изучение литературы на данную тему приводит к мысли, что конкретных исследований сексуального опыта детей проведено крайне мало, если они вообще есть. Совсем иная картина сложилась в области исследований полоролевой и ядерной половой идентичности — можно назвать целый ряд фундаментальных трудов на эту тему.

Я полагаю, что недостаток документальных материалов на данную тему говорит о нежелании признать существование детской сексуальности. Это связано с тем, что в западной культуре было наложено табу на вопрос сексуального поведения младенцев. В свое время Зигмунд Фрейд бесстрашно пренебрег этим запретом. Представители культурной антропологии (Эндельман, 1989) приводят данные, свидетельствующие о том, что дети демонстрируют спонтанное сексуальное поведение. Галенсон и Руаф (1974), наблюдая за детьми в естественных условиях, обнаружили, что мальчики играют с гениталиями, начиная с 6—7-го месяца, девочки — на 10—11-м месяце; те и другие начинают мастурбировать на 15—16-м месяце. Большое влияние на сексуальное поведение детей оказывают социальный статус и культурная среда. Так, например, вероятность мастурбации детей, воспитывающихся в семьях рабочих, в два раза выше, чем у детей среднего класса.

Фишер (1989) отмечает, что способность детей логически мыслить о гениталиях намного ниже общего уровня логического мышления; он также обратил внимание на то, что девочки игнорируют

клитор и мистифицируют природу влагалища и что родители бессознательно повторяют вместе со своими детьми свой собственный опыт подавления сексуальности. Существуют также данные, свидетельствующие о том, что подростки продолжают игнорировать сексуальные темы в переходном возрасте.

Мани, Эрхардт (1972) и Банкрофт (1989) говорят о широко распространенной боязни исследовать детскую сексуальность. Но Банкрофт предполагает, что, ввиду повышенной социальной озабоченности по поводу сексуальных злоупотреблений в отношении детей, “необходимость лучшего понимания детской сексуальности получит всемирное признание, и тогда в будущем, возможно, легче будет проводить исследования в этой области”. Даже психоанализ до недавнего времени не отвергал концепцию о “латентном периоде” — фазе, во время которой проявляется мало интереса к вопросам пола. Сейчас среди детских психоаналитиков все более распространяется мнение о том, что на самом деле эти годы характеризуются более сильным интернализированным контролем и подавлением сексуального поведения (из личной беседы с Полиной Кернберг).

По моему мнению, существует достаточно оснований говорить о том, что психологические или, точнее, социально-психологические факторы формируют ядерную половую идентичность и в значительной степени влияют на полоролевую идентичность, если не определяют ее полностью. Однако имеется гораздо меньше оснований для утверждений о том, что эти аспекты оказывают влияние на выбор сексуального объекта. Изучение сексуальной жизни приматов показало, что на формирование сексуального поведения и выбор сексуального объекта гораздо большее влияние оказывают раннее научение, контакт с матерью и общение со сверстниками, и меньшее — гормональные факторы (по сравнению с не-приматами). Выше мы видели, что у человеческих детей эта тенденция получает дальнейшее развитие.

Мэйер (1980) предполагал, что, как младенец и маленький ребенок бессознательно идентифицирует себя с родителем своего пола при формировании ядерной половой и полоролевой идентичности, так же он идентифицируется с сексуальным интересом этого родителя. Мани и Эрхардт (1972) подчеркивают, что правилам мужского и женского поведения обучаются, а также отмечают идентификацию ребенка с реципрокными и комплементарными (взаимоответными и дополняющими) аспектами взаимоотношений между мужчинами и женщинами. Существуют поразительные клинические данные об обоюдном соблазнении, присутствующем в отношениях ребенка и родителей, которые часто не учитываются в академических иссле-

дованиях половой и полоролевой идентичности, — очевидно, по причине сохраняющегося культурного табу на детскую сексуальность.

Хотелось бы особо отметить два выдающихся вклада в эту область психоаналитической теории и наблюдений. Во-первых, это психоаналитическая теория объектных отношений, позволяющая объединить процесс идентификации и комплементарности ролей в единую модель развития. Во-вторых, это теория Фрейда об эдиповом комплексе, которой я коснусь в другом контексте. Здесь же я ссылаюсь на свою более раннюю работу, где высказывается предположение о том, что формирование идентичности определяется взаимоотношениями между младенцем и матерью, особенно в раннем детстве, когда эмоциональный опыт ребенка очень интенсивен, вне зависимости от того, приятное это переживание или болезненное.

Память об этих эмоционально-насыщенных моментах образует ядро схемы взаимодействий Я-репрезентации ребенка (self representation) с объект-репрезентацией матери (object representation), приносящими приятные или неприятные минуты. Вследствие этого формируются две параллельные и изолированные друг от друга линии Я-репрезентаций и объект-репрезентаций и соответствующего им аффекта — позитивного или негативного. Эти первоначально “абсолютно хорошие” и “абсолютно плохие” Я- и объект-репрезентации затем интегрируются в репрезентации “целого” Я и репрезентации “целых” значимых других — процесс, являющийся основой нормальной интеграции идентичности. В предыдущих работах (1976, 1980а, 1980) я также подчеркивал свою убежденность в том, что идентичность формируется через *идентификацию с отношениями с объектом*, а не самим объектом. Это означает идентификацию и с Я, и с другим в их взаимодействии и, соответственно, интернализацию реципрокных ролей этого взаимодействия. Установление ядерной половой идентичности — интегрированной Я-концепции, которая определяет идентификацию индивида с тем или иным полом — не может быть рассмотрено отдельно от установления соответствующей интегрированной концепции другого, что включает отношение к нему как к желаемому сексуальному объекту. Эта связь между ядерной половой идентичностью и выбором желаемого сексуального объекта в то же время объясняет присущую человеку бисексуальность: мы идентифицируемся и с нашим собственным Я, и, одновременно, — с объектом влечения.

Если, например, мальчик ощущает себя мальчиком, любимым матерью, он отождествляет себя одновременно с мужской ролью ребенка и с женской ролью матери. Таким образом, в будущем

такой ребенок может актуализировать свою Я-репрезентацию, проецируя репрезентацию матери на другую женщину; или под влиянием определенных обстоятельств может отыгрывать роль матери, проецируя Я-репрезентацию на другого мужчину. Доминирование Я-репрезентации как ребенка мужского пола может давать уверенность в преобладании гетеросексуальной ориентации (включая неосознанный поиск матери в других женщинах). Превалирующая идентификация с репрезентацией матери может определить формирование одного из типов мужской гомосексуальности (Фрейд, 1914).

У девочки в ее ранних отношениях с матерью формируется и закрепляется ядерная половая идентичность путем идентификации и с ее собственной, и с материнской ролью во взаимодействии. Ее более позднее желание занять место отца как объекта любви матери, так же как ее собственный позитивный выбор отца в эдиповой фазе, закрепляет бессознательную идентификацию и с отцом. Эдипов комплекс в то же время закрепляет неосознанную идентификацию со своим отцом. Таким образом она тоже устанавливает бессознательную бисексуальную идентификацию. Отождествление не с человеком, а с отношением и построение в бессознательном системы реципрокных ролей дают возможность говорить о психологической обусловленности бисексуальности. Это находит свое отражение в способности к обретению как ядерной половой идентичности, так и сексуального интереса к человеку другого (или того же) пола в одно и то же время. Это также способствует интеграции половых ролей противоположного пола с ролями своего собственного, а также идентификации с социальными половыми ролями как своего, так и противоположного пола.

Подобная точка зрения на раннюю сексуальность предполагает, что концепция Фрейда (1933 г.) о врожденной бисексуальности верна, так же как и его сомнение по поводу связи бисексуальности с известными биологическими структурными различиями полов. Иными словами, у нас недостаточно оснований говорить о прямой связи между диморфной анатомической предрасположенностью к бисексуальности и бисексуальностью, сформировавшейся в процессе психического развития в раннем возрасте.

Интенсивность сексуального влечения

Биологический механизм сексуального отклика, возбуждения и коитуса, включая оргазм, изучен достаточно хорошо: стимул вызывает сексуальную ответную реакцию, субъективно ощущаемую

как возбуждение. Но все еще остается открытым вопрос о том, каким образом можно количественно измерить интенсивность сексуального возбуждения. Сложность представляет также сравнительный анализ возбуждения у мужчин и у женщин. Несмотря на то, что физиологические механизмы изучены достаточно хорошо, все еще нет единой точки зрения на психологические сходства и различия.

Подводя итоги, можно сказать, что адекватный уровень циркулирующих андрогенов является необходимым условием для способности человека реагировать сексуально, таким образом оказывая влияние на сексуальное желание и у мужчин, и у женщин. Но знаменательно, что в тех случаях, когда гормональный уровень находится в норме или превышает норму, сексуальное желание и поведение не зависят от гормональных колебаний. Для человека доминирующим фактором, определяющим интенсивность сексуального желания, является когнитивный — то есть сознательная осведомленность о своем сексуальном интересе, находящем отражение в сексуальных фантазиях, воспоминаниях и готовности к реакции на сексуальный стимул. Но сам сексуальный опыт не является чисто “когнитивным”, он включает могучую аффективную составляющую. Фактически сексуальный опыт является прежде всего аффективно-когнитивным (эмоционально-познавательным).

С точки зрения физиологии за эмоциональную сферу отвечает лимбическая система, которая является нервным субстратом сексуального поведения (Маклеан, 1976). Наблюдения за поведением животных продемонстрировали, что определенные участки лимбической системы определяют эрекции и эякуляцию, а также то, что механизм возбуждения/торможения оказывает косвенное влияние на эрекцию. Исследования самцов макаки резус показали, что электростимуляция латеральной части гипоталамуса и дорсомедиального ядра гипоталамуса приводит к коитальной активности и эякуляции, в то время как обезьяны могут свободно передвигаться.

Банкрофт (1989 г.) пишет о том, что сексуальное возбуждение у человека — это комплексный отклик, состоящий из таких элементов, как сексуальные фантазии, воспоминания и желания, а также усиливающийся сознательный поиск внешних стимулов, специфичных для сексуальной ориентации индивида и сексуального объекта. Банкрофт считает, что сексуальное возбуждение включает активацию лимбической системы под влиянием когнитивно-аффективного состояния, которое стимулирует центральный спинномозговой участок и периферические нервные центры, отвечающие

за гиперемия (прилив крови), смазывание, повышение местной чувствительности половых органов, что путем обратной связи с центральной нервной системой сообщает об этой генитальной активации. Я полагаю, что сексуальное возбуждение является специфическим аффектом, имеющим все характеристики эмоциональных структур и представляющим собой центральный “строительный блок” процесса сексуального желания или либидо в комплексной мотивационной системе.

Возможно, дополнительного разъяснения требуют некоторые используемые термины. Биологический механизм сексуального влечения можно разделить на сексуальную реакцию, сексуальное возбуждение и оргазм. Но, принимая во внимание тот факт, что сексуальная реакция может и не включать активацию специфических генитальных процессов, а также то, что генитальная реакция возможна с ограниченным или минимальным сексуальным возбуждением, кажется целесообразным использовать термин *сексуальное реагирование* или *реакция, отклик* в значении общего осознания сексуального стимула, мечтаний о нем, заинтересованности в нем и ответной реакции на этот стимул. Мы будем употреблять термин *генитальное возбуждение* тогда, когда речь будет идти о непосредственной генитальной реакции: набухании полового члена за счет притока крови, что ведет к эрекции у мужчин и соответствующим эректильным реакциям у женщин с появлением смазки во влагалище и эрекцией сосков.

Термин *сексуальное возбуждение*, кажется, наилучшим образом отражает процесс в целом, включая специфические когнитивные аспекты и субъективное переживание сексуального отклика, генитального возбуждения и оргазма, а также подключаемые к этому соответствующие механизмы вегетативной нервной системы и мимику как часть того, что Фрейд называл “процессом разрядки”. В свою очередь, я считаю сексуальное возбуждение основным эмоциональным моментом в сложном психологическом феномене, а именно — эротическом желании, в котором сексуальное возбуждение связано эмоциональными отношениями со специфическим объектом. А теперь можно приступить к изучению природы сексуального возбуждения и его перерастания в эротическое желание.

2. СЕКСУАЛЬНОЕ ВОЗБУЖДЕНИЕ И ЭРОТИЧЕСКОЕ ЖЕЛАНИЕ

С точки зрения филогенеза, аффекты возникли у млекопитающих относительно недавно, и их основной биологической функцией является коммуникация “детеныш — тот, кто о нем заботится”, а также общение особей между собой, служащее для удовлетворения базовых инстинктов (Крауз, 1990). Если питание (добыча еды, кормление), борьба—бегство и спаривание являются основными инстинктами, то соответствующие им аффективные состояния могут рассматриваться в качестве их компонентов. Поднимаясь вверх по эволюционной лестнице, можно проследить, как последовательно меняется иерархия и соподчиненность инстинктов и аффективных состояний. Лучше всего этот процесс можно проиллюстрировать на примере приматов и, конечно, человека.

Сексуальное возбуждение занимает совершенно особое место среди прочих аффективных состояний. Представляется очевидным, что сексуальное возбуждение, происходящее из биологической функции и в животном мире принадлежащее структурам, обслуживающим биологический инстинкт размножения, занимает центральное место в психологическом опыте человека. Однако сексуальное возбуждение развивается на более поздней стадии, и его проявления сложнее таких примитивных эмоций, как гнев, радость, печаль, удивление, отвращение. По своим когнитивным и субъективно переживаемым составляющим оно похоже на такие более сложные эмоции, как гордость, стыд, вина и презрение.

Психоанализ и психоаналитические наблюдения за детьми предоставляют множество доказательств того, что сексуальное возбуждение происходит из приятных ощущений в общении младенца с тем, кто о нем заботится, и другими членами семьи и достигает кульминации в полном доминировании генитальных ощущений, в пубертатном периоде. Диффузная “возбужденность” кожи, являющаяся частью ранних отношений с матерью, сексуальное возбуждение того, что Фрейд назвал эрогенными зонами, когнитивно

запечатленные представления, развитие бессознательных фантазий — все это связано интенсивным аффектом удовольствия, наслаждения, активирующимся, начиная с младенчества, и достигающим кульминации в виде когнитивно-аффективного опыта сексуального возбуждения.

Сознательная и бессознательная концентрация на определенном выборе сексуального объекта преобразует сексуальное возбуждение в эротическое желание. Эротическое желание включает в себя стремление к сексуальным отношениям с определенным объектом. Это, однако, не означает, что сексуальное возбуждение безобъектно. Как и другие эмоции, оно существует в связи с объектом, но этот объект является примитивным “частичным” объектом (part-object), бессознательно отражающим опыт слияния в симбиозе недифференцированных желаний раннего этапа сепарации-индивидуации.

В самом начале — в первые год-два жизни ребенка — сексуальное возбуждение диффузно и связано со стимуляцией эрогенных зон. В противоположность этому, эмоция эротического желания более развита, а специфическая для нее природа объектных отношений когнитивно более дифференцирована.

Эротическое желание характеризуется сексуальным возбуждением, связанным с эдиповым объектом; это желание симбиотического слияния с эдиповым объектом в контексте сексуального объединения. При нормальных обстоятельствах сексуальное возбуждение зрелого индивида активируется в контексте эротического желания. Таким образом, мое разведение этих двух аффектов может показаться навязанным и искусственным. Если речь идет о патологии, как, например, в случае ярко выраженных нарциссических расстройств, непростроенность внутреннего мира объектных отношений может привести к неспособности испытывать эротическое желание наряду с диффузным, избирательным, случайно возникающим и всегда неудовлетворенным сексуальным возбуждением или даже к невозможности переживать сексуальное возбуждение.

При зрелой сексуальной любви, которую мы более подробно будем рассматривать в последующих главах книги, эротическое желание перерастает в отношения с конкретным объектом, в которых бессознательная активация отношений из прошлого опыта и сознательные ожидания относительно будущей жизни пары сочетаются с формированием совместного Я-идеала. Зрелая сексуальная лю-

бовь подразумевает некие соглашения и обязательства в области секса, эмоций, ценностей.

Предлагаемые дефиниции немедленно вызывают ряд вопросов: если истоки сексуального возбуждения и эротического желания закладываются в раннем детстве в отношениях ребенка с тем, кто о нем заботится, и включают в себя эдипову ситуацию, являются ли они производными от этих объектных отношений? Оказываются ли биологические предпосылки, так сказать, “на службе” у развивающегося мира интернализованных и реальных объектных отношений? Или постепенное развитие биологического аппарата, который позволяет развиваться сексуальному возбуждению, организует ранние и последующие объектные отношения? Здесь мы попадаем в одну из противоречивых областей психоаналитической теории, касающейся отношений между биологическими инстинктами, психологическими влечениями и интернализованными объектными отношениями. Необходимо изучить эти вопросы, прежде чем вернуться к конкретным когнитивным структурам, связанным с эротическим желанием, — к структуре ранних фантазий, трансформирующих сексуальное возбуждение в эротическое желание.

Инстинкты, влечения, аффекты и объектные отношения

Как отмечал Холдер (1980), Фрейд четко разграничил инстинкты и влечения. Под влечениями он понимал психологические мотивы человеческого поведения, являющиеся скорее постоянными, а не прерывистыми. С другой стороны, инстинкты для него — биологические, наследуемые и прерывистые, в том смысле, что они приводятся в действие психологическими факторами и/или факторами окружающей среды. Либи́до — влечение, голод — инстинкт.

Лапланш и Понталис (1973) в этой связи замечают, что Фрейд рассматривает инстинкты как схему поведения, которая мало отличается у разных особей одного вида. Поразительно, насколько концепция Фрейда близка современной теории инстинктов, представленной, к примеру, Тинбергеном (1951), Лоренцом (1963) и Вилсоном (1975). Эти исследователи считают, что инстинкты представляют собой иерархические системы биологически детерминированных перцептивных, бихевиоральных (поведенческих) и коммуникатив-

ных паттернов, которые приводятся в действие факторами окружающей среды, активизирующими врожденные “пусковые” механизмы. Эта биологически-средовая система считается эпигенетической. На примере исследования животных Лоренц и Тинберген показали, что формирование и развитие связи отдельных врожденных поведенческих паттернов у каждого конкретного индивида в значительной степени определяется характером воздействия на него окружающей среды. С этой точки зрения, инстинкты представляют собой системы биологической мотивации, имеющие иерархическую структуру. Обычно инстинкты классифицируют по трем направлениям: добыча еды — реакция на опасность (отражение атаки/бегство) — спаривание или каким-либо иным образом, но при этом инстинкты представляют собой сплав врожденных предрасположенностей и научения под воздействием окружающей среды.

Несмотря на то, что Фрейд признавал, что влечения строятся на биологической основе, он также неоднократно подчеркивал недостаточность информации относительно процессов, трансформирующих эти биологические предпосылки в психические мотивы. Его концепция либидо, или сексуального влечения, является иерархически построенной системой ранних “частичных” сексуальных влечений. Теория о двух влечениях — сексуальном и агрессивном — (1920) представляет его последнюю концепцию влечений как основного источника бессознательных психических конфликтов и формирования психической структуры. Фрейд описывал биологические источники сексуальных влечений в соответствии с возбуждением эrogenных зон, но он не описал таких конкретных биологических источников для агрессии. В противоположность фиксированным источникам либидо, он отмечал, что цели и объекты сексуальных и агрессивных влечений меняются в процессе психического развития: непрерывное развитие сексуальных и агрессивных мотиваций может найти выражение в различных вариациях в процессе сложного психического развития.

Фрейд предполагал (1915 b,c,d), что влечения проявляются через психические образы или представления — то есть когнитивное проявление влечения — и аффекты. Фрейд по крайней мере дважды менял свое определение аффектов (Рапапорт, 1953). Первоначально (1894) он полагал, что аффекты почти эквивалентны влечениям. Позже (1915 b,d) он пришел к выводу о том, что аффекты — результат разрядки влечений (особенно в том, что касается удовольствия, боли, психомоторики и вегетативной нервной системы). Эти про-

цессы разрядки могут достичь сознания, не подвергаясь вытеснению; вытесняется только ментальный образ влечения вместе с памятью о сопутствующих ему эмоциях или предрасположенностью к их активации. Последняя концепция Фрейда (1926) описывает аффекты как врожденные предрасположенности (пороги и каналы) Эго и подчеркивает их сигнальные функции.

Если аффекты и эмоции (то есть когнитивно развернутые аффекты) представляют собой сложные структуры, включающие субъективный опыт переживания боли или удовольствия с определенными когнитивными и выразительно-коммуникативными компонентами, а также шаблонами механизма разрядки вегетативной нервной системы, и если они присутствуют — как показали исследования детей (Эмде и др. 1978; Изард 1978; Эмде 1987; Штерн 1985) — с первых недель и месяцев жизни, являются ли они определяющими мотивационными силами психического развития? Если они включают и когнитивные, и аффективные компоненты, что тогда остается для более широкого понятия влечения, что не входит в понятие аффекта? Фрейд полагал, что влечения присутствуют с самого рождения, но он также считал, что они развиваются и “взрослеют”. Можно оспорить утверждение о том, что развитие и “взросление” аффектов есть проявления скрытых за ними влечений, но если все функции и проявления влечений могут быть включены в функции и проявления развивающихся аффектов, понятие самостоятельных влечений, лежащих в основе образования аффектов, будет сложно поддерживать. Фактически, преобразование аффектов в процессе развития, их интеграция с интернализованными объектными отношениями, их целостная дихотомия на приятные ощущения, составляющие структуру либидо, и болезненные чувства, составляющие структуру агрессии, — все говорит о богатстве и сложности их когнитивных и аффективных элементов.

Я подразумеваю под аффектами инстинктивные структуры (Кернберг 1992), физиологические по природе, биологически заданные, активизирующиеся в процессе развития и включающие психические компоненты. Я полагаю, что этот психический аспект, развиваясь, составляет агрессивные и либидинальные влечения, как их описывал Фрейд. Частичные сексуальные влечения, с моей точки зрения, являются более лимитированными, они ограничены интегрированными соответствующими эмоциональными состояниями, тогда как либидо как влечение — результат иерархической интеграции этих состояний, то есть интеграция всех эротически-центриро-

ванных аффективных состояний. Поэтому, в противоположность до сих пор преобладающей в психоанализе точке зрения на аффекты как простые продукты разрядки, я считаю, что аффекты являются промежуточной структурой между биологическими инстинктами и психическими влечениями. Я полагаю, что развитие аффектов основано на аффективно окрашенных объектных отношениях в виде аффективной памяти. Эмде, Изард и Штерн указывали на центральную роль объектных отношений в активации аффектов. Эта связь подкрепляет мое предположение о том, что ранние аффективные состояния, закрепленные в памяти, включают в себя такие объектные отношения.

Я полагаю, что активация различных эмоций к одному и тому же объекту происходит под влиянием широкого круга задач, которые необходимо решать по мере взросления индивида, и биологически запускаемых инстинктивных поведенческих паттернов. Полученные в результате этого различные аффективные состояния, направленные на один и тот же объект, могут служить экономным объяснением того, каким образом аффекты связываются и трансформируются в соподчиненные мотивационные ряды, составляющие сексуальное или агрессивное влечение. Например, чувство удовольствия при оральной стимуляции во время кормления и удовольствие при анальной стимуляции во время приучения к горшку может сгущаться в приятные интеракции младенца и матери, связанные с таким орально- и анально-либидинальным развитием. Агрессивная реакция ребенка на фрустрацию во время орального периода и борьба за власть, характерная для анального периода, могут связаться в агрессивных аффективных состояниях, составляющих агрессивное влечение. В дальнейшем интенсивные позитивные чувства к матери, испытываемые младенцем на этапе сепарации-индивидуации (Маллер и др. 1975), могут связаться с сексуальным стремлением к ней в период активации генитальной чувствительности на эдиповой стадии развития.

Но если мы будем рассматривать аффекты как основной психо-биологический “строительный материал” влечений и как самые ранние мотивационные системы, нам придется объяснить, каким образом они выстраиваются в иерархическую систему соподчинения. Почему нельзя сказать, что первичные аффекты сами по себе являются основными мотивационными системами? Я полагаю, потому, что аффекты испытывают многочисленные побочные взаимодействия и трансформации в течение всего периода развития.

Теория мотиваций, основанная на аффектах, а не на двух основных влечениях, была бы более сложной и запутанной и клинически неудовлетворительной. Я также полагаю, что бессознательная интеграция аффективно насыщенного опыта раннего детства требует предположить более высокий уровень мотивационной организации, чем представленный аффективными состояниями *per se* (сами по себе). Мы должны предположить, что мотивационная система соответствует сложной интеграции процессов развития аффектов в их связи с родительскими объектами.

Аналогично этому, попытка заменить теорию влечений и эмоций теорией привязанности или теорией объектных отношений, не признающей концепцию влечений, ведет к неоправданному занижению сложности интрапсихической жизни, уделяя внимание лишь позитивным или либидинальным элементам привязанности, и пренебрегая бессознательной агрессией. Хотя сторонники теории объектных отношений и не утверждают этого, на практике они, отвергая теорию влечений, серьезно недооценивают мотивационные аспекты агрессии.

По этим причинам, я думаю, что, изучая мотивацию, мы не должны заменять теорию влечений теорией аффектов или теорией объектных отношений. Кажется, в высшей степени разумно и предпочтительно рассматривать аффекты как строительный материал влечений. Аффекты, таким образом, являются связующим звеном между биологически заданными инстинктивными компонентами, с одной стороны, и интрапсихической организацией влечений — с другой. Соотношение аффективных состояний хорошего отношения и антипатии с дуалистическими рядами либидо и агрессии имеет смысл с клинической и теоретической точек зрения.

Данная концепция аффектов как строительного материала влечений, на мой взгляд, может разрешить некоторые проблемы в психоаналитической теории влечений. Если подходить к аффектам с такой точки зрения, это расширит концепцию эрогенных зон как “источника” либидо до более общей концепции всех психологически активизируемых функций и участков тела, участвующих в аффективно нагруженных интеракциях младенца и ребенка с матерью. Эти функции включают смещение акцента заботы о телесных функциях на социальное функционирование и проигрывание ролей. Моя концепция также предлагает недостающие звенья в психоаналитической теории относительно источников агрессивно нагруженных интеракций в диаде “младенец-мать”, “зональности” агрессивно-

го орального проглатывания и анального контроля, непосредственных физических столкновений, связанных со вспышками гнева и т.д. Аффективно нагруженные объектные отношения вливают энергию в физиологические “зоны”.

Последующая психофизиологическая активация ранних неблагоприятия, гнева, страха, а позже депрессии и чувства вины формирует соответствующие агрессивные составляющие Я и объекта. Эти составляющие реактивируются в бессознательных конфликтах в агрессии, которая проявляется в переносе. Непосредственная интернализация либидинальных и агрессивных аффективных чувств как частей Я- и объект-репрезентаций (так называемые “интернализированные объектные отношения”), интегрированных в структуры Эго и Супер-Эго, представляет собой, в моей формулировке, либидинальные и агрессивные части этих структур.

Согласно данной концепции взаимосвязи влечений и аффектов, Ид состоит из вытесненных интенсивных агрессивных или сексуальных интернализированных объектных отношений. Характер сгущения и смещения психических процессов в Ид отражает аффективную связь Я- и объект-репрезентаций соответствующих агрессивных, либидинальных и — позже — совмещенных чувств.

Данная концепция влечений также позволяет отдать должное биологически детерминированному появлению новых аффективных состояний в течение жизни. Эти состояния включают активацию сексуального возбуждения в период юности, когда аффективное состояние эротического волнения интегрируется с генитальным возбуждением и с эротически заряженными эмоциями и фантазиями из эдиповой фазы развития. Другими словами, усиление влечений (либидинальных и агрессивных) на разных стадиях жизненного цикла определяется инкорпорированием новых психофизиологически активированных аффективных состояний в предсуществующие иерархически организованные системы аффектов.

В более общем виде моя точка зрения такова: раз организация влечений как иерархически выстроенных мотивационных систем уже сложилась, любая определенная активация влечений в контексте интрапсихического конфликта представлена активацией соответствующих аффективных состояний. Аффективное состояние включает интернализированные объектные отношения, в основном определенную Я-репрезентацию, связанную с определенной объект-репрезентацией под влиянием определенного аффекта. Реципрокные ролевые отношения между Я и объектом заключены в рамки определенного аффекта и обычно выражаются в виде фантазий или желаний.

Бессознательные фантазии состоят из таких совокупностей Я-репрезентаций и объект-репрезентаций и связующего их аффекта. Иначе говоря, аффекты — это сигналы или репрезентации влечений — как предполагал Фрейд (1926), — а также их строительный материал.

Фрейд (1905) описывал либидо как влечение, возникающее при стимуляции эрогенных зон и характеризующееся определенной целью, напряжением и объектом. Как я уже упоминал, истоки либидо находятся в примитивных аффективных состояниях, включая как состояние восторга в ранних детско-материнских отношениях, так и симбиоз переживаний и фантазий. Аффективные и в основном приятные состояния от общения с матерью, возникающие ежедневно в состояниях покоя, также интегрируются в либидинальные интенции.

Сексуальное возбуждение — более поздний и более дифференцированный аффект; он начинает действовать как решающий компонент либидинального влечения, но его корни как аффекта лежат в интегрированном эротически окрашенном опыте, возникшем в результате стимуляции различных эрогенных зон. Действительно, поскольку сексуальное возбуждение как аффект связано со всем полем психического опыта, оно не ограничивается стимуляцией определенной эрогенной зоны, а проявляется как ощущение удовольствия всего тела.

Так же как либидо, или сексуальное влечение, есть результат интеграции позитивных или приятных аффективных состояний, так и агрессивное влечение есть результат интеграции многочисленных проявлений негативного опыта или антипатии — гнева, отвращения, ненависти. Гнев фактически может считаться основным аффектом агрессии. Ранние характеристики и развитие гнева у детей многократно документально фиксировались исследователями; вокруг этого группируется сложное аффективное образование агрессии как влечения. Исследования детей показывают изначальную функцию гнева как попытки устранить источник боли или беспокойства. В бессознательных фантазиях, возникающих в связи с реакциями гнева, гнев обозначает одновременно активацию “абсолютно плохого” объектного отношения и желание устранить его и восстановить “абсолютно хорошее”, представленное объектными отношениями под влиянием позитивных, либидинальных аффективных состояний. Но психопатология агрессии не ограничивается интенсивностью и частотой приливов гнева: аффект, который становится доминантой, агрессия как патологическое влечение, есть сложный и

разработанный аффект ненависти; устойчивый, структурированный, объектно-направленный гнев.

Агрессия входит и в сексуальный опыт как таковой. Мы увидим, что опыт проникновения, внедрения и опыт, когда в тебя проникают, входят, включает в себя агрессию, служащую любви, используя при этом эротогенный потенциал переживания боли как необходимой составной части несущего наслаждение слияния с другим в сексуальном возбуждении и оргазме. Эта нормальная способность трансформации боли в эротическое возбуждение дает осечку, когда грубая агрессия доминирует в родительно-детских отношениях, что, возможно, является решающим фактором в формировании эротического возбуждения, возникающего при причинении страдания другим.

Я думаю, что эта формулировка отношений между влечением и аффектами соответствует Фрейдовской дуалистической теории влечений и в то же время органично сочетает психоаналитическую теорию с современной биологической теорией инстинктов и наблюдениями за развитием младенцев в первые месяцы жизни.

Если сексуальное возбуждение — основной аффект, вокруг которого происходит скопление целого созвездия аффектов, и все это вместе взятое составляет либидо как влечение, то эротическое желание, то есть сексуальное возбуждение, направленное на определенный объект, — соединяет сексуальное возбуждение с миром интернализованных объектных отношений в контексте эдипального структурирования психической реальности. Фактически, эротическое желание способствует интеграции частичных объектных отношений в целостные объектные отношения — то есть отщепленных или диссоциированных Я- и объект-репрезентаций в цельные и всеохватывающие. Такое развитие углубляет природу сексуального опыта — процесса, кульминацией которого будет зрелая сексуальная любовь.

Клинические и генетические аспекты эротического желания

Каковы клинические характеристики эротического желания, проявляющиеся в процессе психоаналитического исследования? Прежде всего это поиск удовольствия, всегда направленный на другого человека — объект, в который проникаешь, вторгаешься,

которым овладеваешь или который проникает, вторгается в тебя или овладевает тобой. Это стремление к близости и слиянию, подразумевающее, с одной стороны, насильственное преодоление барьера и, с другой — соединение в одно целое с выбранным объектом. Сознательные или бессознательные сексуальные фантазии выражаются во вторжении, проникновении или овладении и включают в себя соединение выпуклых частей тела с естественными впадинами — пениса, сосков, языка, пальцев вторгающейся стороны, проникающих или вторгающихся во влагалище, рот, анус “принимающей” стороны. Получение эротического удовольствия от ритмических движений этих частей тела снижается или исчезает, если сексуальный акт не служит более широким бессознательным функциям слияния с объектом. Роли “принимающего” (“container”) и “отдающего” (“contained”) не следует смешивать с маскулинностью и фемининностью, активностью и пассивностью. Эротическое желание включает фантазии активного поглощения и пассивного состояния, когда в тебя проникают, и в то же время активного проникновения и пассивного состояния, когда тебя поглощают. Я высказывал предположение о том, что психологическая бисексуальность в смысле идентификации и с Я, и с объектом в специфическом сексуальном взаимодействии является универсальной и для мужчин, и для женщин. Можно возразить, что бисексуальность — прежде всего функция идентификации с обоими участниками сексуальных отношений или с тремя (“исключенная третья сторона”) в триадном сексуальном опыте (Либерман, 1956).

Второй характерной особенностью сексуального желания является идентификация с сексуальным возбуждением партнера и оргазмом, чтобы получить удовольствие от двух дополняющих друг друга переживаний слияния. Основным здесь является удовольствие от желания другого, любовь, выражающаяся в ответном чувстве другого на твоё сексуальное желание, и сопутствующее ему переживание слияния в упоении. При этом также возникает чувство принадлежности к обоим полам, на время устраняющее непреодолимые барьеры между полами, а также ощущение некой завершенности и блаженства от обоих аспектов сексуального опыта — проникновения и внедрения, а также чувства, когда в тебя проникают и включают в себя. В этой связи символическое смещение всех “проникающих” анатомических частей и всех “принимающих” или “проницаемых” углублений служит признаком сгущения эротизма всех “зон” и ожидаемой регрессии сексуального возбуждения в “зо-

нальную спутанность” (“zonal confusion”) (Мельтцер, 1973) с последующим слиянием в сексуальной активности и сексуальном контакте фантазий и ощущений всей поверхности тела обоих участников. В такой идентификации с другим заключается удовлетворение желания слияния, гомосексуального желания и эдипова чувства соперничества. То есть при этом все другие отношения исчезают в уникальной и слитой в одно целое сексуальной паре. К тому же бессознательная идентификация с обоими полами устраняет необходимость завидовать другому полу, и, оставаясь самим собой, индивид в то же время превращается в другого; при этом возникает ощущение перетекания в иное состояние, в котором достигается межличностное взаимопроникновение.

Третьей характерной чертой эротического желания является чувство выхода за пределы дозволенного, преодоления запрета, присутствующего во всех сексуальных контактах, запрета, происходящего из эдиповой структуры сексуальной жизни. Это чувство принимает многочисленные формы, и самым простым и универсальным из них является нарушение традиционных социальных ограничений, налагаемых обществом на открытую демонстрацию интимных частей тела и чувство сексуального возбуждения. Стендал (1822) первым обратил внимание на то, что сам акт раздевания отвергает социальные взгляды на чувство стыда и позволяет любовникам прямо смотреть друг на друга, не испытывая стыда. Облечение в одежду после сексуального акта есть возвращение в прежнее обыденное состояние стыдливости. Конвенциональная мораль (Кернберг, 1987) имеет тенденцию к подавлению или регулированию таких аспектов сексуального общения, которые наиболее непосредственно связаны с инфантильными полиморфными сексуальными целями, и именно эти цели, являющиеся прототипами сексуальных перверсий, наиболее прямо выражают сексуальное возбуждение, эротическую близость и выход за рамки социальных условностей.

Выход за рамки дозволенного включает нарушение эдиповых запретов, вызов эдипову сопернику (комплексу) и триумф над ним. Но это нарушение также распространяется на сам сексуальный объект и проявляется в соблазнительном поддразнивании и одновременно удерживании на расстоянии. Эротическое желание включает в себя ощущение того, что объект предлагает себя и в то же время отказывает, и сексуальное проникновение или поглощение объекта является насильственным нарушением чужих границ. В

этом смысле нарушение запретов также включает агрессию, направленную на объект; агрессию, возбуждающую в своем удовлетворении, сплавленную со способностью ощущать удовольствие от боли и с проецированием этой способности на объект. Агрессия приносит удовольствие, поскольку она является элементом любовных отношений. Итак, агрессия поглощается любовью и гарантирует безопасность перед лицом неизбежной амбивалентности.

Экстатические и агрессивные черты попытки преодоления границ Я представляют собой сложный элемент эротического желания. Батайл (1957) предполагал, правда, в другом контексте, что наиболее яркие переживания попыток преодолеть границы происходят под “знаком” любви и под “знаком” агрессии. Он писал о том, что самые сильные переживания человек испытывает в минуты крушения границ между Я и другим. Это происходит в моменты глубочайшей регрессии в экстатической любви и под воздействием чрезвычайно сильной боли. Интимность, возникающая между мучителем и тем, кого он мучает, и продолжительный эффект этого психического опыта для обоих участников возникает из самого примитивного, обычно диссоциированного или вытесняемого ощущения слияния “абсолютно плохих” отношений между Я и объектом, представляющих собой другую сторону отщепленного “абсолютно хорошего” объекта на симбиотической стадии развития.

Эротическое желание преобразует генитальное возбуждение и оргазм в чувство слияния с другим, что обеспечивает неизъяснимое чувство осуществления желаний, преодоления ограничений Я. Это слияние также способствует возникновению во время оргазма чувства единения с биологическими аспектами своего опыта. Вместе с тем, у объекта, которому другой причиняет боль и который идентифицирует себя с агрессором, одновременно ощущая себя жертвой, возникает чувство единения в боли, усиливающее ощущение слияния в любви. Причинение боли другому и идентификация с его эротическим удовольствием от боли есть эротический садизм — противоположная сторона эротического мазохизма. Эротическое желание в этом смысле включает элемент подчинения, рабской покорности другому, так же как и чувство властелина судьбы другого. Степень, до которой это агрессивное слияние будет удерживаться любовью, регулируется Супер-Эго, стоящим на страже любви, содержащей агрессию. И в наслаждении, и в боли совершается поиск интенсивных эмоциональных переживаний, стирающих на время границы Я и наполняющих жизнь особым смыслом, — пере-

живаний выхода за пределы, что связывает чувства сексуального и религиозного экстаза, опыт свободы от запретов и ограничений будничного существования.

Идеализация тела другого объекта и объектов, символически его представляющих, является существенным аспектом эротического желания. Люсье (1982) и Шассге-Смиржель (1985) указывали на центральную функцию идеализации применительно к фетишизму и перверсиям в целом. Такая идеализация является защитой, представляющей собой отрицание анальной регрессии в перверсии и кастрационной тревоги. Я согласен с ними в том, что касается важности функции идеализации как механизма в патологии. Считаю также, что идеализация морфологического строения сексуального партнера, поверхности его или ее тела является чрезвычайно важным моментом в нормальной интеграции в одно целое нежности и эротической борьбы и в гетеросексуальных, и в гомосексуальных любовных отношениях. Эротическая идеализация напоминает процесс нормальной идеализации в романтической любви, описанной Шассге-Смиржель (1985), а именно проекцию идеального Я на объект любви с одновременным повышением самооценки. В зрелой сексуальной любви копирование идеального Я в виде идеализированного объекта любви создает ощущение гармонии с миром, актуализации системы ценностей и эстетических идеалов: этика и красота актуализируются в любовных отношениях.

Мельцер и Вильямс (1988) предположили наличие раннего “этического конфликта”, связанного с младенческим отношением к телу матери. Любовь младенца к матери, считают они, выражается через идеализацию поверхности ее тела и через интроекцию любви матери, проявляющейся в идеализации ею тела ребенка, через идентификацию с ней в этой самоидеализации Я. Такая идеализация переходит в самое раннее чувство эстетической ценности и красоты. С другой стороны, Мельцер и Вильямс видят отщепленную агрессию к матери как направленную главным образом вовнутрь ее тела; путем проекции ребенок ощущает, что то, что находится внутри материнского тела, представляет для него опасность. Соответственно, желание и фантазии о насильственном вторжении в тело матери являются выражением агрессии, зависти к ее внешней красоте, а также к ее способности давать жизнь другому существу и любить. Идеализация поверхности тела матери служит защитой от опасной агрессии, таящейся под этой поверхностью. Вклад Шассге-Смиржель (1986) в рассмотрение архаических аспектов эди-

пова комплекса (фантазии о разрушении внутренности тела матери, пениса отца и детей отца и превращении внутренностей матери в бездонную пропасть) — заключается в важном прояснении природы примитивной агрессии и страхов как направленных на внутренние части тела матери.

Вышеуказанные авторы полагают, что идеализация мужчинами женского тела происходит из идеализации и возбуждения, которые вызывает поверхность материнского тела; по аналогии с этим, истоки бессознательных страхов, связанных с вагиной и внутренностями матери, также берут начало в ранних взаимоотношениях ребенка с матерью.

Аналогично этому, у мужчин идеализация отдельных частей тела гомосексуального партнера может восходить к идеализации тела матери. Идеализация мужских частей тела первоначально в гораздо меньшей степени выражена у женщин, но эта способность развивается в контексте приносящих удовлетворение сексуальных отношений с женщиной, который бессознательно представляет эдипова отца, вновь подтверждая красоту и ценность тела женщины, освобождая таким образом ее генитальную сексуальность от прежних инфантильных запретов. У обоих полов слияние нежных и эротических элементов объектных отношений придает большую глубину и сложность идеализации поверхности тела.

Тело партнера становится “географией” личностных смыслов; так что фантазийные ранние полиморфные перверсные отношения к родительским объектам сгущаются в восхищение отдельными частями тела партнера и желание агрессивного вторжения в них. Эротическое желание основано на удовольствии бессознательного проигрывания полиморфных перверсных фантазий и действий, включая символическую активацию самых ранних объектных отношений младенца с матерью и маленького ребенка с обоими родителями. Все это находит свое выражение в перверсных компонентах сексуальных отношений и игр — фелляции, куннилинге и анальном проникновении, а также в эксгибиционизме, вуайеризме и садистических сексуальных играх. Здесь связь между ранними отношениями детей обоих полов с матерью и чувством удовольствия от взаимопроникновения поверхностей тела, выпуклостей и полос — наиболее очевидна. Физические ухаживания матери активизируют в ребенке эротическое знание о поверхности его собственного тела и, путем проекции, — эротическую осведомленность о поверхности тела матери. Любовь, получаемая в форме эротичес-

кой стимуляции поверхности тела, стимулирует возникновение эротического желания как двигателя для проявлений любви и благодарности.

Женщина испытывает эротическое возбуждение от интимных частей тела любимого мужчины, и, что примечательно, когда любовь проходит, ее интерес и идеализация тела партнера также прекращаются. Соответственно, нарциссические мужчины, у которых наблюдается быстрый спад интереса к ранее идеализированным частям женского тела, способны поддерживать этот интерес, если — в результате психоаналитического лечения — у них будет скорректировано бессознательное нарушение интернализованных объектных отношений (обычно связанных с сильной завистью к женщинам). Я полагаю, что у обоих полов, несмотря на разницу историй их сексуального развития, идеализация поверхности тела, являющейся ключевым аспектом возникновения эротического желания, является функцией примитивных интернализованных объектных отношений. И личный опыт любовных отношений человека символически вписывается в различные аспекты анатомии партнера.

Недостаточная активация или угасание эротизма поверхности тела при интенсивной агрессии и — параллельно — недостаток приятной стимуляции поверхности тела влияют на развитие процессов ранней идеализации как части эротической стимуляции и определяют первичные сексуальные запреты. Такие запреты можно проиллюстрировать на примере пациентки, у которой сильная трансферентная любовь была связана с желанием быть убитой мной. Вторичное вытеснение сексуального возбуждения, связанного с поздним (более зрелым) функционированием Супер-Эго и поздними эдиповыми запретами, гораздо менее сильно, и прогноз лечения в этом случае гораздо лучше.

Желание дразнить, чтобы тебя поддразнивали, является еще одним ключевым моментом эротического желания. Это желание не может быть полностью отделено от возбуждения, связанного со стремлением перешагнуть барьер, отделяющий дозволенное от запретного, которое переживается как греховное и аморальное. Сексуальный объект — *au found* (бессознательно) всегда запретный эдипов объект, а сексуальный акт — символическое повторение и преодоление первичной сцены (коитуса родителей). Но здесь я особо хочу подчеркнуть, что “убегание” самого объекта — это “дразнение”, соединяющее в себе обещание и избегание, обольщение и фрустрацию. Обнаженное тело может служить сексуальным сти-

мулом, но частично прикрытое тело возбуждает намного больше. Это объясняет то, почему заключительная часть стриптиз-шоу — полная нагота — быстро завершается уходом со сцены.

Сексуальное “дразнение” обычно, хотя и необязательно, связано с эксгибиционизмом и демонстрирует тесную связь между эксгибиционизмом и садизмом: желание возбуждать и фрустрировать значимого другого. Вуайеризм — наиболее простой ответ на эксгибиционистское “дразнение”; он проявляется в садистском проникновении в объект, который не дает себя. Как и другие перверсии, эксгибиционизм — типичное сексуальное отклонение у мужчин; однако эксгибиционистское поведение гораздо чаще вплетается в стиль поведения женщин. В психоаналитическую интерпретацию женского эксгибиционизма как защиты путем формирования реакции на зависть к пенису должны быть внесены поправки; чтобы включить недавно понятый шаг, который предпринимает маленькая девочка, смещая свой выбор объекта с матери на отца. Эксгибиционизм может быть способом сексуального утверждения на расстоянии. Любовь отца, его восприятие маленькой дочери и принятие ее вагинальной генитальности подтверждает ее фемининную идентичность и самоприятие (Росс, 1990).

Проявление женской сексуальности — и эксгибиционистское, и отвергающее, то есть дразнящее, — является мощным стимулом, вызывающим эротическое желание у мужчин. “Дразнение” мужчины провоцирует у него агрессию, мотив для агрессивного вторжения в женское тело; это источник аспекта вуайеризма в сексуальных отношениях, заключающий в себе желание доминировать, разоблачать, бороться, преодолевать барьеры истинного и ложного стыда в любимой женщине. Преодоление стыда — не то же самое, что унижение; желание унижить обычно включает третью сторону, свидетеля унижения, и подразумевает большую степень агрессии, способной стать причиной разрыва отношений с данным сексуальным объектом.

Вуайеристическое побуждение подсматривать за парой во время сексуального акта — символическое выражение желания насильственно прервать первичную сцену — является концентрацией желания проникнуть за завесу глубоко личного и тайного эдиповой пары и отомстить дразнящей матери. Вуайеризм — очень важный компонент сексуального возбуждения в том смысле, что любая сексуальная интимность включает элемент личного и тайного и, как таковая, является идентификацией с эдиповой парой и потенци-

альным триумфом над ней. Многие пары способны получать удовольствие от секса только в уединенном месте, вдали от собственного дома и от детей, что демонстрирует запрет этого аспекта сексуальной близости.

Это подводит нас к еще одной стороне эротического желания — к колебанию между стремлением к тайне, интимности и неповторимости в отношениях, с одной стороны, и желанием отказаться от сексуальной близости и внезапно оборвать контакт — с другой (из личной беседы с Андрэ Грином). Существует сложившееся мнение о том, что именно женщина хочет сохранить близость и “единственность” отношений, а мужчина желает поскорее вырваться после сексуального удовлетворения. Клинические данные свидетельствуют о противоположном: у многих мужчин стремление к близости разбивается о барьер ощущения, что эмоционально жена целиком принадлежит ребенку, а многие женщины жалуются на неспособность мужа поддерживать в них сексуальный интерес.

Хотя непрерывность в сексуальных отношениях у мужчин и женщин нарушается в разной форме, все же сам факт их существования и периодические охлаждения даже в стабильных и благополучных союзах являются важным дополнением к аспектам уединенности, интимности и стремлению к слиянию эротического желания и поведения. При отсутствии таких разрывов сексуальные отношения становятся частью обыденности, а это может привести к накоплению агрессии в переживании слияния, что является угрозой отношениям в целом. Японский фильм “Империя чувств” режиссера Нагиса Осима (1976) служит хорошей иллюстрацией постепенного нарастания необузданной агрессии во взаимоотношениях двух любовников, чьи сексуальные страсти поглотили все и разорвали их контакт с внешним миром.

Эротическое желание и зрелая сексуальная любовь вбирают в себя и представляют собой все аспекты обычной амбивалентности в интимных объектных отношениях. Интенсивность чувств любящих, нежность, полиморфные перверсии, особенно садомазохистские — все эти аспекты сексуальных отношений являются отражением данной амбивалентности и составляют основной стержень любовных отношений. Но в наиболее специфическом виде эта амбивалентность проявляется в том, что я называю простым и перевернутым треугольником сексуальных отношений (см. главу 6), — в бессознательных и сознательных фантазиях, сопровождающих эротическое желание и коитус. Желание быть уникальным, предпочитае-

мым, одержавшим победу, единственным и исключительным объектом любви сексуального партнера (что актуализирует победу над эдиповым соперником в каждом сексуальном акте) является составляющей частью другого желания — быть одновременно с двумя партнерами противоположного пола — как мечь фрустрирующему, дразнящему, отказывающему эдипову родителю. В этой эдиповой динамике примитивные предвестники глубокой амбивалентности по отношению к матери и элиминации отца привносят угрозу слияния в агрессии с разрушением объекта любви, пугающую обратную сторону идиллического мира экстатического слияния с идеализированной примитивной матерью (А. Грин 1993).

Выше я ссылался на генетические корни этих компонентов эротического желания. Брауншвейг и Фейн (1971, 1975) высказывают восхитительную мысль о характерных чертах эротического желания в терминах развития отношения младенца и ребенка к матери. Мне хотелось бы коротко изложить суть их идей. Ранние отношения ребенка любого пола с матерью определяют его последующую способность к сексуальному возбуждению и эротическому желанию. Помощь матери и ее выражение удовольствия от физической стимуляции тела младенца мужского пола, наряду с эмоциональным выражением ее любви к нему, благоприятствует возникновению эротического желания у ребенка. Ребенок идентифицируется с матерью в этой стимуляции, а также когда он чувствует себя покинутым, если мать оставляет его и возвращается к отцу как сексуальному партнеру. Дети осознают, что отношение матери меняется в зависимости от того, присутствует отец или отсутствует (из личной беседы с Полиной Кернберг).

Брауншвейг и Фейн приписывают критическую роль психологическому “уходу” матери от младенца. Именно в этот момент младенец одновременно идентифицирует себя с фрустрирующей и все еще стимулирующей матерью, с ее эротической стимуляцией и сексуальной парой, то есть отцом как объектом матери. Такая идентификация младенца с обоими родителями создает основу психической бисексуальности и закрепляет ситуацию “треугольника” в бессознательных фантазиях ребенка.

Осознание младенцем-мальчиком этой фрустрации и скрытой цензуры в отношении его эротического желания к матери смещает эротическую стимуляцию на мастурбационные фантазии и действия, включая желание заменить отца, а в примитивной символической фантазии — стать пенисом отца и объектом желания матери.

У маленькой девочки тонкое бессознательное неприятие матерью сексуального возбуждения, которое она свободно испытывала бы по отношению к мальчику, подавляет непосредственное знание о ее первоначальной вагинальной генитальности. И поэтому она постепенно начинает все меньше осознавать свои собственные генитальные импульсы, в то же время прерывность в отношениях с матерью не столь непосредственно фрустрирует ее. Идентификация с эротизмом матери принимает более тонкие формы, поскольку мать терпимее относится к идентификации девочки с ней в других областях и даже поощряет это. У девочки есть не выраженное словами понимание “нелегальной” природы ее генитальности, и углубляющаяся идентификация с матерью также усиливает ее страстное стремление к отцу и идентификацию с обоими членами эдиповой пары.

Смена объекта маленькой девочки с матери на отца определяет ее способность к развитию глубоких объектных отношений с любимым и вызывающим восхищение, но все еще отдаленным отцом. Она тайно надеется наконец быть принятой им и стать снова свободной в выражении своей генитальной сексуальности. Такое развитие благоприятствует способности девочки эмоционально верить себя объектным отношениям. Таким образом, способность женщины к подобному “вручению” в ее сексуальной жизни с самого начала больше, чем у мужчин.

Объяснением этому служит развитие в раннем детстве доверия, поворот от матери к отцу, его любовь к дочери и подтверждение ее женственности с расстояния, ее способность при необходимости переключать свои потребности на объект, физически менее доступный, чем мать, а также — в той же смене объекта — ее уход от доэдиповых конфликтов и амбивалентность по отношению к матери. Мужчины, у которых непрерывность отношений (от матери к более поздним женским объектам) означает потенциальное сохранение как доэдипова, так и эдипова конфликта с матерью, будут иметь больше сложностей с амбивалентностью по отношению к женщинам. У них медленнее, чем у женщин, развивается способность интегрировать свои генитальные потребности и потребности в нежности. В противоположность этому, женщины имеют тенденцию к позднему развитию способности к полным генитальным отношениям в контексте их ранней способности к глубоким любовным отношениям с мужчиной. Кратко можно сказать, что мужчины и женщины в противоположном порядке развивают свои способнос-

ти к полному сексуальному удовольствию и глубоким объектным отношениям.

Теория Брауншвейга и Фейна, на мой взгляд, дает новый психоаналитический подход к наблюдениям над ранней генитальной мастурбацией у обоих полов (Галенсон и Руаф, 1977) и к совпадающим клиническим наблюдениям в психоанализе женщин относительно эротических аспектов реакции матерей на младенцев. Приложение их теории для понимания эротического желания очевидно: отношения между эротическим желанием и стремлением к слиянию как выражение симбиотического стремления к матери (Бергманн 1971); поиск дразнящего объекта и качество мстительности в агрессивных элементах сексуального возбуждения; полиморфная перверсность эротического желания как выражение его происхождения из ранних стадий развития; разное развитие отношения мужчин и женщин к генитальным и нежным аспектам эротизма; связь между сексуализацией боли, желанием слиться в боли и агрессивными аспектами эротического желания; психическая бисексуальность; бессознательные конфликты с “исключенной третьей стороной”; и прерывность в сексуальных отношениях.

3. ЗРЕЛАЯ СЕКСУАЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ

Сейчас мы подошли к наиболее сложной стадии метаморфоз, происходящих в процессе развития: сексуальное возбуждение как базальный аффект, эротическое желание по отношению к другому человеку и кульминация — зрелая сексуальная любовь. Поэты и философы, конечно же, лучше описали необходимые составляющие и стороны зрелой любви, чем любые психоаналитические исследования. И все-таки желание лучше понять ограничения в достижении способности к зрелым отношениям любви, я уверен, оправдывает попытку дополнить существующие исследования еще одним.

В сущности, зрелая сексуальная любовь является сложной эмоциональной реакцией, включающей в себя (1) сексуальное возбуждение, переходящее в эротическое желание, по отношению к другому человеку; (2) нежность, происходящую из объединения либидинальных и агрессивно нагруженных Я- и объект-репрезентаций, с преобладанием любви над агрессией и толерантностью к нормальной амбивалентности, характеризующей все человеческие отношения; (3) идентификацию с другим, включающую и реципрокную (ответную) генитальную идентификацию, и глубокую эмпатию к половой идентичности партнера; (4) зрелую форму идеализации с обязательствами по отношению к партнеру и к отношениям; (5) элемент страсти во всех трех аспектах: сексуальных отношениях, объектных отношениях и роли Супер-Эго пары.

Дальнейшие размышления об эротическом желании

В предыдущей главе я рассматривал сексуальное возбуждение как аффект, который изначально связан со стимуляцией кожи и отверстий тела, а затем постепенно концентрируется в специфических зонах и отверстиях тела. Контекстом рассмотрения были объектные отношения на доэдиповой и эдиповой стадиях развития.

Сопрождающая человека всю жизнь жажда физической близости, стимуляции и смешения поверхностей тел связана со стремлением к симбиотическому слиянию с родительским объектом и, тем самым, с ранними формами идентификации.

Удовольствие, которое получает ребенок от телесного контакта с матерью в контексте их удовлетворяющих отношений, его/ее любви к матери, сопровождает развитие примитивных фантазий об удовлетворении его полиморфных сексуальных желаний. Ребенок создает интернализированный мир фантазий, возбуждающих и удовлетворяющих симбиотических переживаний, которые в дальнейшем будут составлять стержень либидинальных стремлений в динамике бессознательного.

В то же время агрессивный садомазохистский компонент сексуального возбуждения, представляющий собой инкорпорацию агрессивного аффекта не только как часть полиморфного инфантильного сексуального отклика младенца *per se* (самого по себе), но и как дополняющий компонент в желании слияния, взаимопроникновения, является частью эротического отклика в самом широком смысле. Я уже обращался к предположениям Мельтцера и Вильямса (1988) о том, что идеализация поверхности тела матери выполняет защитную функцию по отношению к фантазийной проекции агрессии на внутренность материнского тела и непосредственно выражает интеграцию любви к идеальному образу матери с самым ранним чувственным удовлетворением. Примитивная идеализация поверхности тела матери приводит к идеализации ребенком своего собственного тела путем ранней интроекции и примитивной идентификации с матерью. Примитивная идеализация типична для процессов расщепления (*splitting*), которые отделяют такую идеализацию от “абсолютно плохого” опыта с объектом или переживаний преследования, сохраняют сексуальную направленность к идеализируемому объекту и защищают сексуальное возбуждение от подавления агрессивными импульсами.

Поскольку превратности сексуального возбуждения в контексте доэдиповых отношений мать-младенец представляют истоки эротического желания, это желание достигает вершин на эдиповой стадии развития. Фрейд предполагал (1905), что психология младенца приводит к доминированию генитальных импульсов, направленных на родителя противоположного пола, и к одновременной активации сильной амбивалентности и чувства соперничества по отношению к родителю одного с ним пола. Бессознательное желание

отцеубийства или матереубийства, направленное на родителя того же пола, является обратной стороной инцестуозного желания по отношению к другому родителю и страха кастрации, сопровождающихся бессознательными фантазиями об угрозе и наказании. Эта констелляция — позитивный эдипов комплекс — параллельна негативному эдипову комплексу, то есть сексуальной любви к родителю того же пола и чувству конкуренции и агрессии, направленных на другого родителя. Фрейд рассматривал негативный эдипов комплекс как защиту от кастрационной тревоги, активизированной позитивным эдиповым комплексом. Другими словами, защитное гомосексуальное подчинение — важный, но не единственный мотив негативного эдипова комплекса, корни которого лежат в доэдиповой бисексуальности.

Эта теория, объясняя сильную привязанность пациента к аналитику как к идеальному, недоступному, запретному объекту, проливает свет на природу трансферентной любви. Но Фрейд (1910a,b,c, 1915a), пораженный интенсивностью и неистовостью переноса и его несомненной связью с чувством влюбленности, также пришел к выводу, что бессознательный поиск эдипова объекта является частью всех нормальных отношений любви и это определяет желание идеализировать объект любви. Однако, как указывал Бергман (1982), Фрейд не создал теории, которая четко дифференцировала бы трансферентную любовь от эротической и нормальной любви. Нас в данном случае интересует центральное значение эдиповых стремлений в бессознательном содержании эротического желания.

Эротическое желание и нежность

Нежность отражает интеграцию либидинальных и агрессивных элементов Я- и объект-репрезентаций и переносимость амбивалентности. Балинт (1948) первым подчеркнул важность нежности, которая, как он предполагал, закладывается на догенитальной стадии: “Потребность в постоянном, нескончаемом внимании и признательность вынуждают нас к регрессии или даже к постоянному пребыванию в архаичной инфантильной форме нежной любви”. С точки зрения интернализации отношений со значимыми другими, представляющей сложный мир интернализированных объектных отношений (и в конце концов определяющей структуру Эго, Супер-

Эго и Ид), два основных потока влияют на способность развития зрелой сексуальной любви. Один — регрессивная тяга к слиянию с объектом любви, поиск по крайней мере мимолетного восстановления желаемого симбиотического единства идеальных отношений с матерью. Другой — прогрессивная тенденция к консолидации различий, сначала между Я- и объект-репрезентациями, а позже — к интеграции “абсолютно хорошей” и “абсолютно плохой” репрезентаций Я в единую Я-концепцию и соответствующую интеграцию “абсолютно плохих” репрезентаций значимых других с “абсолютно хорошими” в интегрированные концепции, что включает четкую дифференциацию их сексуальных ролей.

Поиск симбиотического слияния, как я упоминал ранее, уже подразумевает психодинамические процессы эротического желания. Способность устанавливать интимные отношения с дифференцированным, интегрированным или “целостным” объектом является дополнительным аспектом способности к развитию зрелых отношений любви. Эта интеграция “частичных” интернализованных объектных отношений в “целостные” выкристаллизовывается к концу стадии сепарации-индивидуации и означает начало константности объектов, зарождение эдиповой фазы. Это рубеж окончания доэдиповых фаз развития и привнесение того, что Винникотт (1995, 1963) описывал как необходимое условие развития способности к заботе. Подобное развитие включает слияние агрессии с любовью в ранних объектных отношениях, так сказать, повторяя интеграцию либидинальных и агрессивных стремлений, происходящих в момент пика сексуального возбуждения и эротического желания. Чувство нежности — это выражение способности заботиться об объекте любви. Нежность выражает любовь к другому и является сублимационным результатом формирования реакции как защиты от агрессии.

Природа доэдиповых влияний на способность к сексуальной любви являлась предметом важных психоаналитических исследований. Бергманн (1971), вслед за схемой развития Малер (1968, et al. 1975), предположил, что способность к любви предполагает нормальное развитие симбиотического опыта и стадии сепарации-индивидуации. Он отмечает естественный непрерывный переход от раннего нарциссического функционирования — установления идеальных отношений с объектом любви — к позднему нарциссическому удовлетворению в примитивных эдиповых отношениях. Как

указывает Бергманн (1987), в отношениях любви присутствуют поиск утерянного эдипова объекта и желание исправить эдипову травму в отношениях с новым объектом, а также стремление к слиянию, лежащее за этим эдиповым желанием, которое повторяет стремление к симбиотическому слиянию. Бак (1973), подчеркивая связь между пребыванием в состоянии любви и скорбью, рассматривал состояние любви как эмоциональное состояние, основанное на отделении матери от ребенка и направленное на воссоединение, а также на воссоединение после более поздних расставаний и восполнение утрат значимых объектов.

Висдом (1970), исследуя некоторые ключевые открытия и дилеммы психоналитического подхода к пониманию любви и секса, высказал предположение, что теория Мелани Кляйн о депрессивной позиции объясняет основополагающие компоненты — хотя и не все — взрослой любви. Он предположил, что идеализация в любви возникает из нейтрализации плохих аспектов объекта путем исправления, а не через сохранение идеализированного объекта полностью хорошим и отделение его от плохого. В этой связи Висдом описывал различие между идеализацией “параноидно-шизоидной позиции” и “депрессивной позиции” (я полагаю, это объясняется различием между идеализацией объекта любви у пациентов с пограничной личностной организацией и невротиков). Он перечислил аспекты влюбленности, которые связаны с развитием способности печалиться и заботиться. По предположению Джосселин (1971), родители, лишаящие своих детей возможности переживать печаль из-за утраты объектов любви, вносят свой вклад в атрофию их способности любить.

Мэй (1969) подчеркивал важность “заботы” как необходимого условия развития зрелой любви. Забота, говорил он, “есть состояние, компонентами которого являются признание другого таким же человеческим существом, как ты сам; идентификация своего Я с болью или радостью другого; чувства вины, жалости и осознание того, что все мы зависим от соблюдения общечеловеческих принципов”. Он полагает, что “забота-участие” (concern) и “сострадание” (compassion) могут быть другими терминами для описания тех же характеристик. И действительно, его описание заботы-care (одно из значений — “ухаживать за кем-то”) очень близко к тому, что Винникотт (1963) описывал как заботу-concern (одно из значений — беспокойство и участие).

Идентификация с другим

Балинт (1948) полагал, что, помимо генитального удовлетворения, истинные отношения любви включают идеализацию, нежность и особую форму идентификации. Называя такую идентификацию “генитальной”, он считал, что внутри нее “интересы, желания, чувства, ощущения, недостатки партнера достигают — или предполагается, что достигают, — важности своих собственных”. То есть он предполагает, что то, что мы называем генитальной любовью, есть слияние генитального удовлетворения с догенитальной нежностью, а генитальная идентификация является выражением такого слияния.

Мысль Балинта явилась поворотом от доминирующей в то время идеи о “первенстве гениталий” *per se* как основе идеальных отношений любви, указав на важность доэдиповых элементов, оказывающих влияние на генитальную идентификацию и на важность интеграции догенитальной нежности с генитальным удовлетворением.

Более поздние психоаналитические теории, касающиеся “первенства гениталий”, определяемого как способность к коитусу и оргазму, не считают его эквивалентом сексуальной зрелости или даже представляющим относительно продвинутое психосексуальное развитие. Лихтенштейн (1970) исследовал этот вопрос и пришел к заключению, что “клинические наблюдения не подтверждают четкой корреляции между эмоциональной зрелостью (то есть способностью к установлению стабильных объектных отношений) и способностью получать полное удовлетворение через генитальный оргазм (примат гениталий)”. Он предположил, что “сексуальность есть самый ранний и основной способ растущей человеческой личности подтвердить реальность его существования”. Далее он добавляет, что “концепция о примате гениталий в классическом понимании более не может быть поддержана”.

Подчеркивая связь между способностью к нежности и заботе, Мэй (1969) отводит центральное место способности к “генитальной идентификации” (пользуясь терминами Балинта), то есть к полной идентификации без потери собственной идентичности в любовных отношениях. Кроме того, Мэй подчеркивает присутствие чувства грусти в отношениях любви (что является связующим звеном между его мыслями и теорией консолидации целостных объектных отношений и соответствующей активации заботы, чувства вины и

исправления). Он также обращает внимание на важность генитального опыта как такового, благодаря которому происходит сдвиг в сознании, развивается новое объединение, согласие с природой.

Генитальная идентификация подразумевает согласование гетеросексуальной и гомосексуальной идентификаций, берущих начало в доэдиповых и эдиповых конфликтах. Детальный анализ эмоциональных состояний во время сексуального акта, особенно у пациентов, которые достигли стадии проработки различных уровней догенитальных и генитальных конфликтов, выражающихся и в их сексуальных отношениях, раскрывает многообразие, одновременность и/или смену гетеросексуальной и гомосексуальной, догенитальной и генитальной идентификации, реализуемой в этом контексте.

Одними из элементов таких эмоциональных реакций являются возбуждение и удовлетворение, получаемые от оргазма сексуального партнера. Это перекликается с удовлетворением других потребностей, таких как возможность доставлять оральное удовлетворение или подкрепление идентификации с эдиповой фигурой того же пола, что отражает гетеросексуальные компоненты. В то же время возбуждение, сопровождающее оргазм партнера, отражает бессознательную идентификацию с этим партнером и, при гетеросексуальном контакте, сублимированное проявление гомосексуальных идентификаций из обоих источников — догенитальных и генитальных. Сексуальные игры могут включать идентификацию с фантазийными или истинными желаниями объекта другого пола, так что пассивные и активные, мазохистические и садистические, вуайеристические и эксгибиционистские потребности находят выражение в одновременном утверждении своей сексуальной идентичности и пробной идентификации с комплементарной идентичностью сексуального партнера.

Такая одновременная и интенсивная идентификация со своей собственной сексуальной ролью и комплементарной ролью объекта во время оргазма есть проявление возможности войти в другого человека и стать с ним единым целым в психологическом и физическом смысле, а также установить эмоциональную близость, связанную с активацией биологических корней человеческой привязанности. В противоположность примитивному слиянию Я-репрезентации с объект-репрезентацией во время симбиотической фазы развития (Малер 1968), слияние в оргазме зиждется на утверждении собственной индивидуальности и, в частности, зрелой сексуальной идентификации.

Таким образом, сексуальная идентификация с собственной ролью и дополнительной сексуальной ролью партнера подразумевает сублимированную интеграцию гетеросексуального и гомосексуального компонентов идентичности. Эта интегративная функция коитуса и оргазма также несет в себе полярные элементы любви и ненависти, поскольку способность к полному переживанию заботы о любимом человеке (подразумевающей подлинные, глубокие человеческие отношения) предполагает соединение любви и ненависти — то есть толерантности к амбивалентности. Кажется, что такая амбивалентность, характерная для стабильных значимых человеческих отношений, активируется в сексуальном акте, когда смешиваются сексуальное и агрессивное возбуждение.

Зрелые сексуальные отношения, я уверен, включают некоторые неожиданные сексуальные взаимодействия, когда партнер используется как “чисто сексуальный объект”; сексуальное возбуждение может быть максимальным при выражении желания “использовать” и “быть используемым” сексуально другим человеком. Обоюдная эмпатия и имплицитное соглашение о таких сексуальных проявлениях — оборотная сторона эмпатии и соглашения в связи с сильным гневом, нападением и отвержением в отношениях. Уверенность, что все эти состояния могут контейнироваться во всеобъемлющих любовных отношениях, которые также имеют периоды спокойного взаимного изучения и разделения внутренней жизни партнера, придает значимость и глубину человеческим отношениям.

Идеализация и зрелая сексуальная любовь

Балинт (1948), вслед за Фрейдом (1912), считает идеализацию “вовсе необязательной для благоприятных любовных отношений”. Он, в частности, соглашается с утверждением Фрейда о том, что во многих случаях идеализация не помогает, а, наоборот, препятствует развитию удовлетворяющих форм любви.

Дэвид (1971) и Шассге-Смиржель (1973), однако, подчеркивают огромную роль идеализации в отношениях любви. Они утверждают, что состояние любви обогащает Я и усиливает либидинальные компоненты, поскольку оно более всего наполняет идеальное Я, а также потому, что отношение возвеличивающего Я к объекту в этом случае воспроизводит оптимальные отношения между Я и Я-идеалом.

Ван дер Ваалс (1965) обращает внимание на одновременное увеличение объектной и нарциссической либидинальных составляющих в нормальной любви. Шассге-Смиржель считает, что в зрелой любви, в отличие от преходящей подростковой влюбленности, существует лимитированная проекция смягченного Я-идеала на идеализируемый объект любви с одновременным усилением нарциссического (Я) компонента от сексуального удовлетворения, которое дает любимый объект. Эти наблюдения совпадают и с моим мнением о том, что нормальная идеализация — это продвинутый уровень развития механизма, посредством которого мораль младенца и ребенка трансформируется в этическую систему взрослого человека. Идеализация, представленная таким образом, есть функция зрелых отношений любви, устанавливающая континуум между “романтической” юношеской и зрелой любовью. При нормальных условиях проецируется не Я-идеал, а идеалы, развивающиеся по мере структурного развития внутри Супер-Эго (включая Я-идеал).

Дэвид (1971) подчеркивает, как рано возникают у детей обоих полов эдиповы желания, интуитивные догадки о волнующих, удовлетворяющих и запретных отношениях, которые объединяют родителей и исключают ребенка. Ребенок жаждет волнующего запретного знания — особенно сексуального — как критического необходимого условия и составной части сексуальной любви. У обоих полов желания, зависть, ревность и любопытство в конце концов провоцируют активный поиск идеализированного эдипова объекта.

Как я указывал во второй главе, слияние страстно желаемого эротического удовлетворения и симбиотического слияния также включает сексуальную функцию ранней идеализации. Я ссылаюсь на предположения Мельцера и Вильямса (1988) о том, что идеализация поверхности тела матери является защитной функцией против фантазийной проекции агрессии на внутренность материнского тела. Это также напрямую отражает интеграцию любви к идеальному образу матери и самого раннего чувственного удовлетворения. Таким образом, самая ранняя, примитивная идеализация, характеризующаяся преобладанием процессов расщепления, отсоединяющих такую идеализацию от “абсолютно плохих” переживаний или переживаний преследования, сохраняет сексуальную направленность к идеализируемому объекту и предохраняет сексуальное возбуждение от подавления агрессивными импульсами.

Позднее идеализация, происходящая в контексте интегрированных или целостных объектных отношений и соответствующих спо-

собностей испытывать чувство вины, заботы, и тенденции к “исправлениям”, когда целостные объектные отношения достигнуты, способствуют интеграции сексуального возбуждения и эротического желания с идеализированным взглядом на объект любви и интеграции эротического желания с нежностью. Нежность, как мы видели, отражает способность к интеграции любви и агрессии в интернализированных объектных отношениях и включает элемент заботы по отношению к объекту любви, который должен быть защищен от опасной агрессии. Со временем ранняя идеализация тела любимого другого и поздняя идеализация целостной личности другого человека развивается в идеализацию системы ценностей объекта любви — идеализацию этических, культурных и эстетических ценностей — развитие, гарантирующее возможность романтической влюбленности.

Эти постепенные превращения процессов идеализации в контексте психологического развития также отражают превратности прохождения эдиповой стадии развития — первоначальные запреты на эротическое желание к эдипову объекту есть основная причина резкого защитного раскола между эротическим желанием и идеализированными объектными отношениями. Разворачивающиеся процессы идеализации в конечном итоге завершаются кульминацией — способностью вновь установить связь между эротическим желанием и романтической идеализацией этого же человека — и в то же время представляют интеграцию Супер-Эго на более высоком уровне, включая сложную способность к интеграции нежности и сексуальных чувств, что отражает преодоление эдипового конфликта. В формировании идентификации с ценностями объекта любви выход за пределы собственного Я эволюционирует от взаимоотношения пары к взаимоотношениям с их культурным уровнем и социальным положением. Переживания прошлого, настоящего и воображаемого будущего связываются через опыт сегодняшних отношений с объектом любви.

Обязательства и страсть

Страсть в сфере сексуальной любви — это, на мой взгляд, эмоциональное состояние, выражающее нарушение границ, в смысле соединения интрапсихических структур, которые отделены границами, установленными динамически или путем конфликтов. Хоч

пояснить, что я использую термин *граница* для обозначения границ Я, кроме случаев, когда есть четкие ссылки на более широкое использование термина как места активного динамического взаимодействия иерархически соотносимых (особенно социальных) систем.

Наиболее серьезными границами, нарушающимися в сексуальной страсти, являются границы Я.

Центральной динамической характеристикой сексуальной страсти и ее кульминаций является переживание оргазма при коитусе. При переживании оргазма нарастающее сексуальное возбуждение достигает вершины в автоматическом, биологически детерминированном отклике, сопровождающемся примитивным экстатическим аффектом, требующим для своего полного воплощения временно отказаться от границ Я — расширить границы Я до ощущения субъективно диффузных биологических основ существования. Я уже развивал концепцию взаимоотношений между биологическими инстинктами, аффектами и влечениями. Здесь я подчеркнул бы ключевые функции аффектов как субъективных переживаний границы (в общем системном контексте) между биологической и внутрипсихической сферами, а также их исключительную важность в организации внутренних объектных отношений и психических структур в целом.

Но если сексуальное возбуждение является основным аффектом, ядром страстной любви, это вовсе не означает, что способность к страстной любви является частью оргастического переживания. Стремление к слиянию с матерью и субъективные переживания слияния с ней, характерные для симбиотической стадии развития, переходят в стремление к телесному контакту, смешению поверхностей тел. Но экстатический опыт оргазма только постепенно становится центральной организующей функцией; генитальная фаза инфантильной сексуальности возвращается и, можно сказать, фокусирует диффузное возбуждение, связанное с переживанием и фантазиями слияния догенитальной стадии симбиотической связи.

Клинические данные показывают, что аффективное качество оргазма широко варьируется. В частности, у пациентов с тяжелой нарциссической патологией и значительными нарушениями интернализированных объектных отношений оно часто бывает резко снижено — вплоть до того, что оргазм вызывает чувство фрустрации в той же степени, что и чувство облегчения. При страстной любви оргастические ощущения достигают максимума, и здесь мы можем исследовать значимость таких переживаний для индивидуума и для пары.

При страстной любви оргазм интегрирует одновременный выход за границы Я в ощущение биологического функционирования вне контроля Я, с нарушением границ в сложной идентификации с любимым объектом при сохранении чувства отдельной идентичности. Разделенное переживание оргазма в дополнение к временной идентификации с сексуальным партнером включает выход за пределы переживания Я к переживанию опыта фантазийного союза эдиповых родителей, а также преодоление повторения эдиповых отношений и отказ от них в новых объектных отношениях, которые подтверждают отдельную идентичность человека и автономию.

В сексуальной страсти нарушаются временные границы Я, и прошлый мир объектных отношений переходит в новый, лично созданный. Оргазм как часть сексуальной страсти может также символически выражать опыт умирания, сохранения осознания себя во время того, как тебя устремляет в пассивное приятие нейровегетативной последовательности, включая возбуждение, экстаз и разрядку. А также выход за пределы Я к страстному единению с другим человеком и ценностями, ради которых оба партнера бросают вызов смерти и преходящей природе индивидуального существования.

Но приятие опыта слияния с другим является также бессознательным повторением насильственного проникновения в опасную внутренность тела другого (тела матери) — то есть в мистическую область примитивно спроецированной агрессии. Таким образом, слияние представляет собой рискованное мероприятие, которое предполагает превалирование доверия над недоверием и страхом, всецелое вверение себя другому в поиске экстатического слияния, что всегда пугает неизвестностью (слияние и в агрессии).

Аналогично этому, в сфере активации интернализованных объектных отношений из доэдиповой и эдиповой стадий развития растворение границ, защищающих от примитивных диффузных аффектов, и в то же время пребывание отдельным — то есть осознающим себя, — и оставление позади эдиповых объектов снова подразумевает приятие опасности — не только потерю собственной идентичности, но и высвобождение агрессии к внутренним и внешним объектам и их мести.

Поэтому сексуальная страсть подразумевает бесстрашное представление всего себя желаемому соединению с идеальным другим перед лицом неизбежной опасности. А это означает приятие риска полного отказа от себя во взаимоотношениях с другим, в противо-

положность опасностям, исходящим из многих источников и пугающим при соединении с другим человеком. В терминах отдавания и получения любви сексуальная страсть содержит основную надежду на подтверждение своих ценных качеств, в противоположность чувству вины и страху агрессии по отношению к любимому объекту. При сексуальной страсти преодоление временных границ Я также происходит под знаком принятия обязательств на будущее по отношению к объекту любви как к идеалу, придающему жизни личный смысл. Воспринимая любимого человека как вмещающего в себя не только желанные эдипов и доэдипов объекты и идеальные отношения с другим, но и идеи, ради которых стоит жить, индивидуум, испытывающий сексуальную страсть, надеется на обретение и укрепление смысла в социальном и культурном мирах.

Сексуальная страсть является центральным вопросом в изучении психологии и психопатологии отношений любви, вопросом, который заключает в себе в различных аспектах проблему стабильности или нестабильности отношений любви. Часто возникает вопрос о том, является ли сексуальная страсть характерной для романтической влюбленности или для ранней стадии любовных отношений, постепенно заменяющейся менее сильными нежными взаимоотношениями, или это основная составляющая, которая удерживает пары вместе, проявление (а также гарантия) активных, креативных функций сексуальной любви. Возможно ли, чтобы сексуальная страсть, потенциальное условие стабильности пары, являлась также потенциальным источником угрозы ей, так что креативные отношения любви были больше подвержены угрозе по сравнению с отношениями достаточно спокойными, гармонично-неэмоциональными, сопровождающимися чувством безопасности?

О различиях между нежной привязанностью в стабильных любовных отношениях и супружестве и страстностью кратких любовных романов бурно спорили поэты и философы во все времена. Наблюдая за пациентами, находящимися в длительных любовных отношениях, и прослеживая изменения в этих отношениях в течение долгих лет, я пришел к выводу, что такая дихотомия является упрощенной конвенциональной условностью. Страстная любовь может сопровождать некоторые пары на протяжении многих лет совместной жизни.

Я уверен, что сексуальная страсть не может быть приравнена к состоянию экстаза в юношеском возрасте. Тонкое, но глубокое, автономное и самокритичное осознание любви к другому челове-

ку, вкупе с ясным осознанием конечной тайны отдельности одного человека от любого другого, принятие факта неудовлетворимости желаний как части цены, которую платишь в общих обязательствах по отношению к любимому человеку, также характеризует сексуальную страсть.

Сексуальная страсть не ограничивается сексуальным актом и оргазмом, но преимущественно выражается в них. Напротив, рамки сексуальной любви расширяются, начиная с интуитивного понимания коитуса и оргазма как ее завершения, окончательного освобождения, поглощения и утверждения цели до широкого пространства сексуальной жажды другого, усиления эротического желания и принятия физических, эмоциональных и общечеловеческих ценностей, выражаемых этим другим. Существуют вполне нормальные чередования интенсивности общения пары и временного ухода друг от друга, но об этом чуть позже. При удовлетворяющих сексуальных отношениях сексуальная страсть — это структура, характеризующая взаимоотношения пары одновременно в сексуальной сфере и в сфере объектных отношений, а также в этической и культурной сферах.

Я уже говорил, что очень важной стороной субъективного переживания страсти на всех уровнях является выход за границы собственного Я и слияние с другим. Переживания соединения и слияния необходимо отличать от феномена регрессивного соединения, который затушевывает дифференциацию Я — не-Я: сексуальную страсть характеризует синхронное переживание соединения и в то же время поддержание своей отдельной идентичности.

Таким образом, нарушение границы Я является основой субъективного трансцендентного переживания. Психотические идентификации (Якобсон, 1964) с растворением границ Я и объекта, служат помехой способности к страсти. Но поскольку переживание состояния выхода за границы Я скрывает в себе опасность потерять себя или столкнуться с пугающей агрессией, в психотическом слиянии страсть связывается со страхом агрессии. В случае, если существует сильная агрессия с расщеплением между идеализированными и преследующими объектными отношениями, в примитивной идеализации у пациентов с пограничной личностной организацией, такая страстная любовь может внезапно обратиться в такую же страстную ненависть. Отсутствие интеграции “абсолютно хороших” и “абсолютно плохих” интернализованных объектных отношений усиливает внезапные и драматичные изменения в отношениях пары.

Переживание отвергнутого любовника, который убивает предавший его любимый объект, своего соперника, а затем и себя, указывает на взаимоотношения между страстной любовью, механизмами расщепления, примитивной идеализацией и ненавистью.

Существует завораживающее противоречие в комбинации этих важнейших черт сексуальной любви: четкие границы Я и постоянное осознание несоединимости индивидуумов, с одной стороны, и чувство выхода за границы Я, слияния в единое целое с любимым человеком — с другой. Отделенность ведет к чувству одиночества, стремлению к любимому и страху хрупкости всяческих отношений; выход за границы Я в единении с другим вызывает ощущение единства с миром, постоянства и творения нового. Можно сказать, что одиночество есть необходимое условие для выхода за границы Я.

Оставаться в пределах границ Я, в то же время преодолевая их с помощью идентификации с объектом любви, — это волнующее, трогательное и связанное с горечью и болью состояние любви. Мексиканский поэт Октавио Паз (1974) описал эту сторону любви с необыкновенной выразительностью, заметив, что любовь — это точка пересечения между желанием и реальностью. Любовь, говорит он, открывает реальность желанию и создает переход от эротического объекта к любимому человеку. Это открытие почти всегда болезненно, поскольку любимый(ая) представляет собой одновременно и тело, в которое можно проникнуть, и сознание, в которое проникнуть невозможно. Любовь — это открытие свободы другого человека. Противоречие самой природы любви в том, что желание стремится к осуществлению с помощью разрушения желанного объекта, и любовь обнаруживает, что этот объект невозможно разрушить и невозможно заменить.

Приведем клиническую иллюстрацию развития способности к переживанию зрелой сексуальной страсти и романтической жажды отношений у прежде отягощенного запретами обсессивного мужчины, проходящего психоаналитическое лечение. Я пренебрег динамическими и структурными аспектами этого изменения, для того чтобы сконцентрироваться на субъективном переживании интеграции эротизма, объектных отношений и системы ценностей.

Перед отъездом в командировку в Европу сорокалетний профессор колледжа был помолвлен с любимой женщиной. По возвращении он описал свои впечатления от выставленных в Лувре месопотамских миниатюрных скульптур, созданных в III тысячелетии до

н.э. В какой-то момент у него возникло необыкновенное ощущение, что тело одной из женских скульптур, чьи соски и пупок были обозначены маленькими драгоценными камнями, удивительно похоже на тело его любимой. Он думал о ней, стремился к ней, пока шел по полупустым залам, и при взгляде на скульптуру его захлестнула волна эротической стимуляции вместе с сильнейшим чувством близости к ней. Профессора очень тронула предельная простота и красота скульптуры, и он почувствовал, что соперничает неизвестному автору, умершему более четырех тысяч лет тому назад. Он испытал чувство смирения и в то же время непосредственного соприкосновения с прошлым, как если бы ему было дозволено прикоснуться к пониманию внутренней тайны любви, воплощенной в этом произведении искусства. Чувство эротического желания слилось с ощущением единства, жажды и одновременно близости с женщиной, которую он любит, и через это единство и любовь ему было позволено проникнуть в запредельный мир красоты. В то же время у него было острое чувство собственной индивидуальности, смешанное со смирением и благодарностью за такую возможность прочувствовать это произведение искусства.

Сексуальная страсть оживляет и включает в себе всю гамму эмоциональных состояний, которая открывает индивидууму “хорошесть” — его собственную, его родителей и целого мира объектов — и дает надежду на исполнение любви, невзирая на фрустрацию, враждебность и амбивалентность. Сексуальная страсть предполагает способность к продолжающейся эмпатии — но не к слиянию — примитивному состоянию симбиотического соединения (Фрейд, 1930, “oceanic feeling” — “чувство безбрежности”), волнующее воссоединение в близости с матерью на стадии Я-объект дифференциации и удовлетворение эдиповых стремлений в контексте преодоления чувств страха, неполноценности и вины по отношению к сексуальному функционированию. Сексуальная страсть — это ядро переживания чувства единства с любимым человеком как части юношеского романтизма и, позже, зрелых обязательств по отношению к любимому партнеру перед лицом естественных ограничений человеческой жизни: неизбежности болезней, разрушения и смерти. Это важнейший источник эмпатии по отношению к любимому существу. Следовательно, преодоление и новое утверждение границ на основе чувства позитивности, несмотря на многочисленные опасности, связывает биологический, эмоциональный мир и мир ценностей в одну единую систему.

Преодоление границы себя в сексуальной страсти и интеграция любви и агрессии, гомосексуальности и гетеросексуальности во внутренних отношениях с любимым человеком выразительно проиллюстрированы в книге Томаса Манна “Волшебная гора” (1924). Освободившись от своего рационального и зрелого “наставника” Сеттембрини, Ганс Касторп объясняется в любви Клаудии Шоша. Он делает это на французском языке, который звучит очень интимно в соседстве с немецким языком всего произведения. Возбужденный и одухотворенный теплым, хотя и немного ироничным ответом мадам Шоша, он рассказывает ей о том, что всегда любил ее, и намекает на свои прошлые гомосексуальные отношения с другом юности, который похож на нее и у которого он однажды попросил карандаш, так же как несколько раньше он попросил его у мадам Шоша. Он говорит ей, что любовь — ничто, если нет сумасшествия, чего-то безрассудного, запретного и рискованного; что тело, любовь и смерть — одно целое. Он говорит о чуде органической жизни и физической красоты, которое складывается из жизни и гниения.

Но преодоление собственных границ подразумевает необходимость определенных условий: как упоминалось ранее, необходимо осознание и способность эмпатии к существованию психологической жизни за пределами собственных границ. Следовательно, эротический оттенок состояний маниакального возбуждения и грандиозности у психотических пациентов не может называться сексуальной страстью, и бессознательная деструкция объект-репрезентаций и внешних объектов, превалирующая в нарциссических личностях, разрушает их способность выхода за пределы интимного единения с другим человеком, что в конце концов разрушает их способность к сексуальной страсти.

Сексуальное возбуждение и оргазм также теряют свои функции преодоления границ и становятся биологическими явлениями, когда механическое повторяющееся сексуальное возбуждение и оргазм встраиваются в структуру опыта, отделенную от углубляющихся интернализованных объектных отношений. Именно в этой точке сексуальное возбуждение дифференцируется от эротического желания и сексуальной страсти; чаще мастурбация выражает объектные отношения — как правило, различные аспекты эдиповых отношений, начиная с самого раннего детства. Но мастурбация как компульсивная повторяющаяся деятельность, возникающая как защита от запрещенных сексуальных импульсов и других бессознательных

конфликтов в контексте регрессивной диссоциации от конфликтных объектных отношений, в конце концов утрачивает функцию преодоления границ. Я предполагаю, что это не бесконечное, компульсивно повторяемое удовлетворение инстинктивных желаний, вызывающее разрядку возбуждения и доставляющее удовольствие, а потеря критической функции преодоления границ Я-объекта, служащей гарантией нормальной нагруженности объектных отношений. Другими словами, именно мир интернализированных и внешних объектных отношений поддерживает сексуальность и предоставляет потенциал для возможности продолжительного получения удовольствия.

Интеграция любви и ненависти в Я- и объект-репрезентациях, трансформация частичных объектных отношений в целостные (или константность объекта) — основные условия для способности к установлению стабильных объектных отношений. Это необходимо для преодоления границ стабильной идентичности Я и перехода в идентификацию с любимым объектом.

Но установление глубоких объектных отношений высвобождает также примитивную агрессию в отношениях в контексте реципрокной активизации у обоих партнеров подавленных или отщепленных с младенчества и детства патогенных объектных отношений. Чем более патологичны и деструктивны подавленные или расщепленные объектные отношения, тем более примитивны соответствующие защитные механизмы. Так, в частности, проективная идентификация может вызвать у партнера переживание или реакции, воспроизводящие пугающие объект-репрезентации; идеализированные и обесцененные, оплаканные и преследующие. Объект-репрезентации накладываются на восприятие и взаимодействие с любимым объектом и могут угрожать отношениям, но также и усиливать их. По мере того, как партнеры начинают лучше понимать последствия нарушений в своем восприятии и поведении по отношению друг к другу, они начинают мучительно осознавать обоюдную агрессию, но при этом не обязательно могут исправить сложившиеся межличностные модели поведения. Таким образом, неосознанные связи во взаимоотношениях пары также могут нести в себе скрытую угрозу. Именно в этот момент интеграция и зрелость Супер-Эго, проявляющиеся в преобразовании примитивных запретов и чувства вины за агрессию в заботу об объекте — и о себе — защищают объектные отношения и способность к преодолению границ. Зрелое

Супер-Эго благоприятствует любви и обязательствам по отношению к любимому объекту.

Одна из общих особенностей предлагаемого определения сексуальной страсти в состоит том, что она скорее является постоянной чертой отношений любви, а не начальным или временным проявлением “романтической” идеализации подросткового и юного возраста. Она имеет функцию интенсификации, укрепления и обновления отношений любви на протяжении всей жизни; она обеспечивает постоянство сексуального возбуждения, связывая его со всем человеческим опытом пары. И это приводит нас к эротическим аспектам стабильных сексуальных отношений. Я полагаю, что клинические данные ясно показывают, насколько тесно сексуальное возбуждение и удовольствие связаны с качеством всех аспектов взаимоотношений пары. Хотя статистические исследования широких слоев населения демонстрируют снижение частоты сексуальных отношений и оргазма в течение десятилетий, клинические данные взаимоотношений пар показывают значительное влияние характера их отношений на частоту и качество сексуальной жизни. Сексуальный опыт остается центральным аспектом отношений любви и супружеской жизни. При оптимальных условиях интенсивность сексуального удовольствия имеет тенденцию к обновлению, связанную не с сексуальной гимнастикой, а с интуитивной способностью пары угадывать изменяющиеся нужды друг друга, и переживаемую в сложной сети гетеросексуальных и гомосексуальных, любовных и агрессивных аспектов отношений, проявляющихся в бессознательных и сознательных фантазиях и их влиянии на сексуальные отношения пары.

4. ЛЮБОВЬ, ЭДИП И ПАРЫ

Влияние пола

В предыдущих рассуждениях о ядерной половой идентичности я рассмотрел несколько противоположных точек зрения: врожденная психологическая бисексуальность обоих полов; ранняя идентичность обоих полов — маскулинного характера, как постулировал Фрейд (1905), или фемининного — как предполагает Столлер (1975а, 1985). Я придерживаюсь точки зрения Персона и Овези (1983, 1984), которые утверждают, что ядерная половая идентичность — мужская или женская — закладывается у младенцев с самого начала, что согласуется с исследованиями гермафродитов и изучением раннего детства. Брауншвейг и Фейн (1971, 1975), предоставившие психоаналитические доказательства в пользу врожденной психологической бисексуальности, происходящей из бессознательной идентификации младенца и маленького ребенка с обоими родителями, убедительно доказывают, что такой бессознательный бисексуальный потенциал постепенно все больше контролируется доминирующими взаимоотношениями мать-младенец, в результате которых устанавливается ядерная половая идентичность. Эта идея согласуется со взглядом Мани и Эрхардта о том, что родительская дефиниция половой идентичности младенца является ключевым моментом этой идентичности. Данная точка зрения была подкреплена наблюдениями Столлера за развитием транссексуалов.

Развивая теории Брауншвейга и Фейна, я ранее указывал на то, что материнская забота и проявление матерью удовольствия при физическом общении с младенцем является существенным моментом в благоприятном развитии эротизма поверхности тела, а позднее эротического желания. Как для мальчиков, так и для девочек ранний эротический опыт с материнской стимуляцией является потенциалом развития сексуального возбуждения. Но если материнское скрытое “поддразнивание” эротического отношения к своему маленькому сыну остается постоянным аспектом мужской сексуальности и обычно предоставляет мальчику не прерывающуюся спо-

собность к генитальному возбуждению, то материнское неуловимое бессознательное отвержение этого сексуального возбуждения по отношению к дочери начинает постепенно сдерживать осознание девочкой своей вагинальной генитальности. Такой различный подход к мальчикам и девочкам в эротической сфере является мощным инструментом фиксации соответствующих ядерных половых идентичностей и вносит вклад в различие способов утверждения генитального возбуждения в детстве — непрерывного для маленьких мальчиков, запретного для маленьких девочек.

По этой причине у мужчин — бессознательно фиксированных на первичном объекте — возникает больше проблем с амбивалентностью по отношению к женщинам; им необходимо развить способность к объединению генитальных потребностей и нежности, в то время как женщины, сдерживаемые в осознании своих гениталий, медленнее интегрируют полные генитальные отношения в контексте любовных отношений.

Наблюдения Брауншвейга и Фейна (1971) исключительно полезны для объяснения существенных различий между мужчинами и женщинами в зрелой сексуальной любви. Обобщая их выдающиеся открытия в этой области, я попытаюсь по возможности сохранить их язык и стиль.

Для мальчиков догенитальные отношения с матерью уже предполагают ее особую сексуальную ориентацию по отношению к мальчику, что служит стимулом для его сексуального осознания и нарциссической нагруженности его пениса. Опасность здесь кроется в том, что для мальчика получение от матери чрезмерного догетинального удовлетворения нарциссических потребностей может повлечь за собой фантазии о том, что его маленький пенис полностью удовлетворяет ее, и, следовательно, не существует разницы между его маленьким пенисом и мощным пенисом отца. При подобных обстоятельствах такая нарциссическая фиксация у мужчин может позднее привести к развитию инфантильной манеры сексуального обольстителя по отношению к женщине, без полной идентификации с проникающей силой отцовского пениса. Такая фиксация будет мешать процессу цельной генитальной идентичности с интернализацией отца в Идеальное Эго и способствовать вытеснению чрезмерной кастрационной тревоги.

Для таких мужчин неразрешенное соревнование с отцом и защитное отрицание кастрационной тревоги выражаются в нарциссическом наслаждении инфантильной зависимостью от женщин, пред-

ставляющих материнские фигуры. Такое образование, по мнению Брауншвейга и Фейна, а также Шассге-Смиржель (1973, 1974), — важный источник нарциссической фиксации (я бы сказал, фиксации на уровне нормального инфантильного нарциссизма) и недостаточного разрешения эдипова комплекса у мальчиков, что поощряется такими аспектами поведения матери, которые выражают протест против “доминирования” отцовского пениса и “отцовских законов” вообще. Существует бессознательное молчаливое соглашение между вечно маленькими мальчиками — Дон Жуанами — и обольщающими женщинами-матерями, которые используют бунт Дон Жуана против отцовских “законов и порядков”, чтобы выразить свою собственную соревновательность и бунт против отца.

Брауншвейг и Фейн утверждают, что обычно периодическое переключение внимания матери с сына на отца фрустрирует нарциссизм маленького мальчика и стимулирует его к соревновательной идентификации с отцом, что инициирует и укрепляет позитивную эдипову констелляцию у мальчиков. Одним из последствий этого является возрастание у мальчиков чувства фрустрации при сексуальном отвержении матерью, так что имеющая оральное происхождение и спроецированная по отношению к ней агрессия укрепляется ранней эдиповой агрессией. Такое развитие событий будет иметь критическое влияние на любовную жизнь мужчин, которые бессознательно не сменяют своего первого сексуального объекта — матери.

Шассге-Смиржель (1970) и Брауншвейг и Фейн (1971) также подчеркивают вагинальную возбудимость маленьких девочек и их фемининную сексуальность в целом. В этом смысле их наблюдения похожи на наблюдения Джоунс (1935), Кляйн (1945) и Хорни (1967), а также на исследования, проведенные в США, которые указывают на раннюю вагинальную мастурбационную активность маленьких девочек и тесную связь между клиторальной и вагинальной эротической возбудимостью (Барнетт 1966; Галенсон и Руаф 1977). Из этих исследований следует, что существует очень раннее вагинальное знание у маленьких девочек и что это вагинальное знание является запретным и позднее вытесняется.

Французские авторы подчеркивают то, что отношения родителей, и особенно мам, к мальчикам и девочкам существенно отличаются, а также то, что ранние взаимодействия мать-дитя имеют значительное влияние на половую идентичность (Столлер 1973). Согласно французским ученым, мать, в отличие от ранней стиму-

ляции ею гениталий мальчика, не акцентирует внимание на гениталиях девочки, поскольку поддерживает свою собственную сексуальную жизнь, свою “вагинальную сексуальность”, являющуюся частью ее собственной сферы как женщины в отношениях с отцом. Даже когда мать вносит вклад в нарциссизм дочери, этот нарциссизм имеет скорее догенитальные, нежели генитальные черты (исключения составляют женщины с ярко выраженными гомосексуальными тенденциями). То, что матери не “инвестируют” женские гениталии дочерей, является реакцией на культурное давление в этой сфере и принятый в обществе запрет в отношении женских гениталий, происходящий от мужской кастрационной тревоги.

Блум (1976) также подчеркивает важность эдипового соперничества и конфликтов, касающихся самооценки себя как женщины, которую маленькая девочка возбуждает у своей матери: если мать обесценивает себя как женщину, она будет обесценивать и дочь, и самооценка матери сильно повлияет на самооценку дочери. Неразрешенные конфликты матери по поводу ее собственных гениталий и ее восхищение пенисом своего маленького сына приведет к тому, что у дочери чувство зависти к пенису будет соединяться с соперничеством между сиблингами. Обычно маленькие девочки проявляют больше интереса к отцу — не только потому, что разочаровались в матери, но также потому, что идентифицируются с ней.

Общее направление французской линии мысли таково: кастрационная тревога не является первичной детерминантой в переориентации с матери на отца у маленьких девочек, а скорее вторичным усложнением, укрепляющим первичный запрет или вытеснение вагинальной генитальности под влиянием имплицитного отрицающего отношения матери. Интенсивность кастрационной тревоги у женщин во многом зависит от трехступенчатого смещения догенитальной агрессии: это первоначальная проекция на мать, подкрепляющаяся эдиповой конкуренцией с ней, которая затем ложится на отца. У девочек зависть к пенису главным образом отражает усиление эдиповых конфликтов под воздействием смещения догенитальной агрессии и догенитальной зависти к пенису.

Шассге-Смиржель (1974), придерживаясь теории Хорни (1967), предполагает, что фантазии маленьких мальчиков по поводу фаллической матери не только успокаивают или служат отрицанием женских гениталий как продукта кастрации, но также отвлекают от представления о вагине взрослой женщины, которая доказывала бы неадекватность его маленьких гениталий.

Из всех этих исследований различных стадий развития следует, что маленьким девочкам и мальчикам необходимо пройти свой собственный путь для идентификации с взрослой генитальностью. Для мальчиков идентификация с отцом означает, что он преодолел свою догенитальную зависть к женщинам, проекцию этой зависти в виде примитивного страха перед женщиной (Кернберг, 1974) и свой страх неадекватности для женских гениталий. Французским авторам Дон Жуан представляется стоящим на середине пути между запретом сексуального влечения к женщинам, представляющим собой эдипову мать, с одной стороны, и идентификацией с отцом и отцовским пенисом во взрослых сексуальных отношениях с женщиной — с другой: Дон Жуан, по предположению Брауншвейга и Фейна, утверждает генитальность отцовской зрелости.

Я не думаю, что синдром Дон Жуана у мужчин имеет единственную этиологию. Так же как промискуитет у женщин, причины которого могут колебаться от тяжелой нарциссической патологии до относительно легкой мазохистически или истерически детерминированной патологии, существует континуум мужского промискуитета. Промискуитет нарциссической личности — гораздо более нарушенный тип Дон Жуана, чем инфантильный, зависимый, бунтующий, но в то же время женственный, описанный французскими авторами.

Я полагаю, что следующим шагом к нормальной сексуальной идентификации мальчика с отцом является конфликтная идентификация с примитивной, контролирующей и садистической мужской фигурой, которая представляет фантазийного ревнивого и строгого отца в раннем эдиповом периоде. Окончательное преодоление эдипова комплекса у мужчин характеризуется идентификацией с “великодушным” отцом, который больше не подавляет сына своими жесткими законами. Способность наслаждаться взрослением сына, не подвергая его наказаниям ритуала инициации, отражающим бессознательную зависть к нему, означает, что отец преодолел свои собственные эдиповы запреты. Практический смысл этих положений заключается в том, что очень важным источником нестабильности в любовных отношениях взрослых мужчин является неполная идентификация с отцовской функцией, с разными возможными фиксациями.

Недостаток непосредственной стимуляции генитального эротизма в ранних отношениях с матерью и, кроме того, конфликты матери по поводу ценности ее собственных гениталий и женских функ-

ций, подавляют психосексуальное развитие маленьких девочек, которое затем вторично усиливается развитием зависти к пенису и вытеснением сексуальной конкуренции с эдиповой матерью. Однако обесценивание матерью мужчин и гениталий ее маленького сына может радикально влиять на сексуальное восприятие и конфликты ее детей обоих полов.

Французские авторы убеждены, что гениталии маленьких девочек являются приватными, в отличие от социально одобряемого “выставления на всеобщее обозрение” гениталий маленьких мальчиков и гордости мальчика за свой пенис; девочка же остается наедине с собой в своем сексуальном развитии. Ее тайная бессознательная надежда осуществляется в “повороте” от матери к отцу и в интуитивной жажде отцовского пениса, который, проникая в вагину, в конце концов заново утвердит ее представление о вагинальной генитальности и женской сексуальности в целом. Брауншвейг и Фейн предполагают, что, поскольку путь женского сексуального развития одинокий и более закрытый, он требует большей отваги по сравнению с путем мальчиков, чьи мужские гениталии стимулируются по разным причинам обоими родителями. У взрослых женщин обычно больше смелости и способностей для гетеросексуальных обязательств, чем у взрослых мужчин — возможно, потому, что маленькие девочки должны сменить свой первый эротический объект с матери на отца и, таким образом, перейти от догенитального к генитальному развитию раньше, решительнее и в одиночестве.

Альтман (1977), в другом контексте, указывал на то, что смена объекта у женщин — в противоположность постоянству первого объекта у мужчин — может быть причиной больших сложностей, которые возникают у мужчин, вступающих в стабильные любовные отношения. Мужчины склонны к бесконечным поискам идеальной матери и к воссозданию догенитальных и генитальных страхов и конфликтов в своих отношениях с женщинами, что определяет их predisposed избегать глубоких, доверительных отношений. Женщины, уже отказавшись от своего первого объекта, более способны верить себе мужчине, который хочет установить всесторонние генитальные и “отцовские” отношения с ними. Кроме того, решающим фактором женской способности проявлять преданность и доверие может выступать их постоянный уход за младшими и их защита, включающие биологические и психосоциальные детерми-

нанты, в основном идентификацию с материнскими функциями, и связанные с этим сублиматорные ценности Супер-Эго (Блум, 1976).

Несмотря на различия путей формирования способности к эротическому желанию и сексуальной любви, мужчины и женщины получают опыт из одного и того же источника — эдиповой ситуации, являющейся основным организатором и для всех индивидуумов, и для всех областей взаимодействия пары.

Я согласен с идеей Дэвида (1971) о том, что стремление к недоступному и запрещенному эдипову объекту, дающее энергию сексуальному развитию, является ключевым компонентом сексуальной страсти и любовных отношений. В этой связи эдипова констелляция может рассматриваться как постоянная черта человеческих отношений. Очень важно подчеркнуть, что невротические “решения” эдиповых конфликтов должны быть дифференцированы от их нормальных проявлений.

Нарушение границ исторически сложившихся сексуальных запретов любящим индивидуумом может быть названо активной реконструкцией его или ее истории эдиповых отношений, включая защитные и креативные фантазии, которые преобразуют повторение в новое. Преодоление социальных и сексуальных границ трансформирует бессознательные фантазии в реальные субъективные переживания; реципрочно активизируя мир внутренних объектных отношений, пара возвращается к эдипову мифу как социальной структуре (Эрлоу, 1974).

У обоих полов эдиповы стремления, необходимость преодолеть фантазии эдиповых запретов и удовлетворить свое любопытство о мистических отношениях родителей стимулируют сексуальную страсть. Исходя из уже упомянутых соображений, можно предположить, что женщины, в утверждении своей женской сексуальности, раньше преодолевают конечное препятствие идентификации с эдиповой матерью путем смены эротического объекта с матери на отца. Мужчины должны пересечь последнюю границу идентификации с эдиповым отцом в своей способности установить сексуальные отношения с любимой женщиной и взять на себя функции отцовства и “великодушия”. Клинические исследования показывают, что мужчины испытывают чувство вины, решив прекратить отношения с женщиной, в то время как женщины обычно чувствуют себя свободно, давая понять мужчине, что не любят его. Это различие, возможно, говорит о том, насколько сильно чувство вины, которое так часто проявляется в отношениях с женщинами,

преобладает над агрессией по отношению к матери (из личной беседы с Эдит Якобсон). А у женщин бессознательное чувство вины, идущее из догенитальных и генитальных фантазийных материнских запретов вагинальной генитальности, требует полного эротического генитального утверждения в сексуальных отношениях с мужчиной. Сгущение предвестников садистического Супер-Эго, связанных с интроекцией примитивных доэдиповых материнских образов и с поздними запретными аспектами эдиповой матери, может быть одним из факторов, приводящих к высокой частоте генитального запрета у женщин. Это также является важнейшим элементом того, что обычно обозначают как “женский мазохизм”.

Сейчас многими ставится под вопрос утверждение ранних психоаналитических теорий о врожденной предрасположенности к мазохизму у женщин. Возникает понимание того, что существуют различные психологические и социальные факторы, влияющие на развитие мазохистических тенденций и сексуальных запретов. Персон (1974) и Блюм (1976), изучив соответствующую литературу, подчеркивали, что женский мазохизм формируется в процессе развития и имеет психосоциальные детерминанты. Блюм приходит к выводу, что не существует никаких доказательств того, что женщины более предрасположены получать удовольствие через боль, чем мужчины. Он полагает, что ранние идентификации девочек и объектные отношения определяют установление дальнейшей сексуальной идентичности, принятие женской роли и материнского поведения: мазохизм является скорее дезадаптивным разрешением женской функции.

Столлер (1974) предполагал, что из-за первоначального слияния с матерью чувство женственности больше укрепляется в женщинах, чем чувство мужественности у мужчин. Мужчины вследствие их первоначального слияния с матерью — женщиной — могут быть более склонны к бисексуальности и развитию перверсий.

Я заметил, что при детальном анализе женских догенитальных и генитальных источников зависти к пенису и отвращения к своим собственным гениталиям постоянно сталкиваешься с ранними способностями к получению полного удовольствия от вагинального эротизма, полного подкрепления ценности своего собственного тела наряду со способностью относиться к мужским гениталиям с любовью и без зависти. Я не думаю, что нормальная сексуальность подразумевает необходимость или способность отказаться от пениса как самого ценного вида гениталий; по-моему, существу-

ют доказательства того, что страх мужчины перед женскими гениталиями не только вторичен по отношению к эдиповой кастрационной тревоге в наиболее тяжелых случаях, но и имеет глубокие догенитальные корни. Подводя итог, можно сказать, что и для мужчин, и для женщин преодоление страха и зависти к противоположному полу является опытом преодоления запретов сексуальности.

Если смотреть шире, то переживание парой полного генитального удовольствия может послужить причиной возможного радикального изменения — отказа от подчинения доминирующим культурным конвенциям, ритуальным запретам и предубеждениям, которые воздвигают препятствия на пути к зрелой генитальности. Такая степень сексуальной свободы в сочетании с заключительной стадией преодоления эдиповых запретов может отражать основные потенциальные возможности для получения сексуального удовольствия в любовных отношениях и усиливать страстность, создавая чудо сексуальных тайн, разделяемое парой и освобождающее ее от окружающей социальной группы. С точки зрения развития, элементы секретности и противопоставления социуму, характерные для сексуальной страсти, берут начало в эдиповой констелляции как главном организаторе человеческой сексуальности.

С социокультурной точки зрения, отношение сексуальной любви к социальным нормативам всегда неоднозначно, и “гармония” любви с социальными нормами легко разрушается, превращаясь в повседневную обыденность. В то же время сексуальная свобода пары в любви не может быть так легко переведена в социальные нормы, и попытки “свободной сексуальной любви” на базе широкого образования и “культурных изменений” обычно завершаются конвенционализированной механизацией секса. Я считаю, что такое противостояние между парой и группой неизбежно; Брауншвейг и Фейн (1971) достаточно скрупулезно исследовали этот вопрос.

Трагическая неспособность идентифицироваться с отцовскими функциями, так что все любовные отношения оказываются обречены на неудачу, несмотря на “примат гениталий”, а также рационализация такой неудачи в терминах мифа о доминировании мужской культуры описаны в книге “*Les Jeunes Filles*” (“Девушки”) Анри де Монтерлана (1936). От имени своего молодого героя (или антигероя) Пьера Косталья автор негодует, что, находясь под давлением желаний, мужчины и женщины обречены на вечное взаим-

ное непонимание. Для женщин, говорит он, любовь начинается с сексуального удовлетворения, в то время как для мужчин любовь заканчивается сексом; женщина создана для одного мужчины, но мужчина создан для жизни и для всех женщин. Тщеславие — доминанта страсти у мужчин, в то время как сила чувства любви к мужчине является важным источником счастья для женщин. Счастье женщины составляет мужчина, но для мужчины счастье заключено в нем самом. Сексуальный акт окружен опасностями, запретами, фрустрациями и отвратительной физиологией.

Легко отбросить описание Монтерланом скучающего эстета, гордого, старомодного, жестокого и саморазрушительного Костя, как продукта патриархальной идеологии; но при этом мы упустим глубокие корни остроты желаний и страха и ненависти к женщинам, которые лежат за такой рационализацией.

Основная патология, вторгающаяся в стабильные, полностью удовлетворительные отношения с представителем противоположного пола, представлена патологией нарциссизма, с одной стороны, и неспособностью разрешить эдиповы конфликты с полной генитальной идентификацией с родительской фигурой того же пола — с другой. Патология нарциссизма проявляется приблизительно одинаково у мужчин и женщин. Патология, корни которой кроются главным образом в эдиповых конфликтах, различна у мужчин и женщин. У женщин неразрешенные эдиповы конфликты наиболее часто проявляются в различных мазохистических паттернах, таких как постоянная привязанность к мужчинам, не удовлетворяющим их, и невозможность получать удовольствие или поддерживать отношения с мужчиной, который потенциально мог бы полностью их удовлетворить. Мужчины также привязываются к неудовлетворяющим женщинам, но культурально они более свободны разорвать такие отношения. Женская система ценностей, их забота и чувство ответственности по отношению к детям могут привести к усилению мазохистских тенденций. Однако истинное Эго-идеал и материнская забота не имеют мазохистских целей (Блум, 1976) у “обычных преданных матерей”.

У мужчин превалирующая патология в любовных отношениях, происходящая из эдиповых конфликтов, принимает форму страха и чувства небезопасности наедине с женщинами и защитных реакций против этой небезопасности в виде реактивности или проецируемой враждебности по отношению к женщинам. Это связано с доге-

нитальной враждебностью и чувством вины по отношению к фигуре матери. Догенитальные конфликты, а особенно конфликты, связанные с догенитальной агрессией, усиливаются и плотно смыкаются с генитальными конфликтами. У женщин такое смыкание обычно появляется в обострении конфликтов вокруг зависти к пенису; орально детерминированная зависть к догенитальной матери замещается на идеализацию гениталий отца и его пениса и на эдипову конкуренцию с матерью. У мужчин догенитальная агрессия, страх женщин и зависть к ним усугубляют эдиповы страхи и чувство неполноценности по отношению к ним: догенитальная зависть к матери усиливает эдипово детерминированное чувство небезопасности мужчин по отношению к идеализируемым женщинам.

Универсальная природа эдиповой констелляции приводит к новому проявлению эдиповых конфликтов на разных стадиях отношений, так что психосоциальные обстоятельства могут иногда вызывать, а иногда защищать пару от реактивации невротического проявления эдиповых конфликтов. Например, то, что женщина полностью посвящает себя интересам мужа, может быть адаптивным выражением ее Я-идеала, но может также и адаптивно компенсировать ее мазохистические тенденции, связанные с бессознательной виной за то, что она заняла место эдиповой матери. Когда муж более не зависит от нее и их экономические и социальные отношения больше не требуют гарантии ее “жертвы”, бессознательное чувство вины, отражающее неразрешенные эдиповы конфликты, может больше не компенсироваться. Приводятся в движение разнообразные конфликты — возможно, ее бессознательная потребность разрушить отношения из чувства вины или неразрешенный комплекс зависти к пенису и связанное с этим негодование по поводу мужских успехов. Или, к примеру, неудачи, постигшие мужчину на работе, декомпенсируют его прежние источники нарциссического самоутверждения, которые оберегали его от эдиповой неуверенности по отношению к женщинам и патологического соперничества с мужчинами, что приводит к регрессии к сексуальным запретам и противоречивой зависимости от жены, что является поздним воссозданием его эдиповых конфликтов и их невротического разрешения.

Социальное, культурное и профессиональное развитие и успех женщин в западном обществе могут послужить угрозой традиционной, культурно-нормативной и подкрепленной защите мужчин от

их эдиповой неуверенности и страхов и зависти к женщинам. Изменяющаяся реальность конфронтрует обоих участников и создает потенциальную возможность реактивации сознательной и бессознательной зависти, ревности и ненависти, что опасно увеличивает агрессивные компоненты в любовных отношениях.

Эта социокультурная размерность в бессознательных конфликтах пары тонко и драматично проиллюстрирована в ряде кинокартин Эрика Ромера о любви и браке, особенно в фильме “*My Night at Maude’s*” (“Ночь у Мод”) (Ромер, 1969; Меллен, 1973). Жан-Луи — конвенциональный молодой человек, интеллигентный и сензитивный, но застенчивый и убежденный католик — не осмеливается вступить в отношения с Мод — состоящей в разводе, оживленной, профессионально активной, глубоко эмоциональной и сложной. Он предпочитает остаться “верным” идеализируемой, довольно скучной, скрытной и подчиняемой католической девушке, на которой решил жениться. Он человек долга и постоянства, но в глубине души боится предаться полнокровным, хотя и не вполне ясным отношениям с женщиной, равной себе. И Мод со всем ее обаянием, талантом и способностью к самовыражению, оказывается не в силах понять, что Жан-Луи не даст ей ничего из-за боязни и неспособности сделать это. Отвергнув Вайдала, друга Жан-Луи, который действительно ее любит, она вступает в еще более неудовлетворительный брак с другим мужчиной. Их трагедия состоит в потере возможностей — противоположности потенциальному счастью и стабильным любовным отношениям или браку, при котором оба партнера могут преодолеть бессознательно детерминированную опасность для их отношений.

Влюбленность и создание пары

Способность влюбляться — основной элемент взаимоотношений пары. Она включает способность соединять идеализацию с эротическим желанием и потенциалом для развития глубоких объектных отношений. Мужчина и женщина, которые находят друг друга привлекательными, желанными и способными установить полноценные сексуальные отношения, несущие эмоциональную близость и чувство реализации их идеалов близости с любимым, выражают не только свою способность к бессознательной связи эротизма с

нежностью, сексуальности с Эго-идеалом, но также к тому, чтобы заставить агрессию служить любви. Пара, устанавливающая любовные отношения, отрицает вечную зависть и обиду исключенных других и ненадежное влияние конвенциональной культуры, в которой они живут. Романтический миф о двух любящих сердцах, нашедших друг друга во враждебной толпе, отражает бессознательную реальность обоих партнеров. Некоторые культуры отводят огромную роль романтизму (это эмоциональные, героические, идеализированные аспекты любви), другие могут категорически отрицать его, тем не менее эмоциональная реальность во все времена находила свое воплощение в искусстве и литературе (Бергманн, 1987).

Еще одной важной характеристикой динамики является дерзкий прорыв покорности к бессознательно гомосексуальным группам латентного и раннего подросткового периодов (Брауншвейг и Фейн, 1971): мужчина пренебрегает анальным обесцениванием сексуальности, защитным отвержением женщин в группах латентного периода и ранне-подростковых мужских группах и групповой защитой от лежащих за этим зависимого стремления и эдиповых запретов; женщина переступает страх перед мужской агрессией; женские группы латентного и подросткового периодов как бы заключают молчаливое соглашение об отвержении желания сексуальной близости, а также о защитной идеализации частично десекуализированных мужчин как разделяемом групповом идеале.

Мужчина и женщина могут знать друг друга с детства и казаться благополучной парой, они могут вступить в брак и все-таки на самом деле не быть настоящей парой. Или они могут секретно стать парой: многие, если не большинство браков, являются “несколькими браками” и многие пары становятся парами лишь после того, как оторвутся от своей социальной группы.

Если пара может включить свои полиморфные перверсивные фантазии и желания в свои сексуальные отношения, открыть для себя садомазохистическое ядро сексуального возбуждения, ее вызов конвенциональным культурным нравам может превратиться в сознательный элемент удовольствия. Полное и свободное выражение их телесного эротизма может усилить открытость каждого из партнеров к эстетической стороне культуры и искусства и переживанию природы. Совместный отказ от сексуальных табу детства поможет также расширить эмоциональную, культурную и социальную жизнь пары.

Для пациентов со значительной патологией характера способность влюбляться означает известные психологические достижения: для нарциссических личностей влюбленность знаменует начало способности проявлять заботу и испытывать чувство вины и дает некоторую надежду на преодоление глубокого, бессознательного обесценивания объекта любви. Для пациентов с пограничной личностной организацией примитивная идеализация может стать первым шагом к отношениям любви, отличающимся от отношений любви-ненависти с первичными объектами. Это происходит, если (и когда) механизмы расщепления (*splitting*), отвечающие за такую примитивную идеализацию, были разрешены и эти любовные отношения или новые, заменяющие их, способны вынести и разрешить догенитальные конфликты, от которых защищала примитивная идеализация. Пациенты невротического склада и пациенты с относительно легкой формой патологии развивают способности к продолжительным любовным отношениям, если (и когда) успешный психоанализ или психотерапия разрешили бессознательные, в основном эдиповы, конфликты.

Состояние влюбленности представляет собой и процесс скорби, связанный с взрослением (тем, что становишься самостоятельным) и переживанием прощания с детством. В этом процессе сепарации присутствует также подтверждение хороших отношений с интернализированными объектами прошлого, по мере того как индивид обретает уверенность в возможности давать и получать любовь и одновременно испытывать сексуальное удовлетворение — при постепенном усилении и того и другого — в противоположность детскому конфликту между любовью и сексом.

Достижение этой стадии позволяет развивать способности трансформировать влюбленность в стабильные любовные отношения, включая способность к нежности, заботе и идеализации, более сложной, чем на ранних стадиях развития, и способность к идентификации с объектом любви и эмпатии к нему. На этом этапе нежность может перетекать в полное сексуальное удовольствие; при этом углубляется чувство заботы, сексуальной идентификации и эмпатии, а идеализация становится зрелым чувством ответственности по отношению к идеалу, представленному тем, чем является или за чем “стоит” любимый человек, или чем может стать соединившаяся пара.

Зрелая сексуальная любовь и сексуальная пара

Генри Дикс (1967) предоставил материалы, полученные на основе изучения конфликтов супружеских пар, которые я считаю самым понятным психоаналитическим пособием для изучения характеристик нормальных и психопатологических любовных отношений. Он подошел к изучению способности к зрелым любовным отношениям в терминах размерности интеракций в установившихся супружеских отношениях. Обследуя супружеские пары индивидуально и совместно в психоаналитической парадигме, он выработал критерии, позволяющие проводить анализ причин хронических супружеских конфликтов, а также их исходов: разрушения брачного союза, сохранения шаткого конфликтного равновесия или разрешения конфликта.

Дикс обнаружил, что существуют три основные сферы взаимодействия пары, связанные между собой: их сознательные взаимные представления о том, какими должны быть брачные отношения; степень, в которой их взаимные ожидания позволяют гармонизировать их собственные культурные ожидания, а также их интеграция в культурное окружение; и бессознательная активация прошлых патогенных интернализованных объектных отношений в каждом партнере и их обоюдная индукция комплементарных ролей к этим прошлым объектным отношениям. Дикс приходит к выводу о том, что пары устанавливают компромиссное образование между своими бессознательными объектными отношениями, которые часто находятся в остром конфликте с их осознанными желаниями и взаимными ожиданиями.

Взаимная индукция ролей, которая достигается путем проективной идентификации, оказалась существенным фактором, определяющим способность пары к получению удовлетворения. Дикс подчеркивал, что сексуальные конфликты между партнерами — это та область, в которой раскрываются имеющиеся супружеские конфликты и находят выражение бессознательно активированные объектные отношения. Он указывал на резкий контраст между этими активируемыми объектными отношениями и первоначальной взаимоидеализацией пары.

Описанные Диксом превратности активизации взаимных проективных идентификаций как части объектных отношений пары и влияние их Эго-идеалов на отношения оказали значительное воздействие на мою точку зрения по поводу взаимоотношений пары.

Дикс утверждал, что, “как бы ни казалось парадоксальным для здравого смысла, бессознательные соглашения — тайное объединение партнеров — оказываются более сильными и непреодолимыми в нарушенных брачных союзах, которые мы сейчас рассматриваем, по сравнению со свободными и гибкими взаимозависимостями “цельных людей”.

С моей точки зрения, сферы интеракции пары, описываемые Диксом, могут быть переструктурированы и расширены до по крайней мере трех сфер: 1) реальные сексуальные отношения; 2) сознательно и бессознательно доминирующие объектные отношения; 3) установление совместного Эго-идеала. Способность к зрелой сексуальной любви, которую я описывал, находит свое воплощение в этих трех сферах.

Особенное внимание мне хотелось бы обратить на важность интеграции либидо и агрессии, любви и ненависти, с доминирующей ролью любви над ненавистью во всех этих трех основных сферах интеракции пары. В этой связи я очень признателен Столлеру (1979, 1985), который внес огромный вклад в психоаналитическое понимание сексуального возбуждения, перверсий и природы любви. Он указывал на существенную роль агрессии как компонента сексуального возбуждения и самостоятельно пришел к выводам, схожим с моими, изучая сексуальный опыт пациентов с пограничной личностной организацией. Он также подчеркивал важность тайны в сексуальном возбуждении и описывал анатомические и физиологические факторы, которые во взаимодействии с эдиповыми желаниями и опасностями вносят вклад в качество возбуждения и фрустрации и являются частью тайны. Тайна и продуцирует, и отражает сексуальные фантазии. Столлер подчеркивал функцию сексуального возбуждения в воспроизведении опасных и потенциально фрустрирующих ситуаций и преодолении их путем удовлетворения специфическими сексуальными фантазиями и действиями. Таким образом, с точки зрения способности к сексуальному возбуждению и эротическому желанию и к интеграции доэдиповых и эдиповых объектных отношений как части любовных отношений, интеграция либидо и агрессии, любви и ненависти постепенно становится основным аспектом способности к любовным отношениям, а также патологии в любовных отношениях.

Садомазохистские аспекты полиморфной перверзивной сексуальности служат важным стимулом к борьбе за сексуальное соединение; а существенный недостаток заботливой телесной нежности или

травмирующий опыт прошлого, физическое или сексуальное насилие могут уничтожить способность к сексуальному ответному чувству и помешать развитию аффекта сексуального возбуждения. Но и чрезмерное вытеснение агрессии, бессознательные запреты на ранние агрессивные компоненты полиморфной перверзивной инфантильной сексуальности могут сдерживать и обеднять ответное сексуальное чувство.

Мои клинические исследования показывают, что некоторая степень подавления или вытеснения полиморфной перверзивной инфантильной сексуальности — наиболее распространенный вид сексуальных запретов, значительно обедняющих любовную жизнь пары, чьи эмоциональные отношения при других обстоятельствах могли бы быть вполне удовлетворительными. Практика показывает, что пары могут регулярно иметь генитальные половые контакты с сексуальным возбуждением и оргазмом, но чувство однообразия и смутное ощущение неудовлетворенности и скуки будет при этом расти. В области сексуального возбуждения и недостаточная интеграция агрессии, и ее избыток могут постепенно начать препятствовать любовным отношениям.

То же самое происходит в доминантных объектных отношениях пары. Недостаток интеграции “абсолютно хороших” и “абсолютно плохих” интернализованных объектных отношений приводит к примитивной идеализации в любовных отношениях у личностей с пограничной личностной организацией. Нереалистичное качество идеализации легко приводит к конфликтам и разрушению отношений. Идеализация, которая не выдерживает амбивалентности, то есть легко разрушается любой агрессией в отношениях, является по определению непрочной и неудовлетворительной, и у партнеров не хватает способности к глубокой взаимной идентификации. Но интеграция объектных отношений, которая предвещает доминирование продвинутых эдиповых конфликтов с соответствующей толерантностью к амбивалентности также означает присутствие агрессии в отношениях, которую необходимо вынести и которая является потенциальной угрозой отношениям.

Толерантность к амбивалентности способствует активации бессознательных сценариев и взаимной проекционной идентификации прошлых патогенных интернализованных объектных отношений, так что толерантность к агрессии как части амбивалентных отношений пары чрезвычайно обогащает ее и придает отношениям партнеров глубину, которую Балинт называет “генитальной идентификаци-

ей”, а Винникотт — “заботой”. Но чрезмерная агрессия угрожает отношениям пары невыносимыми конфликтами и потенциальным разрывом отношений.

Давайте перейдем от объектных отношений к взаимной проекции парой Эго-идеала. Взаимная идеализация друг друга, а также отношений пары может рассматриваться не только как защита от более реалистических требований уважения нужд и отношений друг друга, но также как доминирование функций Супер-Эго в целом и инфантильного Супер-Эго с его запретами на эдиповы желания и инфантильную сексуальность. Нормальное развитие функций Супер-Эго предохраняет пару и добавляет мощный элемент — чувство взаимной ответственности и заботы, — извлеченный из эмоциональных глубин в их отношениях. Но при доминировании агрессии в Супер-Эго это также создает возможность взаимных преследований и подавления свободы.

Очевидно, что качество и развитие любовных отношений зависят от характера соответствия пары и, таким образом, от способа выбора партнера. Те же черты, которые включает в себя способность к зрелым любовным отношениям, влияют и на процесс выбора. Способность свободно испытывать сексуальное наслаждение, если это доступно хотя бы одному партнеру, составляет начальную ситуацию проверки — до какой степени каждый из них способен к свободе, богатству и разнообразию сексуальных отношений. Способность смело встречать сексуальные запреты, ограничения или отвержение партнера есть выражение стабильной генитальной идентификации, в противоположность яростному отвержению, обесцениванию или мазохистскому подчинению сексуальным запретам партнера. Естественно, ответ партнера с сексуальными запретами на подобный вызов является важным элементом развития динамики сексуальной пары. При ранней сексуальной несовместимости пары проблему обычно необходимо искать в неразрешенных эдиповых конфликтах, и та степень, в которой их возможно разрешить, в большей мере зависит от отношения более здорового партнера. Но избегание партнера, который явно будет накладывать жесткие ограничения на ожидания сексуального удовлетворения, является одним из аспектов нормального процесса выбора.

Развитие способности к целостным или интегрированным объектным отношениям подразумевает достижение идентичности Эго и, к тому же, развитие глубоких отношений, способствующих интуитивному выбору человека, соответствующего вашим желаниям и

стремлениям. В процессе выбора всегда присутствуют бессознательные детерминанты, но при обычных обстоятельствах расхождение между бессознательными желаниями и опасениями и сознательными ожиданиями не столь кардинально, чтобы опасаться исчезновения процессов ранней идеализации в отношениях пары.

К тому же зрелый выбор человека, которого вы любите и с которым хотите провести всю свою жизнь, подразумевает зрелые идеалы, определенную шкалу ценностей и наличие целей, которые, в дополнение к удовлетворению потребностей в любви и близости, придают более широкий смысл жизни. Может возникнуть вопрос, приемлем ли здесь термин “идеализация”, но до сих пор при выборе человека, соответствующего вашим идеалам, присутствует элемент трансцендентальности. Это посвящение себя человеку и определенному образу жизни, который соответствует или может соответствовать отношениям с этим человеком.

Но здесь мы опять возвращаемся к основной динамике, согласно которой интеграция агрессии в сферах сексуальных отношений, объектных отношений и Эго-идеала пары гарантирует глубину и интенсивность отношений и в то же время может угрожать им. Тот факт, что равновесие между любовью и агрессией — динамическое, делает интеграцию и глубину потенциально нестабильной. Пара не может рассчитывать, даже при наилучших обстоятельствах, что ее будущее очевидно; тем более если существует неразрешенный конфликт у одного или обоих партнеров, что угрожает равновесию между любовью и агрессией. Иногда, даже при обстоятельствах, кажущихся благоприятными и безопасными, новые обстоятельства нарушают такое равновесие.

Сам факт, что необходимым условием развития глубоких и длительных отношений между двумя людьми является достижение способности к глубине по отношению к самому себе и другим, — для эмпатии и понимания, открывающих глубинный путь к многомерным отношениям между человеческими существами, — создает любопытную дилемму. По мере того как с годами один из партнеров обретает большую способность к глубокой любви и реалистическому уважению другого (что становится частью его личной и социальной жизни), он или она может найти другого, который может быть столь же подходящим партнером или даже более предпочтительным. Эмоциональная зрелость, таким образом, не является гарантией бесконфликтности и стабильности во взаимоотношениях пары. Твердые обязательства по отношению к одному

человеку, моральные ценности и опыт совместной жизни обогащают и сохраняют стабильность отношений, но если знание себя и рефлексия глубоки, каждый партнер время от времени может испытывать стремление к другим отношениям (к этому может побудить реалистичная оценка) и повторяющееся самоотречение. Но самоотречение и стремление могут добавить глубины в жизнь индивидуума и пары; а направление стремлений, фантазий и сексуального накала в отношениях пары могут привнести дополнительные, незаметные для посторонних, краски в их любовную жизнь. Все человеческие отношения должны когда-то закончиться, и угроза потери и одиночества и, в конце концов, смерти, является самой страшной, если любовь очень сильна. Осознание этого также усиливает любовь.

5. ПСИХОПАТОЛОГИЯ

Далее я привожу клинические иллюстрации того, насколько сильно психопатология влияет на развитие зрелых любовных отношений. Я сопоставлю последствия более и менее тяжелых случаев пограничной личностной организации, нарциссической и невротической психопатологии на примере типичных клинических случаев.

В некоторых наиболее тяжелых случаях пограничной личностной организации, в частности, у пациентов с выраженными самодеструктивными тенденциями и тенденциями к самоповреждению или с нарциссической патологией, антисоциальными тенденциями, эго-синтонной агрессией наблюдается отсутствие способности к чувственному удовольствию и эротизму кожи. Как мужчины, так и женщины могут переживать полное отсутствие сексуальных проявлений: удовольствия от мастурбации, сексуального желания к какому-либо объекту, неспособности достигать возбуждения, не говоря уже об оргазме при сексуальном акте. Все эти пациенты демонстрируют полную несформированность механизмов вытеснения, присутствующих у более здоровых пациентов (обычно невротиков), которые могут проявлять вторичные запреты на сексуальное возбуждение, обусловленные вытеснением.

Пациенты, о которых пойдет речь, не способны испытывать сексуальное возбуждение, несмотря на совершенно нормально функционирующий биологический аппарат. История раннего развития этих пациентов оставляет впечатление, что активация чувства удовольствия телесного (кожного) эротизма не сформировалась или была нарушена с самого раннего детства. Тяжелый травматический опыт, физическое или сексуальное насилие и полное отсутствие любви и заботы со стороны родительских объектов доминируют в их истории. Часто самоповреждения (пациенты наносят себе повреждения кожного покрова, слизистой оболочки, вырывают волосы) приносят им своего рода чувственное удовлетворение, хотя болевые ощущения пересиливают признаки эротического удовольствия. Психоаналитическое исследование раскрывает мир примитивных фантазий с доминированием садомазохистических взаимо-

действий, и стремление к власти является только способом найти безопасность как альтернативу полному подчинению садистическому объекту. Такие пациенты испытывают огромные трудности в достижении чувственного удовольствия. Как ни парадоксально, несмотря на то, что психоаналитическая терапия может значительно скорректировать их личностные расстройства, в то же время она может усилить дальнейшее закрепление сексуальных запретов, вводя механизмы вытеснения. Сексопатологи крайне осторожны в прогнозах относительно лечения таких пациентов.

Интеграция примитивных, расщепленных, идеализированных и преследующих интернализированных объектных отношений как часть и следствие психотерапевтического лечения может позволить таким пациентам развить способность к идеализации, стремление к идеализированным отношениям, что может содействовать развитию способности к эмоциональной включенности и обязательствам. В конце концов, такие пациенты могут установить стабильные любовные отношения, но обычно они не проявляют способности к страстной любви.

Молодая женщина примерно тридцати лет была госпитализирована по причине выраженных тенденций к самоповреждению с угрозой для собственной жизни. В прошлом она глубоко резала себе руки, жгла себя сигаретами и чудом выжила после нескольких суицидальных попыток. В первом семестре бросила университет и вела беспорядочную жизнь с мужчинами, снабжавшими ее наркотиками, в интимных отношениях с которыми она не испытывала ни сексуального желания, ни сексуального удовольствия. Живя с постоянным чувством подозрения, что ее используют, и в то же время стремясь использовать мужчин материально и эмоционально, она получала чувственное удовлетворение, только когда они оставались спать рядом с ней на всю ночь и крепко обнимали ее или когда они давали ей наркотики, не задавая никаких вопросов и не требуя ничего взамен, кроме сексуальных одолжений. Тем не менее, она была способна быть преданной мужчине до тех пор, пока он удовлетворял ее требования и пока она чувствовала, что контролирует отношения. Как только у нее рождались подозрения, что ее используют и относятся к ней несправедливо, она тут же обесценивала и бросала мужчину. История этой пациентки включает физическое насилие со стороны матери и сексуальные злоупотребления со стороны отчима. Хорошая успеваемость в начальных классах школы, связанная с высоким уровнем интеллекта, впоследствии

постепенно ухудшалась из-за того, что она мало занималась в старших классах. Она принадлежала к маргинальной, несколько антисоциальной группе, но не совершала антисоциальных поступков, кроме краж в магазинах в подростковом возрасте — позже она пришла к выводу, что это слишком опасно, и прекратила это делать.

Менее нарушенные пациенты с пограничной личностной организацией могут обнаруживать способность к сексуальному возбуждению и эротическому желанию, но страдать от последствий патологических интернализованных объектных отношений. Механизмы расщепления пограничной личности раскалывают внутренний и внешний мир объектных отношений на идеализированные и преследующие фигуры. Поэтому они способны к идеализации отношений с “частичными объектами”. Однако такие отношения очень хрупкие и в любой момент могут прекратиться из-за вторжения “абсолютно плохих” аспектов, которые превращают идеальные отношения в преследующие.

В любовных отношениях таких пациентов может присутствовать эротическое желание вместе с примитивной идеализацией объекта любви. Здесь мы наблюдаем развитие сильной любовной привязанности с примитивной идеализацией и более устойчивым типом отношений по сравнению с преходящим характером отношений у нарциссических пациентов. Обратной стороной таких идеализаций является тенденция к внезапным реакциям разочарования, трансформация идеализируемого объекта в преследующий и разрушительные отношения с ранее идеализируемыми объектами. В этих случаях при разводе обычно проявляются наиболее драматичные агрессивные черты. Возможно, самый распространенный вид таких патологических отношений можно наблюдать у инфантильных женщин с пограничной личностной организацией, которые отчаянно цепляются за мужчин, идеализируемых до такой степени, что обычно из описаний пациенток сложно составить истинный портрет этих мужчин. На первый взгляд, такой тип напоминает гораздо лучше адаптированных женщин с мазохистскими наклонностями, которые безропотно подчиняются идеализируемому садистическим мужчинам, но в этих случаях отмечается нереалистическая детская идеализация. Случай, который приводится ниже, взят из моей предыдущей работы (1976) и иллюстрирует этот тип динамики.

Пациентка, о которой пойдет речь, — тучная восемнадцатилетняя девушка. Она пристрастилась к наркотическим средствам, и ее учеба в школе постепенно ухудшалась, несмотря на высокий уровень

умственных способностей. Ее непослушание послужило причиной исключения из нескольких школ и особенно проявлялось в диких сценах дома. В больнице она произвела впечатление импульсивного, гиперактивного, колючего и нечестного подростка. Она безжалостно использовала большинство людей и в то же время была полностью покорна и предана молодому человеку, которого встретила в другой больнице и которому ежедневно писала длинные и страстные любовные письма. Он лишь изредка и довольно уклончиво отвечал ей. Очевидно, молодой человек был не в ладах с законом, но никаких подробностей на эту тему не сообщал, и несмотря на усиленные попытки врачей получить о нем реалистические сведения, оставался лишь смутной тенью, хотя, по словам пациентки, был безупречным, идеальным, любящим и “красивым” парнем.

В процессе психотерапевтического лечения пациентка пылко описывала интенсивные сексуальные отношения со своим молодым человеком. Ей казалось, что их отношения безупречны, и она была убеждена в том, что будь у нее такая возможность, она убежала бы с ним далеко-далеко, отрешившись от остального мира, и была бы вполне счастлива и ни в чем больше не нуждалась. До этого она уже проходила психотерапию с несколькими специалистами и прибыла в больницу “с твердым намерением” отразить попытки персонала разлучить ее с другом.

Она могла простить или, скорее, рационализировать нечуткость по отношению к себе со стороны своего друга, в то же время оставаясь очень чувствительной, часто даже паранояльной, если чувствовала неуважение или пренебрежение со стороны других людей. И только после того, как он окончательно и недвусмысленно бросил ее и она нашла другого молодого человека в нашей больнице, с которым вновь повторилась вся история ее прошлых взаимоотношений, она смогла освободиться от первых отношений. И освободилась настолько кардинально, что спустя несколько месяцев с трудом могла вспомнить лицо своего первого возлюбленного.

Как ни парадоксально, но такой тип “влюбленности” лучше поддается прогнозу, чем эфемерные увлечения нарциссических индивидов, несмотря на то, что нарциссические индивиды оказываются намного более “реалистичными”, чем типичные пациенты с пограничной личностной организацией без нарциссической личностной структуры.

Существует несколько особенностей, отличающих интенсивные любовные взаимоотношения пациентов с пограничной личностной

организацией. Во-первых, такие индивиды в полной мере проявляют способность к генитальному возбуждению и оргазму, наряду со страстной преданностью, что демонстрирует необязательность достижения эмоциональной зрелости для развития “ примата гениталий”.

У таких пациентов как будто бы наблюдается некоторая интеграция полиморфной перверсивной инфантильной сексуальности и генитальной сексуальности, в которой они, кажется, способны интегрировать агрессию и любовь — то есть подчинять агрессивные, садомазохистские компоненты инфантильной сексуальности для получения либидинального эротического удовлетворения. Такая интеграция сексуального возбуждения и эротического желания происходит до того, как субъект развивает способность интегрировать агрессивно заряженные и либидинально заряженные интернализированные объектные отношения. Расщепление объектных отношений (на идеализируемые и преследующие) сохраняется, и интенсивная эротическая идеализация объектов выполняет функцию отрицания агрессивных элементов интернализированных объектных отношений и предохранения идеализируемых отношений от присутствия агрессии.

Пациенты с пограничной личностной организацией проявляют способность к своего рода примитивной влюбленности, характеризующейся нереалистичной идеализацией объекта любви, которого они совершенно не чувствуют. Подобная идеализация отличается от зрелой идеализации и иллюстрирует процессы развития, которые проходит механизм идеализации, прежде чем достичь высшей точки в нормальной идеализации в состоянии влюбленности.

Сильные сексуальные переживания, в которых идеализируются интимные отношения, могут быть использованы для отрицания невыносимой амбивалентности и сохранения расщепления. Этот процесс служит иллюстрацией того, что можно назвать преждевременной эдипизацией доэдиповых конфликтов у многих пациентов с пограничной личностной организацией: любовная связь крайне невротического свойства и очень сильная нивелирует кроющуюся за этим неспособность переносить амбивалентность. Клинические данные свидетельствуют, что у обоих полов активация генитальных модусов взаимодействия может служить попыткой избежать повергающих в ужас, фрустрирующих отношений, связанных с оральными потребностями и зависимостью, как если бы бессознательная надежда на оральное удовлетворение посредством сексуальной активности и на идеальные отношения, отличные от фрустрирую-

ших догенитальных отношений с матерью, благоприятствовали бегству в раннюю сексуализацию всех отношений.

Многие пациенты с нарциссической личностной структурой имеют хорошо развитую способность к сексуальному возбуждению и оргазму при половом акте и широкий спектр полиморфных перверсивных инфантильных тенденций без способности к сильной включенности в объект любви. Многие из этих пациентов никогда не влюблялись или не любили. Может создаться впечатление, что пациенты, склонные к промискуитету и испытывающие интенсивные чувства фрустрации и нетерпения, когда желаемый сексуальный объект не становится немедленно доступным, испытывают любовь, но на самом деле не любят. Это обнаруживается в их безразличии к вожделенному объекту немедленно после достижения ими своей цели.

Для достижения лучших результатов в терапии и в оценке прогноза важно отличать сексуальный промискуитет пациентов с нарциссической личностной структурой от пациентов с истерическим складом и сильными мазохистскими тенденциями. У последних сексуальный промискуитет обычно является отражением бессознательной вины за стабильные зрелые удовлетворяющие отношения, поскольку это бессознательно представляло бы осуществление запретных эдиповых желаний. Такие истерические и мазохистические пациенты проявляют способность к полным и стабильным объектным отношениям в сферах, не включающих сексуальные отношения. К примеру, истерические женщины с сильными бессознательными тенденциями к конкуренции с мужчинами могут поддерживать стабильные, глубокие отношения с ними до тех пор, пока не присутствует сексуальная сторона; только при достижении сексуальной близости бессознательное негодование на фантазийное подчинение мужчине или бессознательное чувство вины за запретную сексуальность мешают отношениям.

В противоположность этому, сексуальный промискуитет нарциссических индивидов связан с сексуальным возбуждением по отношению к телу, которое “отказывает”, или к человеку, которого ценят другие люди или считают его привлекательным. Такое тело или человек пробуждают у нарциссических пациентов бессознательную зависть и алчность, потребность обладать им и бессознательное стремление обесценить и испортить то, чему они завидуют. До тех пор, пока сексуальное возбуждение возрастает на какое-то время, иллюзия желания объекта, мимолетное увлечение им может

напоминать чувство влюбленности. Однако вскоре, когда сексуальные отношения удовлетворяют потребность в победе и “включают” процесс обесценивания ранее желанного объекта, это заканчивается быстрым исчезновением и сексуального возбуждения, и личного интереса.

Ситуация осложняется тем, что бессознательная жадность и зависть имеют тенденцию быть спроецированными на желаемый сексуальный объект и, как следствие, возникает боязнь превратиться в собственность и предмет использования сексуальным объектом, что усиливает потребность бегства в “свободу”. Для нарциссического пациента все люди подразделяются на эксплуататоров и эксплуатируемых, а “свобода” является просто укрытием от фантазийного всепоглощающего собственничества. В процессе психоаналитического лечения тенденция к промискуитету у нарциссических пациентов также отражает тщетную попытку поиска человеческой любви, как если бы ее можно было чудесным образом обнаружить в каких-то частях тела — грудях или пенисах, ягодицах или вагинах. Бесконечные повторяющиеся стремления нарциссических пациентов к таким частям тела могут являться, как показывает анализ, регрессивной фиксацией отщепленных ранних симбиотических переживаний, в которые были включены эрогенные зоны и идеализация поверхности тела в качестве компенсации за неспособность установить цельные объектные отношения или константность объекта (Эрлоу и др., 1968).

Бегство нарциссических пациентов от “покоренных” сексуальных объектов может также представлять попытку уберечь эти объекты от бессознательной деструктивности. Рассуждая о психологии “Дон Жуанов и Перекати-Поле”, Ривьер (1937) в качестве основных динамических факторов называет оральные источники зависти к другому полу и защитные функции отказа и пренебрежения. Фэйрберн (1954) подчеркивал функцию перверсии как замещения отношений с глубоко расщепленными, идеализируемыми и преследующими объектами, которых не может вынести “центральное” Я пациента.

Таким образом, нарциссическая патология демонстрирует способ, с помощью которого исходная способность к сексуальному возбуждению и идеализация поверхности тела может переходить в полную полиморфную инфантильную перверзивную сексуальность и, наконец, завершаться проявлением генитального интереса и способностью к достижению сексуального оргазма. Такой прогресс

достигается при неудаче в развитии способности к глубоким интимным объектным отношениям, так что идеализация остается ограниченной в сексуальной сфере и в значительной степени неразвитой в сфере актуальных объектных отношений. Недолговременная идеализация нарциссическими пациентами значимых других является недостаточной для того, чтобы развить что-либо, кроме “чисто сексуального” интереса и идеализации внешней поверхности тела, которые не развиваются до идеализации человека в целом. Некоторые нарциссические личности способны достигать идеализации другого человека, которая от идеализации тела переходит к идеализации человека, даже если такой интерес носит временный характер и ограничен бессознательными механизмами защитного обесценивания. Приводимые ниже случаи, которые описывались в моих ранних работах, иллюстрируют психопатологический континуум в спектре нарциссических личностных расстройств.

Мужчина двадцати пяти лет обратился за консультацией по поводу страха импотенции. Несмотря на периодические сексуальные контакты с проститутками, при первой попытке сексуальных отношений с женщиной, с которой у него были, по его словам, платонические дружеские отношения, он не смог достичь полной эрекции. Это нанесло серьезный удар по его самооценке и вызвало сильную тревогу. Он никогда не влюблялся и не был эмоционально или сексуально привязан ни к женщинам, ни к мужчинам. Его мастурбационные фантазии отражают многочисленные перверзивные тенденции, включая гомосексуальные, гетеросексуальные, садомазохистские, эксгибиционистские и вуайеристические аспекты.

Будучи человеком образованным и интеллигентным, он успешно работал бухгалтером и поддерживал стабильные, хотя и несколько отстраненные отношения как с мужчинами, так и женщинами, основанные на общих политических и интеллектуальных интересах. Не производил впечатления человека амбициозного, был доволен своей работой. С ним обычно с удовольствием общались, поскольку он был дружелюбен, гибок и быстро адаптировался. Друзья удивлялись его периодической злой иронии и высокомерию по отношению к окружающим.

Этот пациент первоначально казался Obsessive личностью, но психоаналитическое исследование раскрыло типичную нарциссическую личностную структуру. У него была глубокая, главным образом бессознательная, убежденность в том, что он выше мелочной соревновательной борьбы, в которую вовлечены его коллеги и друзья. Он

также чувствовал превосходство перед своими друзьями из-за их увлечения посредственными, хотя и физически привлекательными женщинами. И тот факт, что, милостиво снизойдя до своей платонической подруги, он оказался не способным осуществить коитус, было страшным ударом по его Я-концепции. Он считал, что мог бы иметь сексуальные отношения и с мужчинами, и с женщинами и что он выше узкой конвенциональной морали своих друзей.

Здесь мне хотелось бы обратить ваше внимание в первую очередь на то, что у этого человека отсутствовала способность к сексуальной включенности и способность испытывать даже мимолетное слепое увлечение, и прогнозы психоаналитиков были крайне осторожными. (Психоаналитическое лечение, продолжавшееся более пяти лет, в конечном счете окончилось неудачей.) Центральной динамической характеристикой в этом случае является сильная зависть к женщинам и защита от этой зависти в виде обесценивания и нарциссически детерминированной гомосексуальной ориентации, что часто встречается у нарциссических личностей.

Следующий случай является иллюстрацией наличия некоторой способности к влюбленности и ухудшения этой способности при промискуитете и бесконечных мимолетных увлечениях. Этот случай также иллюстрирует предположение о том, что продвижение от фиксации на поверхности тела до чувства влюбленности в человека связано с развитием способности испытывать чувство вины и заботы, депрессии и стремления исправиться. В противоположность предыдущему случаю, у мужчины немного старше тридцати лет существовал некоторый потенциал к способности влюбляться. В процессе психоаналитического лечения эта способность значительно развилась по мере прорабатывания ее в переносе.

Первоначально пациент обратился за помощью по поводу сильной тревоги во время публичных выступлений и приносящего все меньше удовлетворения промискуитета. По его словам, в юности он несколько раз влюблялся, но вскоре уставал от женщин, которых первоначально идеализировал и страстно желал. После нескольких сексуальных контактов с женщиной он полностью терял к ней интерес и отправлялся на поиски другой. Незадолго до начала лечения у него завязались отношения с разведенной женщиной, имевшей трех маленьких детей. Он находил ее наиболее приемлемым вариантом по сравнению с предыдущими женщинами. Несмотря на возникновение этих отношений, его промискуитет продолжался, и впервые в жизни он испытывал конфликт между желанием

установить стабильные отношения с женщиной и своими бесконечными увлечениями.

Его безнадежный поиск удовлетворяющего сексуального опыта с женщинами с самого начала стал важным предметом психоаналитического лечения. Вначале он с гордостью заявил о своем успехе у женщин за счет, как он полагал, своей необыкновенной сексуальной активности и способности доставлять сексуальное наслаждение. Вскоре, однако, выяснилось, что его интерес к женщинам проявлялся исключительно по отношению к их мягкой коже, груди, ягодицам, влагалищу и, кроме того, служил для удовлетворения его фантазий о том, что женщины скрывают и не дают своих “сокровищ” (по его собственному выражению). Покоряя их, он чувствовал, что “развернет” их и “проглотит”. На более глубоком уровне (пациент осознал это только после многих месяцев работы) он боялся, что не существует способа поглотить женскую красоту и что сексуальное проникновение, коитус и оргазм — всего лишь иллюзорное поглощение того, чем он восхищается и что желает сделать своим.

Нарциссическое удовлетворение от того, что он “сделал” женщину, быстро испарялось, и осознание того, что он совершенно потерял интерес к ней после короткого периода сексуального общения значительно ухудшали самое начало и развитие этих эфемерных взаимоотношений. В последние годы во время полового акта с уже завоеванной, а поэтому почти обесцененной женщиной, он часто фантазировал о половом акте с женщинами, которых еще предстоит покорить. Замужние женщины были для него особенно привлекательны — не из-за треугольника эдиповых конфликтов, как я поначалу предполагал, а в силу того, что другие находили в них что-то привлекательное, что и подогревало его интерес к ним, как обладательницам “скрытых сокровищ”.

В итоге пациент осознал интенсивность своей зависти к женщинам, основанную на зависти и ненависти по отношению к матери. Его мать постоянно фрустрировала его. Он чувствовал, что она и физически, и психически отказывала ему во всем, что он любил и чем восхищался. Он до сих пор помнит, как в отчаянии цеплялся за ее теплое мягкое тело, а она холодно отвергала как его проявления любви, так и агрессивные требования к ней.

В юности ему приходилось вести постоянную борьбу, чтобы справиться с осознанием и проявлением своей бессознательной зависти и ненависти к женщинам. Когда он смотрел фильмы о

Второй мировой войне, то приходил в ярость от вида актрис, представляющих себя на показ перед большой толпой восторженных солдат. Он чувствовал, что это жестоко и что солдаты должны атаковать сцену и убить актрис. Он бесконечно размышлял над тем, что женщины знают, что у них есть груди и женские гениталии, и когда они на ночь снимают нижнее белье — эти удивительные мягкие одежды, обладающие привилегией прикасаться к их телу, — они сбрасывают эти недоступные для него сокровища на пол.

В процессе анализа выявились его садистические мастурбационные фантазии, когда он еще был ребенком. Он видел, что разрывает женщин, мучает их, а затем “освобождает” одну из этой группы, которая кажется ему невинной и мягкой, милой, любящей и все понимающей — идеальный, всепрощающий, прекрасный и неисчерпаемый суррогат матери. Расщепляя свои внутренние отношения с женщинами на зависимость по отношению к идеальной, абсолютно хорошей матери и мстительную деструкцию по отношению ко всем остальным плохим матерям, он оказался неспособен на установление глубоких отношений, внутри которых он мог бы вынести и интегрировать свои противоположные чувства любви и ненависти. Вместо этого он идеализирует груди, женские гениталии и другие части тела, что позволяет ему регрессивно удовлетворить примитивный фрустрированный эротизм, символически крадя у женщин то уникальное и специфичное, что принадлежит им. Посредством промискуитета он также отрицает свою пугающую зависимость от определенной женщины и бессознательно разрушает то, что отчаянно хочет получить.

Тот факт, что он может “подарить” женщинам оргазм и что им нужен его пенис, символически убеждает его в том, что он не нуждается в них — у него есть дающий орган, лучший, чем любая грудь. Но то, что женщина тогда будет пытаться быть зависимой от него, пробуждает опасение, что она может захотеть украсть у него то, что он должен отдавать. Тем не менее в процессе безуспешных поисков удовлетворения эротических желаний, заменяющих его потребность в любви, пациент чувствовал растущее недовольство и в какой-то момент осознал, что фактически ищет отношений с человеком “под кожей” женщины.

И только систематическое изучение его оральных, трудно удовлетворимых требований, продолжительной неудовлетворенности в переносе заставило пациента реорганизовать свою тенденцию бессознательно портить и разрушать то, чего он больше всего жаждал, —

а именно понимание и заинтересованность со стороны психоаналитика, любовь и сексуальное удовлетворение от женщин. Полное осознание своих деструктивных тенденций по отношению к психоаналитику и женщинам привело к постепенному развитию чувства вины, депрессии и тенденции все поправить. В итоге это завершилось радикальными изменениями в его отношениях с аналитиком, с матерью и разведенной женщиной (отыгрывая вовне бессознательное чувство вины), на которой он женился в процессе анализа.

По мере постепенного осознания той степени любви и преданности, которую он получал от своей жены, пациент начал чувствовать, что недостойн ее. Он заметил, что его начали интересовать ее мысли и чувства, что он мог получать удовольствие от моментов счастья с ней и что в нем проснулся глубокий интерес к внутренней жизни другого человеческого существа. И, наконец, он осознал, как ужасно он завидовал независимым интересам своей жены, ее друзьям, ее вещам и тысячам маленьких секретов, которыми, он чувствовал, она делится со своими подругами, а не с ним. Он осознал, что, последовательно обесценивая и унижая ее, он сделал ее пустой и скучной для себя и боялся, как бы не пришлось бросить ее, так же как он бросал других женщин.

В то же время пациент почувствовал грандиозные внутренние перемены в процессе полового акта. Он описал это как почти религиозное чувство, как ощущение безмерной благодарности, человечности и удовольствия от того, что одновременного познал ее как женщину и как личность. Теперь он был в состоянии выразить свою благодарность в форме физической близости с ней, чувствуя ее тело (теперь репрезентирующее ее целиком, а не как частичный объект) по-новому. Теперь пациент мог испытывать романтическую любовь, связанную с сексуальной страстью к женщине, на которой он был женат более двух лет. Он получал полное удовлетворение от своей сексуальной жизни, в противоположность старому ощущению быстрого разочарования и постоянного поиска другой женщины. Прежняя потребность компульсивно мастурбировать после совершения полового акта бесследно исчезла.

Сильное чувство зависти и ненависти к женщинам отличает многих пациентов мужского пола. Рассматривая клинические случаи, можно убедиться, что интенсивность мужской зависти соответствует интенсивности зависти к пенису у женщин. При мужском нарциссизме отличие не только в сильной зависти и ненависти, но также и в патологическом обесценивании женщин (что уходит

корнями в обесценивание фигуры матери как первичного объекта зависимости).

Обесценивание женской сексуальности и отрицание потребности в зависимости от женщины присоединяется к неспособности поддерживать глубокую личностную и сексуальную вовлеченность при отношениях с женщинами. Мы обнаруживаем полное отсутствие сексуального интереса к женщинам (несмотря на четкую гетеросексуальную направленность) в наиболее тяжелых случаях; в менее серьезных случаях проявляется безрассудный поиск сексуального возбуждения и промискуитет, связанный с неспособностью установить более стабильные отношения. При небольших отклонениях пациенты проявляют ограниченную способность к мимолетным увлечениям.

Преходящие увлечения могут рассматриваться как начало формирования способности к влюбленности, но идеализация ограничивается лелеемыми физическими атрибутами женщин, которыми необходимо овладеть. Эти пациенты, однако, не способны достичь такого уровня идеализации, присущей чувству влюбленности, когда идеализируются женская генитальность и определенная женщина, а благодарность за ее любовь и забота о ней как о человеке перерастают в способность поддерживать более стабильные отношения. Чувство завершенности, наполненности, которое сопровождает чувство влюбленности, утрачено нарциссическими личностями. Самое большее, что может ощутить такая личность, — мимолетное чувство законченности при одержании победы над объектом.

Зависть к матери и зависимость от нее как от первичного источника любви, конечно, очень сильна и у мужчин, и у женщин. И важнейший источник зависти к пенису у женщин — поиск отношений зависимости с отцом и его пенисом, зависимости, которая является бегством от фрустрирующих отношений с матерью и освобождением от них. Оральные компоненты зависти к пенису доминируют у женщин с нарциссической личностной структурой — отсюда их мстительное обесценивание мужчин и женщин. Являются ли прогнозы психоаналитического лечения таких женщин более сдержанными, чем у мужчин, неясно: изучением этого вопроса занималась Полина Кернберг (1971) на примере женщины с нарциссической личностной структурой, демонстрирующей описанные механизмы.

Пациентка с нарциссической личностной структурой, которой немного за двадцать, отличалась холодной привлекательностью (хо-

лодность типична для нарциссических женщин, в отличие от теплой кокетливости у истерических личностей), чем она и пользовалась при частой смене партнеров, к которым относилась как к собственным рабам. Она безжалостно использовала мужчин. Когда они в конце концов бросали ее, она реагировала агрессивно и мстительно, не испытывая при этом чувства вины, печали или сожаления.

Невротическим пациентам присуще сдерживание нормальной способности к любовным отношениям как результат неразрешенных эдиповых конфликтов. Процессы идеализации, характерные для их любовных отношений, сместились от примитивной, нереалистичной идеализации в сторону интеграции “абсолютно хороших” и “абсолютно плохих” интернализованных объектных отношений, и пациент достигал константности объекта и реалистичной способности к глубокой оценке себя и любимого объекта.

Типичной патологией в любовных отношениях, связанной с доминированием эдиповых конфликтов, является полноценная способность к романтической идеализации, влюбленности и поддержанию отношений (то есть способность к серьезным обязательствам в контексте толерантности амбивалентности) в сочетании со сдерживанием непосредственных генитальных и полиморфно-инфантильных сексуальных желаний к эдипову объекту. Пациенты с преобладанием такого вида психопатологии обычно способны влюбляться и устанавливать стабильные отношения в контексте некоторого сдерживания генитальной сексуальности. Импотенция, преждевременная и запоздалая эякуляция (хотя в этих случаях догенитальная психопатология также играет важную роль) и фригидность (особенно подавление способности к сексуальному возбуждению и оргазму в процессе полового акта) — таковы преобладающие здесь симптомы.

Альтернативной защитой от бессознательного запрета на сексуальность из-за эдиповых конфликтов является разьединение нежных и эротических стремлений, так что “сексуальный” объект любви выбирается по контрасту с другим, десекуализированным и идеализируемым. Неспособность интегрировать эротическое желание и нежную любовь проявляется в получении сильного сексуального удовлетворения с одним объектом, отсоединенным от сильной негенитальной любви по отношению к другому объекту. Искупление бессознательной вины перед запретными эдиповыми желаниями происходит путем выбора фрустрирующих, недоступных или карающих любовных объектов или путем полного соединения сексуальной и нежной любви только при фрустрирующих любовных

отношениях. Можно сказать, что нарциссический тип любовных отношений представляет типичную психопатологию доэдиповых конфликтов в области любовных отношений, а мазохистские любовные отношения представляют типичную патологию эдипового уровня развития. Следующий случай, приводимый мной в предыдущей работе (1976), иллюстрирует их различные аспекты.

Мужчина тридцати пяти лет обратился в консультацию по поводу навязчивых сомнений относительно привлекательности своей невесты. На первую сессию он принес портфель с огромными фотографиями своей невесты, тщательно рассортировав их на две стопки: в первой — те фотографии, на которых она казалась ему привлекательной, во второй — где она казалась непривлекательной. Он спросил, нахожу ли я какую-либо разницу между этими двумя пачками. Никакой разницы в смысле привлекательности я не увидел, а пациент позднее признался мне, что такова была реакция всех его друзей, с которыми он делился своей проблемой. Немного позже выяснилось, что невеста всегда казалась ему непривлекательной, когда у него возникали подозрения, что она сексуально возбуждена им.

Пациент представляет типичный случай обсессивной личности с ярко выраженным формированием реакции на агрессию в виде стойкой сверхвежливости и педантичности в самовыражении. Он занимал высокую должность в местном университете, но испытывал некоторые затруднения в работе из-за своей застенчивости и робости перед старшими коллегами. Кроме того, он испытывал чувство небезопасности в отношениях со студентами, которые, как ему казалось, втайне посмеивались над его “корректной и консервативной” манерой.

По словам пациента, всем в доме заправляла его деспотичная, ворчливая мать с помощью “женской армии” (нескольких старших и младших сестер). Его отец был нервным, вспыльчивым человеком, но подчиненным жене. На протяжении всего детства у пациента было чувство, что он живет в доме, наполненном женщинами, их секретами, местами, куда ему не позволялось входить, ящиками, которые не позволялось открывать, разговорами, которые ему запрещалось слушать. Он воспитывался в чрезвычайно религиозной атмосфере, где все, связанное с сексом, считалось грязным. Он вспоминает, что в детстве мать шпионила за ним во время его сексуальных игр с подругами младшей сестры, а затем сурово наказывала его.

Пациент очень гордился своей “моральной чистотой” и был совершенно ошеломлен, когда я не оценил “как моральные подвиги” тот факт, что у него за всю жизнь не было ни одного полового акта и он ни разу не чувствовал сексуального возбуждения к женщинам, в которых “влюблялся”. Позже он признал, что в юношеском возрасте некоторые женщины возбуждали его сексуально и, как правило, это были женщины более низкого социального-экономического статуса. Он идеализировал и полностью десексуализировал женщин, принадлежащих к его социальной группе. Никаких симптомов, по его словам, не наблюдалось до тех пор, пока он не стал встречаться со своей невестой (за два года до обращения в консультацию) и пока не появились навязчивые сомнения по поводу ее привлекательности или воспитанности, когда, как он считал, она склоняла его к интимным отношениям, например, целуя или лаская.

В переносе его обсессивно-компульсивный перфекционизм поначалу сильно мешал свободным ассоциациям и был основной темой работы в течение первых двух лет анализа. За его перфекционистским подчинением психоаналитику лежала бессознательная издевка над ним, якобы могущественным, а на самом деле слабым и бессильным, — бессознательная реакция, схожая с той, которую он испытывал по отношению к своим старшим коллегам и проецировал на студентов (которых он подозревал в издевательствах над собой). Реакция неповиновения и вызова отцу постепенно начала проявляться в переносе и приняла специфическую форму крайней подозрительности — пациент считал, что я хочу нанести вред его сексуальной морали (такое отношение распространялось на всех психоаналитиков).

Позже у пациента возникло подозрение, что аналитик “работает” на его невесту, желая принудить его броситься в ее объятия: он советовался со многими священниками по поводу опасности, которую может представлять психоанализ для его сексуальной морали и чистых отношений с невестой. Таким образом, пациент видел в аналитике повторение образа отца в отношениях с матерью, на первый взгляд контролирующего, а на самом же деле подчиненного (аналитик как состоящий в сговоре с невестой). Затем пациент стал все больше воспринимать аналитика как мать — то есть как шпиониющего за ним и только притворяющегося терпимым к его сексуальным проявлениям лишь для того, чтобы дать ему выплеснуть сексуальные чувства, а затем наказать его. В течение второго

и третьего года анализа доминирующую роль приобрел этот материнский перенос и те же конфликты прослеживались в его отношениях с невестой и в отношении к женщинам вообще — как матерям, грозящим опасностью, которые издеваются над молодыми людьми и провоцируют их сексуальные проявления, чтобы затем отомстить им.

Эта трансферентная парадигма, в свою очередь, переместилась на более глубокий уровень, и на авансцену вышло сексуальное возбуждение по отношению к сестрам и особенно к матери, с сильно подавленным чувством страха перед мстительным отцом. Восприятие матери в качестве врага выступало замещением еще более пугающего восприятия враждебного отца.

Сплетение таких черт, как аккуратность, вежливость и чрезмерная забота о чистоте, заняло центральное место в аналитической работе. Оказалось, что подобные черты представляют собой реактивное образование против сексуальных чувств любого характера; кроме того, они выражают молчаливый неотступный протест против “волнующей” и чрезмерно властной матери. И, наконец, эти черты отражают его стремление быть аккуратеньким маленьким мальчиком, который получит любовь отца за счет отказа конкурировать с ним и с мужчинами вообще.

На четвертый год психоаналитической работы пациент впервые начал проявлять чувство эротического желания по отношению к своей невесте. Раньше, когда он находил ее привлекательной, она предстала перед ним в образе идеальной, невинной, недоступной женщины — как противоположная составляющая образа матери, сексуально возбуждающей, но отталкивающей. В течение пятого и последнего года анализа у пациента начались сексуальные отношения с невестой и после периода преждевременной эякуляции (что было связано со страхом повредить гениталии во влагалище и реактивизацией паранояльных страхов перед аналитиком, который предстал в собирательном мстительном образе отец-мать) его потенция нормализовалась. И только на этом этапе пациент обратил внимание на свою постоянную навязчивую потребность в частом мытье рук: лишь когда он вступил в сексуальные отношения с невестой, этот симптом исчез. И именно этот эпизод мне хотелось бы рассмотреть подробнее.

Пациент обычно встречался со своей невестой по утрам в воскресные дни, затем они шли в церковь, где собирались его родители и другие члены семьи. Позже они перестали ходить в церковь

и стали встречаться и проводить воскресное утро в его офисе, а не в квартире, находившейся неподалеку от родительской. Однажды воскресным утром пациент первый раз в жизни произвел куннилинг, испытав при этом возбуждение. Он изумился, что таким способом его невеста достигла оргазма. На него произвело глубокое впечатление, что она может быть так свободна и открыта с ним. Он осознал, как мрачно все женщины (мать) относились к сексу и сколько запретов было с этим связано. Ему также было радостно осознавать, что тепло, влажность, запах, вкус тела и гениталий его невесты скорее возбуждали его, чем отталкивали, а чувства стыда и отвращения трансформировались в сексуальное возбуждение и чувство удовольствия. Он был немало удивлен, что во время коитуса не произошло преждевременной эякуляции, и связал этот факт с тем, что чувство гнева и обиды на нее как на женщину по крайней мере на какое-то время покинуло его.

В последующие недели он осознал, что, оставаясь в офисе и занимаясь сексом со своей невестой, он выражал протест против отца и матери и тех аспектов своих религиозных убеждений, которые представляли собой рационализацию давлений Супер-Эго. В подростковом возрасте у этого пациента была фантазия, что Иисус постоянно наблюдает за ним, особенно в те моменты, когда он тайком подсматривал, как раздевались подруги его сестер. Произошли разительные перемены во взглядах пациента на фигуру Иисуса: теперь он считал, что Иисус озабочен не тем, чтобы следить за “хорошим поведением” людей в сексуальных проявлениях, а поиском любви и человеческого понимания.

Пациент также понял, что восприятие тех сторон его невесты, которые порой казались ему отвратительными, пришло из детства и ассоциировалось с теми моментами, когда мать испытывала сексуальное возбуждение к отцу. Теперь это не имело значения, он открыл другие черты своей невесты, сходные с чертами матери, такие как ее культурный уровень, происхождение и социальное положение. Когда невеста напевала песенки, популярные на родине матери, он бывал глубоко тронут: они как бы возвращали его в детство, давали ему возможность прикоснуться не к матери как к человеку, а к тому, откуда она произошла. У него было чувство, что, достигнув такой полноты отношений со своей невестой, он достиг также новой связи со своим прошлым — прошлым, которое он всегда отвергал, что было частью подавленного протеста против родителей.

Зависть к пенису всегда может быть прослежена до первоначальной зависти к матери (в основном к груди матери как олицетворению способности давать жизнь и вскармливать, символизирующей первый хороший объект). Этот важнейший источник — бессознательная зависть к матери — постепенно сменяется завистью к отцовскому пенису, а затем подкрепляется агрессивными компонентами эдиповых конфликтов (особенно смещение агрессии с матери на отца). За завистью к пенису мы часто обнаруживаем обесценивание женщиной своих собственных гениталий, представляющее собой сочетание первичного подавления вагинальной гениальности в бессознательных отношениях между матерью и дочерью, культурно одобряемых и закрепляемых инфантильных фантазий мужского превосходства и косвенного влияния бессознательной вины за позитивное отношение к отцовскому пенису.

Женщина с сильно выраженными мазохистскими тенденциями обратилась ко мне за консультацией по поводу сексуальных запретов, которые она могла преодолеть только при сексуальных контактах с мужчинами, унижающими ее. В течение первых двух лет анализ сконцентрировался вокруг ее потребности в самозащите в отношениях с мужчинами и с аналитиком, связанной с чувством глубокой бессознательной вины относительно своих сексуальных проявлений и желаний, представляющих эдиповы стремления.

На третий год работы ее желание заставить аналитика — и мужчин вообще — испытывать необходимость в ней подверглось постепенному изменению: на поверхность всплыли ее детские мечты о доверительных отношениях с мачехой, женщиной холодной и отвергающей ее. Она сосредоточила свое внимание на отце в поисках сексуальной любви, которая была бы заменой недополученного орального удовлетворения от матери. Идеализация родной матери, умершей в то время, когда пациентка находилась в середине эдипова периода развития, теперь оказалась реакцией защиты не только против эдиповой вины, но и против ранней орально детерминированной ненависти к ней.

Аналитик теперь виделся материнской фигурой, холодной и отталкивающей ее. У пациентки появилась сильная потребность в том, чтобы он защищал, обнимал и любил ее как хорошая мать, которая отгонит прочь все ее страхи, связанные с плохой матерью. У нее были сексуальные фантазии о том, что она совершает фелляцию (это имело отношение к чувству, что мужской оргазм символически представляет одаривание любовью и молоком, защитой и пита-

нием). Теперь в фокус лечения попало ее отчаянное цепляние за мужчин и ее фригидность как выражение этих оральных стремлений к мужчинам, ее мстительное желание контролировать и поглотить их и страх перед возможностью ощутить полное сексуальное удовлетворение, поскольку это означало бы полную зависимость, а потому полную фрустрацию жестокими “материнскими” мужчинами.

Именно на этом этапе анализа пациентка в первый раз обрела способность установить отношения с мужчиной, который казался наиболее подходящим объектом любви по сравнению с теми, кого она выбирала раньше. (Спустя некоторое время после завершения анализа она вышла за него замуж.) Поскольку то, что она оказалась способной достичь полноценного сексуального удовлетворения с этим человеком, обозначило существенные изменения в отношениях с ним, с аналитиком, с ее семьей и с общими представлениями о жизни, я хотел бы более подробно остановиться на этом эпизоде.

В процессе психоаналитической работы у пациентки раскрылись способности регулярного достижения оргазма с этим мужчиной. К ее удивлению, после достижения полного оргазма первое время она плакала, испытывая смущение и одновременно облегчение. Она чувствовала бесконечную благодарность за то, что он подарил ей свою любовь и свой пенис: она была благодарна ему за то, что могла так полноценно наслаждаться его пенисом, и однажды во время копуляции представила, что она обнимает пенис огромных размеров, обвиваясь вокруг него с чувством опьянения и ощущением, что кружится вокруг центра вселенной. Она чувствовала, что его пенис принадлежит ей, что она действительно могла доверять тому, что он и его пенис принадлежат ей.

В то же время она больше не испытывала зависти, что у него есть пенис, а у нее нет. Когда он разлучался с ней, она могла спокойно перенести это, так как то, что он давал ей, стало частью ее внутренней жизни. Этот новый опыт — нечто такое, что принадлежало только ей и что никто не мог отобрать. Она одновременно ощущала чувство благодарности и вины за любовь, которую ей подарил этот человек, в то время как она была такой завистливой и подозрительной к нему и такой упрямой, не позволяя себе полностью принадлежать ему, боясь его воображаемой “победы” над ней как женщиной. Она чувствовала, что могла открыться, чтобы получать удовольствие от того, что давало ей ее тело, гениталии, несмотря на внутренние запреты, происходящие от ее матери и

мачехи. Она освободилась от страха возбудиться от прикосновения взрослого мужчины, который обращался с ней как со взрослой женщиной (таким образом было преодолено эдипово табу).

Ей также было радостно ощущать, что она может свободно обнажить свое тело перед этим человеком и не опасаться, что ее гениталии покажутся ему безобразными и неприятными на вкус. Она, например, могла смело сказать ему: “Если существует неземное наслаждение, то не могу представить себе, что может быть более неземным”, — имея в виду их сексуальные отношения. Она была способна наслаждаться его телом, возбуждаться, играя с его пенисом, который больше не был ненавидимым инструментом мужского превосходства над женщинами. Теперь она могла чувствовать себя не хуже других женщин. Не было больше необходимости завидовать интимной жизни других, потому что у нее были собственные интимные отношения с мужчиной, которого она любила. И, кроме того, осознание своей способности получать совместное наслаждение от секса и уверенность, что она получает его любовь и отдает взамен свою — испытывая при этом благодарность и не боясь открыто выражать свою потребность в нем — проявлялись в слезах после ощущения оргазма.

Ключевым аспектом в этом случае является преодоление зависимости к пенису: ее оральные корни (зависть к дающей матери и дающему пенису и страх невыносимой зависимости от них) и генитальные корни (детская убежденность в превосходстве мужской сексуальности и мужчин) — были проработаны в контексте цельных объектных отношений, в которых чувство вины за агрессию по отношению к объекту, чувство благодарности за получаемую любовь и потребность искупить вину, давая любовь, испытывались и выражались вместе.

6. АГРЕССИЯ, ЛЮБОВЬ И ПАРЫ

В предыдущей главе был рассмотрен вопрос о том, каким образом сексуальное возбуждение ставит агрессию на службу любви. В этой части мне хотелось бы коснуться того, какую роль в эмоциональных взаимоотношениях пары играет взаимодействие любви и агрессии.

Вместе с близостью сексуальной приходит и близость эмоциональная, а эмоциональная близость несет в себе неизбежную амбивалентность эдиповых и доэдиповых отношений. Проще говоря, амбивалентное отношение мужчины к возбуждающей и фрустрирующей матери (начиная с раннего детства), его подозрительность в отношении дразнящей и не дающей природы материнской сексуальности наносят вред формированию эротической привязанности, идеализации и доверию к женщине, которую он любит. Его бессознательное эдипово чувство вины и чувство неполноценности по сравнению с идеализируемой эдиповой матерью может обернуться подавлением сексуальности или нетерпимостью к женщине, которая становится сексуально свободной и по отношению к которой он может больше не чувствовать себя защищенным. Такое формирование может навсегда сохранить дихотомию между эротизированными и десексуализированными идеализируемыми отношениями к женщинам — дихотомию, типичную для мальчиков в раннем подростковом возрасте. В случаях патологии, особенно у мужчин с нарциссическими расстройствами, бессознательная зависть к матери и потребность отомстить ей может привести к катастрофическому бессознательному обесцениванию женщины как желаемого сексуального объекта с последующим охлаждением в отношениях и разрывом.

Если у женщины в раннем детстве не было удовлетворительных отношений с матерью, которая могла бы переносить сексуальность дочери, то бессознательное ощущение враждебности и отвержения матери, препятствовавшей раннему развитию телесной чувственности, а позднее ее любви к отцу, может привести к усиленному бессознательному чувству вины в сексуальной близости с мужчиной,

к которому она испытывает сильные чувства. При таких обстоятельствах нормальная смена объекта с матери на отца бессознательно искажена и ее отношения с мужчинами превращаются в садомазохистские. Если раскрывается нарциссическая структура личности, девочка может выражать свою сильную бессознательную зависть к мужчинам путем защитного обесценивания мужчин, которые любят ее, эмоциональной отстраненности и, возможно, нарциссически детерминированного промискуитета, что справедливо и для нарциссических мужчин. Чувство недоступного, садистического, сексуально отвергающего или соблазняющего и дразнящего эдипова отца может усилить эти ранние конфликты и их влияние на любовную жизнь женщины.

Зная о частоте встречающихся тяжелых случаев бессознательного эдипова чувства вины и нарциссических защит, формирующихся на основе эдиповых и доэдиповых конфликтов, мы можем задать вопрос о факторах, отвечающих за формирование и поддержание благоприятных отношений между мужчиной и женщиной. Существует два стандартных и традиционных ответа на этот вопрос. Согласно первому, это социальные нормы, оберегающие супружеские отношения и — до недавнего времени — культурные и социальные структуры, которые сейчас, кажется, претерпевают период распада, отчего институт супружества находится под угрозой. Согласно второму, “зрелая” любовь подразумевает дружбу и сотрудничество, которые постепенно приходят на смену страстной, романтической любви и служат гарантией продолжительных и стабильных отношений пары.

С психоаналитической точки зрения, желание объединиться в пару и таким образом реализовать глубокие бессознательные потребности в идентификации в любви с родителями и их ролями в сексуальных отношениях играет не меньшую роль, чем агрессивные силы, которые стремятся подорвать интимные отношения. То, что разрушает страстную привязанность и оборачивается чувством заточения (несвободы) и “сексуальной скукой”, является активацией агрессии, угрожающей хрупкому равновесию между садомазохизмом и любовью в отношениях пары — как сексуальному, так и эмоциональному.

Но еще большего внимания заслуживает динамика развития эмоциональных интимных отношений. Бессознательное желание исправить доминирующие патогенные отношения прошлого и со-

блазн воспроизвести их для воплощения нереализованных агрессивных и мстительных потребностей имеет результатом проигрывание их в отношениях с любимым объектом. С помощью проективной идентификации каждый партнер стремится вызвать в другом особенности прошлого эдипова и/или доэдипова объекта, с которым они находились в конфликте. Проективная идентификация — примитивный и все же наиболее распространенный защитный механизм, заключающийся в тенденции проецировать импульсы на другого человека, страх по отношению к нему, вызванный этими спроецированными импульсами, бессознательная тенденция вызывать такие импульсы в другом и необходимость контролировать другого человека под влиянием этого механизма. Если ранние конфликты вокруг агрессии были тяжелыми, то увеличивается вероятность воспроизведения примитивных фантазийно-собираательных образов мать-отец, которые имеют мало сходства с настоящими чертами родительских объектов.

Равновесие бессознательно устанавливается с помощью того, что партнеры дополняют доминирующие патогенные объектные отношения из прошлого друг друга, и это скрепляет отношения новыми непредсказуемыми способами. Мы, например, находим, что пары в их интимных отношениях взаимодействуют многими, несколько “сумасшедшими”, способами. Это “личное конфиденциальное безумие” (“private madness” по терминологии Андрэ Грина, 1968) может быть как фрустрирующим, так и возбуждающим, поскольку происходит в контексте отношений, которые могут быть также наиболее возбуждающими, удовлетворяющими и воплощающими то, о чем оба партнера только могут мечтать. Стороннему наблюдателю может показаться, что пара ведет себя странным образом, совершенно отличным от их обычного поведения, что, однако, часто имело место в прошлом. Например, когда доминирующий муж заболел гриппом и ему потребовался уход, он и его подчиненная жена поменялись местами и превратились в хныкающего маленького мальчика и язвительную учительницу. Или тактичная эмпатичная жена при прямолинейном и агрессивном муже может превратиться в параноидальную и недовольную всем, а он — в ободряющего, по-матерински нежного и заботливого, когда она чувствует себя третируемой третьей стороной. Или периодическое швыряние посудой может время от времени прерывать спокойную гармоничную жизнь семьи. Такой “союз в безумии” обычно пре-

рывается более нормальными и удовлетворяющими аспектами отношений пары в сексуальной, эмоциональной, интеллектуальной и культурной сферах. Фактически, способность к прерывности отношений играет важную роль в их поддержании.

Прерывность отношений

Способность к прерывности отношений, описанная Брауншвейгом и Фейном (1971, 1973), а также Андрэ Грином (1986, 1993), имеет корни в прерывистости отношений между матерью и младенцем. Согласно Брауншвейгу и Фейну, когда мать возвращается к отцу в качестве сексуального партнера, становясь недоступной для ребенка, он в конце концов осознает этот факт. В идеале женщина должна легко и быстро менять две роли: быть нежной, тонко эротичной и любящей мамой для ребенка и эротичным, сексуальным партнером для мужа. И ребенок бессознательно идентифицируется с ней в обеих ролях. Прерывность в общении с матерью является самым ранним источником фрустрации и желания, стремления у ребенка. Также через идентификацию с матерью возникает способность младенца и ребенка к прерывистости его близких отношений. Согласно Брауншвейгу и Фейну, аутоэротизм младенца проистекает из повторяющейся смены удовлетворения фрустрацией в его или ее желании слиться с матерью: мастурбация может представлять собой объектные отношения до того, как она станет защитой против таких отношений.

Андрэ Грин рассматривает эту прерывность в качестве основной характеристики человеческого функционирования как в норме, так и в патологии. Прерывистость в любовных отношениях, предполагает он, предохраняет отношения от опасного слияния, в котором агрессия стала бы преобладающей. Эта способность к прерывности отношений проигрывается мужчинами: отделение от женщины после сексуального удовлетворения представляет утверждение автономии (в основном, нормальная нарциссическая реакция на уход матери) и обычно неправильно понимается — по большей части женщинами. Это нашло отражение в культурном клише, что у мужчин меньше способностей, чем у женщин, для установления отношений с зависимостью. У женщин такое прерывание обычно реализуется во взаимодействии с младенцами, включая эротический фактор такого взаимодействия. В результате у мужчин возникает

ощущение брошенности: бытует мнение — теперь уже среди мужчин — о несовместимости материнских функций и гетеросексуального эротизма у женщин.

Как указывает Альберони (1987), разница между мужчинами и женщинами в их способности выносить прерывистость также иллюстрируется их способами разрыва любовных отношений: женщины обычно прекращают сексуальные отношения с мужчиной, которого они больше не любят, и устанавливают строгую границу между старой любовью и новой. Мужчины же обычно могут продолжать сексуальные отношения с женщиной, даже если их эмоциональная привязанность сосредоточена на ком-либо еще. Таким образом, они обладают большей способностью выносить разрыв между эмоциональными и эротическими отношениями и по-прежнему испытывать эротическую привязанность к женщине в реальности и фантазиях в течение многих лет, даже при отсутствии реальных отношений с ней.

Разрыв между эротическим отношением и нежностью к женщинам у мужчин отражается в дихотомии “мадонна-проститутка”, это их наиболее типичная защита против непрекращающихся бессознательных, запретных и желаемых эдиповых отношений с матерью. Но помимо такой диссоциации глубинные доэдиповы конфликты с матерью всплывают на поверхность в первозданном виде в отношениях мужчины с женщиной, мешая развитию способности быть глубоко преданным ей. Для женщин, которые уже один раз сместили преданность с матери на отца в раннем детстве, проблемой является не неспособность посвятить себя зависимым отношениям с женщиной, а скорее неспособность вынести и принять свою собственную сексуальную свободу в отношениях. В противоположность мужскому представлению о фаллической генитальности, существующему с раннего детства и развивающемуся в контексте бессознательной эротизации в диаде мать-ребенок, женщинам приходится вновь открывать первоначальную вагинальную сексуальность, бессознательно подавляемую в отношениях мать-дочь. Можно сказать, что мужчины и женщины вынуждены постоянно обучаться, чтобы быть готовыми установить любовные взаимоотношения; для мужчин это развитие доверительных отношений, для женщин — достижение сексуальной свободы. Очевидно, существуют важные исключения из этого пути развития, такие как патология нарциссизма у женщин и тяжелая форма комплекса кастрации любого происхождения у мужчин.

Прерывность в любовных отношениях также усиливается взаимной проекцией диктата Супер-Эго. Проецирование на сексуального партнера садистических аспектов инфантильного и/или эдипова Супер-Эго может привести к мазохистскому подчинению и нереалистичным, садомазохистским искажениям в отношениях, но также и к протесту против проецируемого Супер-Эго, особенно с помощью временных разъединений, характеризующих нормальную прерывистость в любовных отношениях. Яростное отвержение или нападки на объект, которому приписывается виновность, может привести к временному освобождению от проецируемого, садистического Супер-Эго. Такое освобождение, как ни парадоксально, позволяет восстановить любовные отношения.

Центральная функция прерывности объясняет, почему некоторые пары способны к прочным и продолжительным совместным отношениям вопреки или благодаря отыгрыванию агрессии и насилия в их любовной жизни. Если грубо классифицировать неорганическую психопатологию как невротическую, пограничную, нарциссическую и психотическую категории, то партнеры, подпадающие под эти категории патологии, могут устанавливать различную степень равновесия, стабилизирующую их взаимоотношения и позволяющую им отыгрывать свой “сумасшедший мир”, контейнированный защитной прерывностью. К примеру, мужчину-невротика с Obsessive-Compulsive личностной организацией, который женился на женщине с пограничным уровнем нарушений, может приводить в бессознательный восторг ее бурное свободное выражение сильных агрессивных реакций. Она защищается от реальных и тяжелых последствий такого неистового самовыражения с помощью отгораживания и рассматривает это как нечто вполне естественное в супружеских отношениях. Ее муж может успокаивать себя тем, что хорошо умеет сдерживать свои эмоции, которые он бессознательно боится выпустить наружу. Но другая пара с аналогичной патологией может разрушиться, поскольку Obsessive-Compulsive мужчина не способен вынести такую “сдержанность”, а пограничная женщина не может выдерживать преследующую природу, как она это переживает, рационального упорства и последовательности своего Obsessive-Compulsive мужа.

За долгие годы совместной жизни интимность пары может либо усилиться, либо нарушиться из-за отыгрывания определенных бессознательных сценариев, что отличается от периодического отыгрывания обычных диссоциированных прошлых бессознательных объек-

тных отношений. Эти специфичные, пугающие и желаемые, бессознательные сценарии постепенно выстраиваются с помощью накопленного эффекта диссоциативного поведения. Такое отыгрывание может со временем стать чрезвычайно деструктивным, порой просто из-за того, что вступают в действие цепные реакции, поглощающие любовные отношения пары помимо их желания и способности противостоять им. Здесь я имею в виду эдиповы сценарии, представляющие собой вторжение в отношения пары исключенной третьей стороны в качестве основной прерывающей силы, а также различные воображаемые близнецовые отношения, выступающие как деструктивный центростремительный поток или отчуждающая сила. Давайте поговорим о подобных взаимоотношениях.

Нарциссические конфликты проявляются не только в бессознательной зависти, обесценивании, избалованности и изолированности, но также в бессознательном желании дополнить себя любимым партнером, относясь к нему как к воображаемому двойнику. Дидье Анзье (1968), продолжая разработку книги Биона (1967), описал бессознательный выбор объекта любви как гомосексуальное и/или гетеросексуальное дополнение себя самого: гомосексуальное дополнение в том смысле, что отношение к гетеросексуальному партнеру строится как отношение к зеркальному образу “Я”. И любая сторона в партнере, не вписывающаяся в эту дополняющую схему, не принимается. Если подобное неприятие включает сексуальный аспект партнера, это может привести к жесткому сексуальному сдерживанию. За такой нетерпимостью к чужой сексуальности скрывается нарциссическая зависть к другому полу. В противоположность этому, если избирается гетеросексуальный двойник, бессознательная фантазия завершенности как объединения двух полов в один может способствовать укреплению отношений. Бела Грюнбергер (1979) впервые обращает внимание на то, что в бессознательных фантазиях нарциссические личности представляют себя двуполыми.

Неоднократно замечалось, что после долгих лет совместной жизни партнеры начинают походить друг на друга даже физически. Наблюдателей часто приводит в изумление, как удалось двум таким похожим людям найти друг друга. Нарциссическое удовлетворение в таких близнецовых отношениях, вступление в супружеские отношения, так сказать, объекта любви с нарциссическим удовлетворением, оберегает пару от активации деструктивной агрессии. При менее благоприятных обстоятельствах такие близнецовые отноше-

ния могут перерасти в то, что Анзье (1968) называл “оболочкой” (кожей) пары — требования полной и постоянной интимности, поначалу принимаемой за интимность любви и в конце концов превращающейся в интимность ненависти. Постоянные вопросы типа “Ты все еще любишь меня?”, отражающие потребность в сохранении общей кожи, противостоят утверждению “Ты всегда со мной так поступаешь!”, которое является сигналом качественных перемен и означает переход отношений под общей кожей от любви к пресыщению. Только мнение другого человека действительно может дать безопасность и душевное здоровье, и это мнение может сместиться с непрерывного потока любви в точно такой же непрерывный поток ненависти.

Бессознательно проигрываемые перспективные сценарии могут запускать фантазии, в которых исполняются желания, включающие чувство бессознательной вины, отчаянный поиск выхода из ужасных, бесконечно повторяющихся травматических ситуаций и случайное вмешательство цепной реакции, разрушающей самый ход сценария. Например, женщина истерического склада, с эдиповой фиксацией на идеализируемом отце и сильным подавлением сексуального влечения к нему, выходит замуж за человека с нарциссической личностной структурой и сильным бессознательным чувством обиды на женщин. Его выбор жены произошел по типу гетеросексуального близнеца, с бессознательным расчетом на полное подчинение с ее стороны и потакание его нарциссическим тенденциям. Ее сексуальная подавленность препятствовала его нарциссическим тенденциям и побудила его искать сексуальных связей на стороне; ее разочарование в эдиповом отце поначалу привело к бесплодному мазохистскому подчинению мужу, а позднее к мазохистскому сексуальному удовлетворению от любовной связи с запретным мужчиной. Это заставило оставленного в стороне мужа осознать, насколько сильно он зависит от нее, и отказаться от прежнего обращения с ней как с рабыней. Ее же сексуальность, пробудившаяся и раскрывшаяся в полной мере в процессе угрожающих, но бессознательно разрешенных отношений (поскольку они носили внебрачный характер), послужила причиной принятия собственной генитальной природы сексуальности. Муж и жена посмотрели на свои отношения по-новому, с учетом лучшего понимания потребностей друг друга.

Надо признать, что и муж, и жена прошли курс психоанализа и, возможно, без соответствующего лечения не смогли бы наладить

своих отношений. Муж испытывал бессознательную потребность провоцировать жену играть роль отвергающей его матери, ретроспективно оправдывая свое обесценивание ее и поиск новой идеализируемой женщины. Жена бессознательно желала подтвердить недоступность и предательство отца и заплатить определенную цену за социально опасную ситуацию как необходимое условие сексуальной связи с мужчиной, который не был ее мужем.

Треугольники

Прямые и перевернутые треугольники, которые я описывал в своей ранней работе (1988), составляют наиболее типичные бессознательные сценарии, которые в худшем случае могут привести к распаду пары, а в лучшем — усилить их интимные отношения и привести в них стабильность. Говоря *о прямых треугольниках*, я имею в виду бессознательные фантазии обоих партнеров об исключенной третьей стороне, идеализируемом субъекте определенного пола — сильном сопернике, репродуцирующем эдипова соперника. Каждый мужчина и каждая женщина бессознательно или сознательно опасается присутствия кого-либо, кто мог бы лучше удовлетворить его или ее сексуального партнера; эта третья сторона — источник ревности и эмоционального беспокойства в сексуальных отношениях, сигнализирующий об опасности, которая угрожает целостности (сохранности) пары.

Перевернутый треугольник обозначает компенсирующие мстительные фантазии по отношению к какому-то другому человеку, но не своему партнеру, а идеализируемому представителю другого пола, символизирующему желаемый эдипов объект, и установление, таким образом, “треугольных” отношений, в которых субъект соблазняется двумя представителями другого пола, вместо того чтобы покончить с эдиповым соперником того же пола за идеализируемый эдипов объект другого пола. Я полагаю, что, учитывая эти две универсальные фантазии, потенциально в фантазии существует шесть человек в одной постели: собственно пара, их соответствующие бессознательные эдиповы соперники и их соответствующие эдиповы идеалы. Если эта фраза напомнит фрейдовский ответ Фляйсу: “Я приучил себя к мысли, что в каждом сексуальном акте принимают участие четыре человека”, то следует заметить, что его комментарий был сделан в дискуссии о бисексу-

альности. Моя формулировка возникает в контексте бессознательных фантазий, основанных на эдиповых объектных отношениях и идентификациях.

Одной из форм, которую может принимать агрессия, связанная с эдиповыми конфликтами (в клинической практике и в обыденной жизни), является бессознательное молчаливое согласие обоих партнеров о поиске реального третьего, представляющего собой сгущенный идеал одного и соперника другого. Дело в том, что супружеская неверность — кратковременные и продолжительные отношения любовного треугольника — чаще является бессознательным согласием пары, искушаемой воплотить свои наиболее глубокие стремления. В картину вклинивается гомосексуальная и гетеросексуальная динамика, поскольку бессознательный соперник является также сексуально желаемым объектом в негативном эдиповом конфликте: часто происходит бессознательная идентификация жертвы измены с партнером-изменником в сексуальных фантазиях об отношениях партнера с ненавидимым конкурентом. Если тяжелая нарциссическая патология в одном или обоих членах пары препятствует выражению нормальной ревности — способности, подразумевающей некоторую долю терпимости по отношению к эдипову сопернику, — такие треугольники легко воплощаются.

Пара, способная поддерживать сексуальную близость и защитить себя от вторжения третьих сторон, не только сохраняет общепринятые границы, но также, в своей борьбе с соперниками, утверждает бессознательную удовлетворенность фантазиями об исключенной третьей стороне — эдипов триумф и едва уловимый эдипов бунт одновременно. Фантазии об исключенной третьей стороне являются типичными компонентами нормальных сексуальных отношений. Обратной стороной сексуальной интимности, позволяющей наслаждаться полиморфной перверсивной сексуальностью, является удовольствие от скрытых сексуальных фантазий, которые в сублимированном виде проявляются в агрессии по отношению к объекту любви. Сексуальная интимность, таким образом, представлена еще одним разрывом — разрывом между сексуальными актами, в которых партнеры полностью поглощены и идентифицированы друг с другом, и сексуальными актами, в которых воплощаются скрытые фантастические сценарии, привносящие в отношения неразрешимые противоречия эдиповой ситуации.

На извечные вопросы “Чего хочет женщина?” и “Чего хочет мужчина?” можно ответить, что мужчины хотят видеть женщину

одновременно в нескольких ролях: в качестве матери, маленькой девочки, сестры-близнеца и взрослой сексуальной женщины. Женщины, в силу неизбежности смены первичного объекта, хотят, чтобы мужчина совмещал отцовскую и материнскую роли, и желают видеть в нем отца, маленького мальчика, брата-близнеца и взрослого сексуального мужчину. На различных стадиях как у мужчин, так и у женщин может возникнуть желание поиграть в гомосексуальные отношения или поменяться сексуальными ролями в попытках преодолеть границы между полами, неизбежно ограничивающие нарциссическое удовлетворение в сексуальной интимности — страстное стремление к полному слиянию объекта любви с эдиповыми и доэдиповыми элементами, которое никогда не может воплотиться.

Перверсии и границы

По существу, ощущение границ между полами может быть преодолено только с помощью символического разрушения другого как человека, что позволяет использовать его или ее половые органы как механические инструменты, без эмоциональной включенности. Садист-убийца — крайнее, но логическое выражение попытки проникнуть в другого человека, до самой сути его или ее существования, и стереть все ощущения исключенности из этой сути. При более мягких обстоятельствах порок (стремление заставить любовь служить агрессии) трансформирует сильное сексуальное желание в механический секс. Корни этого лежат в радикальном обесценивании личности другого человека — наблюдение, впервые сделанное Фэйрберном (1954).

Сексуальные перверсии могут быть проиллюстрированы в обстоятельствах, типичных для пар, которые долгое время занимались групповым сексом. При долгом участии (от 6 месяцев до 1 года) в такой полиморфной перверсивной деятельности их способность к сексуальной близости (и, по этой же причине, всякая близость) прекращается (Бартель, 1971). При таких обстоятельствах эдипова структура может быть разрушена. Это в значительной степени отличается от стабилизирующего воздействия на пары реальных отношений любовного треугольника. Достигается равновесие, позволяющее действовать неинтегрированной агрессии с помощью отщепления любви от агрессии в отношениях с двумя объектами.

Преобладание бессознательного чувства вины над эдиповым триумфом достигается установлением любовных отношений, более чем далеких от удовлетворительных.

В эмоциональном взаимодействии пары могут наблюдаться соответствующие перверсии при длительных садомазохистских отношениях, когда один из партнеров выполняет функции жестокого Супер-Эго и удовлетворяет садистские наклонности, самодовольно унижая другого, в то время как партнер мазохистски искушает свою вину, берущую начало в эдиповых, а чаще всего в доэдиповых конфликтах.

Такое перверзивное равновесие может не включать разрешенное Супер-Эго выражение агрессии, а являться воплощением более примитивных садомазохистских сценариев с угрожающими жизни формами агрессии и примитивной идеализации сильного и жестокого объекта без каких бы то ни было моральных установок. Один партнер, к примеру, может согласиться на стерилизацию или даже на реальное истязание или самоистязание в качестве аналога символической кастрации. Примитивные диссоциативные механизмы могут сдерживать перверсии в рамках стабильного равновесия пары, которой удастся достичь чрезвычайной близости при доминирующей роли агрессии.

Активация диссоциативных примитивных объектных отношений во взаимодействии партнеров может создавать замкнутые реакции, приобретающие фиксированное качество, которого может и не быть при обычном разрыве отношений пары. Например, вспышки ярости одного из партнеров могут спровоцировать справедливое негодование и идентификацию с примитивными функциями Супер-Эго. Это приводит к мазохистскому подчинению, провоцирующему его или ее партнера, превращаясь в новый всплеск ярости или моментальное усиление ярости в качестве вторичного механизма защиты от бессознательной вины. Эти реакции могут усиливаться до тех пор, пока такие диссоциативные примитивные объектные отношения не приобретут повторяющийся характер. Этель Персон описала типичную ситуацию, в которой один партнер имел внебрачные отношения и защищался от чувства вины провокационным поведением по отношению к супругу/супруге, для того чтобы вызвать реакцию отвержения у партнера и таким образом смягчить свою вину. Но это может привести к результату, прямо противоположному ожидаемому, — к распаду пары. В конце концов, партнер

может не выдержать неослабевающую агрессию, выступающую в качестве бессознательной просьбы о прощении и в качестве искупления вины, вызываемой этой самой агрессией.

Границы и время

Границы, отделяющие пару от социальной среды, к счастью или к несчастью, поддерживают равновесие этой пары. Чрезвычайная социальная изолированность пар, имеющих перверзивные элементы в сексуальной, эмоциональной сферах и/или в сферах Супер-Эго, может привести к постепенному ухудшению подобных пагубных взаимоотношений из-за отсутствия у партнеров правильного взаимодействия с окружающей средой и потери способности к нормальному “метаболизму” агрессии, накапливающейся в их социальных взаимодействиях. Социальная изоляция пар с ярко выраженными садомазохистскими чертами может обернуться угрозой мазохистическому партнеру. Позитивной стороной здесь является то, что при нормальных обстоятельствах границы предохраняют не только близкие отношения пары от образования любовного треугольника, который может появиться от соприкосновения с социальной средой, но и “охраняют” их “личное безумие” — т.е. при вынужденном разрыве в отношениях пары не появится посторонний объект.

Некие общие границы пары приобретают особую значимость на различных стадиях семейной жизни. Прежде всего, это отношения с детьми — тема, слишком обширная и сложная для подробного рассмотрения в данном случае; мы рассмотрим важность установления границ, разделяющих поколения. Одним из повсеместных проявлений бессознательного чувства вины за скрытое неповиновение и проявления дерзости при любых близких отношениях (представляющих собой завершенный эдипов комплекс) может быть то, что пара не осмеливается установить четкие границы близости в своих отношениях с детьми. Ставшая притчей во языцех незапертая дверь в спальню родителей может символизировать бессознательное чувство вины родителей за то, что из-за их сексуальной близости родительские функции подменяются сексуальными отношениями. Эти регрессивные тенденции, проецируемые на детей, отражают опасения по поводу реакции детей на то, что они исключены из одного из моментов родительской жизни (отношений родителей в

спальне), их страх за то, что дети будут идентифицировать себя с родителями, а также бессознательное согласие родителей отказаться от полной идентификации с их собственными родителями.

Другой границей являются отношения между парами в обычной социальной жизни. Отношения с другими парами обычно пронизаны эротизмом; среди друзей и их половин присутствуют опасные соперники, желаемые и запрещенные сексуальные объекты. Мучительно волнующие и запретные границы между парами — типичная обстановка, в которой разыгрываются прямые и перевернутые “треугольные” связи.

Границы между парой и группой — это всегда поле боя. “Позиционная” война заключается в давлении группы на пару в попытке изменить ее форму и находит свое отражение в традиционной морали: в идеологической и теологической ритуализации любви, помолвки, супружества и семейных традиций. С этой точки зрения пара, формирующаяся с детства и воспитывающаяся совместно их родственниками, окруженная атмосферой всеобщей доброжелательности, фактически живет в символической тюрьме, даже несмотря на то, что пара может уединиться для тайных любовных отношений. Обоюдные соблазны и обольщения у более взрослых пар представляют собой более динамичную войну, но временами являются потенциальным спасением для индивидов и пар, попавших в ловушку отношений, погрязших в затаенных обидах и взаимной агрессии.

Группа нуждается в паре для собственного выживания, для обретения уверенности в том, что можно вырваться из безликой толпы и преодолеть эдипов комплекс. Группа завидует успехам пары, поскольку партнеры сильно контрастируют с индивидуальным одиночеством в безликой толпе. Пара, в свою очередь, нуждается в группе для выброса агрессии в окружающую среду. Проецируемая идентификация действует не только в пределах пары, но и неуловимым образом затрагивает третью и четвертую стороны (посторонние стороны, пары). Либерман (1956) описал, каким образом горькие излияния пациента аналитику о своем партнере могут быть частью тонкой игры. Аналитик становится своеобразным хранилищем агрессии, направленной на партнера, а пациент удаляется в “спасенные” отношения с партнером, в свою очередь, отказываясь от отношений с аналитиком.

Это частный пример более общего феномена “аналитика-ассенизатора”, описанного Гербертом Розенфельдом (1964). Близкие

друзья пары могут выполнять подобную функцию, зачастую даже не подозревая, что стали носителями агрессии, которая в противном случае могла бы разрушить отношения пары.

Пара, представляющаяся благополучной, может вызвать сильную зависть со стороны неформальных социальных групп, к которым они принадлежат: например, больших туристических групп, политических партий, профессиональных организаций или творческих объединений. Зависть, которая обычно контролируется с помощью разумных и благоприобретенных навыков общения с людьми, немедленно выявляется в таких группах. Пары, ощущающие зависть со стороны других, могут проявлять свои отношения на публике в форме взаимных нападок, дабы смягчить зависть группы; или публично демонстрировать образцовые отношения, в то время как обоюдная агрессия остается скрытой от посторонних глаз. Иногда партнерам удается скрыть от общества свои истинные взаимоотношения.

Третья граница представлена рамками времени, в пределах которых пара живет и развивается. Время также имеет ограничительную природу, поскольку наступает неизбежная смерть и расставание. К закату жизни важной проблемой для пары становится приближающаяся смерть. Страх перед старением и болезнями, опасения стать непривлекательным для партнера, чрезвычайно зависимым от другого, покинутым, а также бессознательное желание отрешиться от реального времени — например, безрассудное пренебрежение своим здоровьем или здоровьем партнера — может послужить полем для проявления различных видов агрессии. Здесь забота и взаимная ответственность, идущая от функций Эго и Супер-Эго, могут играть главную роль в выживании пары, в противоположность бессознательному сговору с опасным саморазрушением партнеров, проявляющемуся в пренебрежении к болезням или в финансовой безответственности.

Мужчины бывают особенно чувствительны к старению женщин, поскольку они бессознательно связывают идеализацию поверхности тела матери как первоисточник эротизма и страх перед внутренностью материнского тела как выражение бессознательной проекции на нее примитивных агрессивных тенденций (Мельтцер и Вильямс, 1988). Такая чувствительность может сексуально сдерживать мужчин (в том числе из страха стать сексуально менее привлекательными, подобно женщинам) на более поздних стадиях семейной жизни, когда оживают или усиливаются эдиповы запреты на

сексуальность. Наличие сексуальной близости пары на более поздних стадиях жизни — последний экзамен на проявление сексуальной свободы. Общее отрицание сексуальной жизни в пожилом возрасте — последняя версия попытки детей отрицать сексуальность родителей; так же, как и последнее выражение родительского чувства вины, связанного с их собственной сексуальностью. Забота о любимом спутнике жизни может стать чрезвычайно важным связующим звеном, контролирующим проявления диссоциированной агрессии пары.

Изменения в степени власти и авторитета, обусловленные переменами в престиже пары, доходах и других сферах, связанных с профессиональной деятельностью и работой, не только влияют на эмоциональный баланс, но, как ни парадоксально, часто представляют собой непредвиденные последствия бессознательно детерминированных факторов. Классическим примером является случай с медсестрой, которая помогала своему мужу учиться в медицинской школе, удовлетворяя таким образом свою потребность в материнской опеке и его потребность в заботе. Став впоследствии известным врачом-физиологом, он почувствовал себя обиженным подобной материнской опекой и начал искать отношений, в которых он играл бы отца для молоденькой девочки-любовницы. Его жена с трудом сдерживала чувство обиды от потери роли заботливой матери и затаенное чувство обиды по отношению к властным мужчинам (зависть к пенису), активированное его профессиональными успехами.

Или другой пример: нарциссический мужчина вступает в отношения с очаровательной, но простоватой и бесхитростной девушкой, побуждает ее к учебе и работе в надежде на то, что в дальнейшем она сможет стать его нарциссическим двойником, — и все это только для того, чтобы затем обнаружить, как ее расцвет пробудил в нем глубокое чувство зависти к женщинам и обиду на независимость обожаемой прежде девушки. Впоследствии он ее обесценивает и их отношения распадаются.

Но время не только разрушает. Потребность в воспроизведении прошлых конфликтов для “залечивания ран” (Мартин Бергманн, 1987) может спасти любовные отношения, несмотря на сильную обоюдную агрессию. В попытке сохранить отношения возможно обнажение фантазийной, преувеличенной природы бессознательных страхов, сопровождающих вытесненную или диссоциированную агрессию. Способность с садизмом нападать на партнера и все

же видеть, что его/ее любовь выжила, способность испытывать переход от безудержной ярости и обесценивания к чувству вины, сожаления и желанию возобновить отношения — все это бесценный опыт для отношений пары. Когда сексуальная близость и чувство удовольствия поглощают вытесненные элементы, связанные с подобным осознанием, с чувством вины и заботы, тогда сексуальное возбуждение возрастает, эмоциональная близость увеличивается, а вместе с ними растет и взаимная ответственность за жизнь друг друга.

Эмоциональный рост подразумевает увеличивающуюся идентификацию на всех стадиях жизни, устраняя границы, разделяющие возрастные группы. Приобретенный опыт совместной жизни включает скорбь об умерших родителях, прошедшей юности, ушедших годах, о будущем, которого осталось так мало. Совместная жизнь становится сосудом любви, мощной силой, поддерживающей ежедневное существование перед лицом неминуемого конца.

На более позднем этапе жизни преданность другому означает преданность своему внутреннему миру. Растущее с каждым днем осознание преходящего характера всех отношений перед лицом смерти усиливает значимость внутреннего мира. Отрицание человеческой смерти ограничено осознанием неизбежного конца и, в некотором смысле, конца совместной жизни пары, что пробуждает скорбь, которая по-новому освещает прожитую вместе жизнь и жизнь после смерти любимого человека. Тот, кто выжил, несет ответственность за продолжение жизни, прожитой вместе. Овдовевшая женщина, у которой теперь новый муж, поддерживает старые связи с другими парами, которые соперничали ей в ее скорби.

Патологическая ролевая фиксация

Выше я описал случаи перверсий в любовных отношениях, ведущих к распаду пар из-за доминирующей роли агрессивных паттернов, сдерживающих сексуальное возбуждение, из-за доминирующей роли садомазохистических паттернов, контролирующих эмоциональные отношения, а также из-за доминирующей и контролирующей роли садистических аспектов функций взаимно проецируемого Супер-Эго. Еще одним видом перверсии является фиксация отношений на одном паттерне бессознательных комплементарных объектных отношений прошлого. Обычно прошлые взаимоотношения взаимодействуют с реальными отношениями. Иллюстрацией

типичной гибкости взаимодействия партнеров может служить неосознанная смена мужем роли сексуального и возбуждающего лидера, который символически воплощает любящего и понимающего отца, на роль ребенка, получающего удовольствие от кормления матерью, символически представленной женщиной, подарившей ему свой оргазм. В дальнейшем он может превратиться в ребенка, нуждающегося в матери, кормящей его, укладывающей в постель, но может быстро сменить эту роль на роль отца, заботящегося о дочери, чинящего разбитую лампу, которую она не может (или делает вид, что не может) починить.

Жена также может изменить свою роль взрослого сексуального партнера на роль дочери, о которой заботится мать, или на роль матери, кормящей мальчика-мужчину. Она также может превратиться в маленькую виноватую девочку, соблазненную садистическим отцом, или представить себе во время полового акта, что ее “насилуют”, подтверждая таким образом отсутствие вины за получение сексуального удовольствия; или стыдливо выставлять себя напоказ, искупая таким образом сексуальное удовольствие, получаемое от того, что любящий мужчина восхищается ею.

Или мужчина может сменить роль виноватого маленького мальчика, распекаемого строгой матерью, на ревнивого маленького мальчика, подглядывающего за тайными занятиями взрослых женщин. Или он может испытывать чувство обиды по отношению к женщине, полностью посвятившей себя своей профессии или воспитанию их общего ребенка; при этом он испытывает чувство отверженного ребенка — противоположность скрытому женскому чувству обиды по отношению к профессиональным успехам мужа, воспроизводящему раннюю зависть к мужчинам.

Проигрывание этих и других ролей может быть взаимноприемлемым, поскольку они одновременно включают любовь и ненависть, то есть интеграцию агрессии в рамках любовных отношений. Но эти скрытые роли могут разрушиться, а агрессия может проявиться в бессознательной “фиксации” себя и сексуального партнера на определенных ролях, что приводит к типичным случаям постоянных супружеских конфликтов: зависимая, цепляющаяся, ищущая любви женщина и нарциссический, безразличный, эгоцентричный мужчина; властная, сильная женщина, желающая видеть своим партнером взрослого мужчину и испытывающая фрустрацию из-за его роли ненадежного, инфантильного мальчика-мужчины, неспособного осознать застывший характер их отношений. Или

“голодный” мужчина, неспособный понять ограниченный сексуальный интерес своей жены. Ну и, конечно, виновник и обвинитель во всех возможных вариациях.

Жесткая ролевая фиксация обычно отражает воплощение основных диссоциативных сценариев и неспособность принять или вынести функции непрерывного чувства эдиповой вины или нарциссических фиксаций. Может ли обычное отсутствие гармоничного соответствия неосознанных ролей привести к конфликтам, происходящим из-за противоположных ожиданий (мужчина, пытающийся играть роль заботливого отца вступает в противоречие с конкурирующей матерью; или оба партнера фрустрированы, поскольку каждый ждет заботы от другого)? Клинические данные свидетельствуют о том, что бессознательная тонкая подстройка под характер партнера дает возможность с полной ясностью почувствовать, как один будет восприниматься другим. То, что кажется простым непониманием, обычно определяется бессознательными потребностями.

Предположение о том, что все проблемы пары заключаются в их неспособности общаться, затрагивают только верхушку вопроса. Иногда общение служит для того, чтобы дать выплеснуться едва сдерживаемой агрессии, что отнюдь не означает тщетность попыток общения. Но когда глубокие бессознательные конфликты всплывают на поверхность, процесс общения как таковой может быть испорчен ими, а открытое обсуждение проблем может только обострить конфликты.

В заключение коротко скажу об отношениях пары в системе социальных и культурных ценностей. Дикс (1967) описал сложные взаимосвязи сознательных стремлений пары, их культурные ценности и установки окружающего мира. Я полагаю, что не существует “объективных” правил, по которым должны определяться отношения пары, особенно их способы разрешения конфликтов. Идеологические особенности всех культур, я думаю, косвенно препятствуют близости пары. Это заложено в самом характере традиционной культуры, направленной на сдерживание основных элементов скрытой асоциальности пары, рассматриваемой с точки зрения конвенционного общества. Поэтому независимость пары от социальной традиции может оказаться решающим фактором для ее выживания в условиях конфликтной ситуации, а нешаблонный взгляд партнеров на мир зачастую оказывается существенным при терапевтической работе с ними. Конечно, когда функционирова-

ние диссоциированных объектных отношений из прошлого значительно искажено, что создает угрозу физической или эмоциональной близости одного или обоих партнеров, обычные социальные нормы могут защитить партнеров от опасных для жизни тенденций. Такие обстоятельства, однако, справедливы только для немногих случаев. Существует также множество пар, чьи бессознательные конфликты принимают форму идеологической борьбы и только усложняются по мере того, как общепринятые стандарты поведения сковывают партнеров, не позволяя им разрешить конфликтную ситуацию.

7. ФУНКЦИИ СУПЕР-ЭГО

Описывая вклады либидо и агрессии в сексуальные и эмоциональные взаимоотношения пары, я указывал на критическую роль Супер-Эго. Давайте рассмотрим роль этой инстанции более подробно. Мы видели, каким образом пара становится контейнером сознательных и бессознательных сексуальных фантазий и желаний обоих партнеров и их интернализованных объектных отношений. Мы также проследили, как пара приобретает собственную идентичность в дополнение к идентичностям каждого из партнеров. Я полагаю, что пара представляет собой целостность, активизирующую сознательные и бессознательные функции Супер-Эго обоих партнеров, в результате чего пара со временем формирует собственную систему Супер-Эго, служащую дополнением своих компонентов.

Влияние этой новой системы Супер-Эго на отношения пары зависит от зрелости Супер-Эго каждого партнера. В случае господства примитивной патологии Супер-Эго активизируются элементы садистических предшественников Супер-Эго, что может привести к распаду пары. Зрелость Супер-Эго, выражающаяся в заботе о партнере — и о себе, — защищает объектные отношения пары, благоприятствует развитию любви и преданности, но, поскольку Супер-Эго неизменно включает пережитки эдиповых конфликтов, оно порой несет угрозу способности к сексуальной любви, блокируя или запрещая проявления нежности и сексуальных чувств к одному и тому же объекту. Таким образом, Супер-Эго может укреплять способность к длительной сексуальной любви, но оно же может и разрушать ее. Шафер (1960) прояснил благотворные и враждебные аспекты Супер-Эго по отношению к индивиду; здесь я буду рассматривать эти его стороны по отношению к паре.

Формирование Эго-идеала как подструктуры Супер-Эго является основной предпосылкой развития способности к влюбленности. Идеализация любимого объекта означает проекцию аспектов собственного Эго-идеала — идеала, представляющего собой сублиматорную реализацию эдиповых желаний. Эта проекция характеризуется привязанностью к проецируемому идеалу с сопутствующим

переживанием того, что любимый человек — живое воплощение идеала, предмета глубоких и страстных устремлений во внешней реальности. В этом смысле реальные отношения с любимым человеком на идеальном уровне представляют собой переживание преодоления собственных психических границ, экстатический опыт, который составляет диалектический контраст с обычным повседневным миром и порождает новый жизненный смысл. Романтическая любовь, таким образом, выражает собой глубокую эмоциональную нужду — одну из основных причин соединения людей в пары — и отнюдь не является лишь производной романтизма как культурного идеала.

Как указывала Шассге-Смиржель (1985), проекция Эго-идеала на любимого человека не снижает самооценку, в противоположность первоначальному суждению Фрейда (1914), а повышает ее, поскольку благодаря ей реализуются устремления Эго-идеала. Кроме того, ответная любовь повышает самооценку как часть удовлетворения взаимностью. В этих обстоятельствах любовь к себе и к объекту сливаются воедино — а это решающий элемент сексуальной любви. Неразделенная любовь может иметь различные последствия, зависящие, в частности, от психической уравновешенности индивида. Достаточно гибкий человек может пережить процесс оплакивания без существенных травм; в то время как индивид, невротически фиксированный на изначально недоступном и фрустрирующем объекте, может утратить самоуважение. В принципе, чем выше у индивида предрасположенность к испытанию эдипова поражения и доэдиповой фрустрации (например, фрустрации оральной зависимости), тем более сильными переживаниями собственной неполноценности будет сопровождаться неразделенная любовь.

Я полагаю, что зрелость функций Супер-Эго у обоих партнеров проявляется в способности испытывать ответственность за другого и за пару в целом, в заботе об отношениях и в защите их от последствий неизбежной активизации агрессии в результате столь же неизбежной амбивалентности в близких отношениях.

Одновременно активизируется еще одна функция Супер-Эго, не столь явная, но необычайно важная. Я имею в виду здоровые аспекты Эго-идеалов обоих партнеров, которые вместе создают общую систему ценностей. С годами эта система, которой прежде придерживались бессознательно, становится ясно очерченной, разрабатывается и модифицируется, устанавливая для пары правила “поведения на границе” в ее отношениях с остальным миром. То есть пара формирует собственное Супер-Эго. Именно в контексте

этой совместной системы ценностей возможно творчество пары в процессе разрешения конфликтов. Благодаря неожиданному жесту любви, раскаяния, прощения или юмора агрессия может не выйти за определенные рамки. Терпимость к недостаткам и ограничениям — как чужим, так и своим собственным — незаметно становится интегральной частью отношений.

Важность этой общей для двоих структуры Супер-Эго состоит в заложенной в ней функции “апелляционного суда”, своего рода последней инстанции, к которой может воззвать один из партнеров, когда другой серьезно преступил границы совместно установленной системы ценностей. Нарушение — реальное или желаемое — общей границы служит для пары признаком чрезвычайной угрозы отношениям внутри нее; таким образом, речь идет о важной сигнальной системе, предохраняющей пару от возможного распада.

Если Супер-Эго одного или обоих партнеров нельзя назвать зрелым и устойчивым, проекция вытесненных аспектов инфантильного Супер-Эго может сделать другого партнера особенно подверженным критике с его или ее стороны. Скопление проекций из примитивного Супер-Эго увеличивает вероятность объективной критики. Зрелость Супер-Эго критикуемого партнера позволит ему опротестовать и отразить такую атаку и, таким образом, удержать равновесие пары.

Но при тяжелой патологии Супер-Эго у кого-то из партнеров вместо обычной проекции может использоваться проективная идентификация — защита, протестовать против которой труднее. В результате, если отношения окажутся под властью интроектов садистического Супер-Эго, равновесие в паре может быть разрушено.

При нормальном развитии преэдиповы предшественники Супер-Эго, характеризующиеся примитивной идеализацией и фантазиями преследования, постепенно сглаживаются и нейтрализуются, что, в свою очередь, способствует интернализации идеализируемых и запрещающих аспектов продвинутого эдипова Супер-Эго. Далее интеграция преэдиповых и эдиповых уровней структуры Супер-Эго создает благоприятные условия для консолидации пост-эдипова Супер-Эго с его абстрагированностью, индивидуированностью и деперсонифицированностью (Якобсон, 1964).

Одним из сложных аффектов, развивающихся в результате этих процессов, является чувство благодарности. Благодарность — это также одно из средств развития и поддержания любви. Способность к переживанию благодарности, вклад в которую вносят и Эго, и Супер-Эго, является основополагающим фактором реципрокно-

ти в человеческих отношениях; она берет истоки в удовольствии, которое испытывает младенец, вновь обнаруживая во внешней реальности образ удовлетворяющего заботящегося объекта (Кляйн, 1957). Появлению толерантности к амбивалентности, свидетельствующему о переходе от фазы сепарации-индивидуации к фазе постоянства объекта, сопутствует возрастание способности испытывать благодарность. Достижение постоянства объекта также усиливает тенденцию переживать вину за агрессию. Как указывала Кляйн (1957), чувство вины усиливает благодарность (хотя не порождает ее).

Чувство вины также усиливает идеализацию. Самая ранняя идеализация — это идеализация матери на симбиотической фазе развития, вырастающая в идеализацию на стадии сепарации-индивидуации. Интеграция Супер-Эго, благоприятствующая развитию способности к бессознательному чувству вины, стимулирует развитие идеализации как реактивного формирования в ответ на чувство вины и как непосредственное выражение вины. Эта стимулированная Супер-Эго идеализация служит мощным подкреплением благодарности как компонента любви.

Способность партнеров к идеализации друг друга наиболее полно выражается в их способности испытывать благодарность за полученную любовь и соответствующем усилении желания отдавать взамен свою любовь. Переживание оргазма другого как выражения полученной им любви, а также как его способности давать любовь в ответ, вселяет уверенность, что любовь и взаимность преобладают над завистью и обидой.

Однако способность испытывать благодарность, порожденная идеализацией, парадоксальным образом вступает в противоречие с определенными продвинутыми характеристиками идеала Я, соответствующими эдиповой стадии развития, когда идеализированное отношение к эдиповым родителям основывается на отречении от полиморфного перверзивного инфантильного эротизма и генитальных эротических аспектов отношения.

Как подчеркнул Дикс (1967), первоначальная взаимная идеализация у только что возникшей пары и ее сознательные ожидания стабильных отношений рано или поздно вступают в конфликт с возрождением вытесненных и диссоциированных прошлых конфликтных интернализованных объектных отношений. В большинстве случаев вновь возникающая подростковая задача интеграции эротизма и нежности способствует постепенному разрушению этих ранних идеализаций под действием эдиповых конфликтов и соответ-

ствующих запретов со стороны Супер-Эго. Эти конфликты, зачастую испытывающие на прочность стабильность пары, обладают свойством не только заставлять обоих партнеров делать определенные болезненные открытия, но и порождать процессы собственного исцеления, как демонстрирует приводимый ниже случай.

До брака у пациентки были удовлетворяющие ее сексуальные отношения с будущим мужем. Когда они вступили в брак, их сексуальные отношения тут же стали ухудшаться. Она жаловалась, что муж не уделяет ей достаточно внимания, что он, не проявляя необходимой ей нежности, ведет себя так, словно его интересует лишь сексуальная сторона их отношений.

Она не могла выносить неравномерности, обычной для любых продолжительных интимных отношений. Она чувствовала, что любит его, и не понимала, что ее склонность обвинять его, а себя представлять беспомощной жертвой отравляет их отношения; а также то, что ее по-детски навязчивое и провоцирующее вину поведение воспроизводит аспекты отношений ее матери и отца и ее собственных отношений с отцом, когда она была подростком.

Встретив мужчину, который был ее любовником в ранней юности и которого она с тех пор успела идеализировать, она завязала с ним роман, оказавшийся сексуально удовлетворяющим. Она с изумлением ощутила, что полностью удовлетворена как женщина, а также то, что ее уверенность и самоуважение возросли. В то же время ее любовь к мужу словно обновилась, и это вызвало у пациентки чувство вины из-за внебрачной связи и заставило по достоинству оценить позитивные стороны своей супружеской жизни. Со временем она обнаружила, что в эмоциональном плане отношения с мужем гораздо более удовлетворительны для нее, чем отношения с любовником, хотя с любовником она испытывала полное сексуальное удовлетворение, которого, как она полагала, муж ей дать не в состоянии. Этот конфликт привел пациентку к психоанализу, и постепенно она отдала себе отчет в своей не осознаваемой прежде неспособности к отношениям с одним и тем же человеком, полностью удовлетворяющим ее и эмоционально, и сексуально.

Хроническая экстернализация инфантильного Супер-Эго и поиск неизменно одинаковых любовных отношений с родительским объектом, в котором эта структура Супер-Эго персонифицирована, может накладывать серьезные ограничения на любовную жизнь индивидуума и пары в целом, даже несмотря на отсутствие явных конфликтов. Однако обычно внешняя стабильность и гармония достигаются ценой ограничений в социальной жизни, поскольку потен-

циально угрожающие равновесию — или конфронтирующе коррективные — отношения должны исключаться, особенно если они связаны с осознанием возможности более удовлетворительных отношений. Идентификация одного из партнеров с агрессором (выраженная в идентификации с Супер-Эго другого) может привести к садомазохистскому альянсу пары против внешнего мира и удовлетворить потребности партнеров в общей системе ценностей путем совместной проекции восстания против инфантильного Супер-Эго на внешнее окружение. Отношения в паре, в которой совместная позиция — это позиция униженной и оскорбленной жертвы третьей стороны, могут, таким образом, быть вполне стабильными, хотя и невротическими, со многими здоровыми чертами взаимной заботы и ответственности.

В предельно противоположном случае общие ценности могут давать паре силу и устойчивость, позволяющую выживать во враждебном окружении, например в условиях тоталитарного общества, где приходится мириться с санкционированной обществом нечестностью в повседневных социальных отношениях. Эта нечестность, однако, может быть исключена внутри пары благодаря ее единому молчаливому противостоянию гнетущему влиянию и коррупции внешней среды. Как я уже утверждал, сама природа сексуальной интимности пары подразумевает совместный протест против конвенциональности и является источником неизменного удовлетворения в отношениях.

Борьба с требованиями инфантильного Супер-Эго помогает сформировать отношения в паре, не позволяя бездумно принять конвенциональные сексуальные стереотипы и идеологии, типично репрезентируемые культурными клише сексуально всеядного и эмоционально безразличного мужчины и сексуально пассивной и зависимой женщины. Члены пары также должны осознать тенденцию человека проецировать пережитки собственного инфантильного Супер-Эго на сексуального партнера. Имплиcitная поддержка со стороны последнего в случае таких фантазийных страхов может быть целительна: “Нет, я совсем не считаю тебя застенчивым маленьким мальчиком, которого нельзя принимать всерьез в сексуальном смысле”... “Нет, я не буду считать тебя падшей женщиной после секса”... “Нет, твое агрессивное поведение не навлечет на тебя вечного наказания или моей обиды, не обесценит тебя в моих глазах навсегда и не сделает меня постоянно тобой недовольной”. Еще одна, причем родственная задача, — противостоять угрозе того, что

примитивные функции Супер-Эго одного из партнеров ввергнут в царство ужаса их обоих. Здесь мы входим в сферу психопатологии развития садистического Супер-Эго у одного или обоих партнеров, ведущего к садомазохистическим отношениям.

Паре также необходимо интегрировать сознательные ожидания от совместной жизни с ожиданиями, требованиями и запретами, исходящими из культурной среды. Конфликты, обусловленные религиозными, этническими или экономическими различиями в воспитании, разницей политических или идеологических взглядов, могут играть важную роль, способствуя или препятствуя отношениям пары с социумом. Пара может предпочесть социальную изоляцию, чтобы избежать столкновений между культурными установками настоящего времени и интернализированными ценностями, исходящими из прошлого. Однако, как правило, с появлением детей изоляция пары ставится под угрозу, так что задача интеграции собственных ценностей с ценностями социума становится насущной и неизбежной.

Позитивной стороной проекции функций Супер-Эго на партнера является возможность использовать партнера в качестве советчика и защитника, источника утешения после нападок извне и уверения в собственной ценности. Имеет значение то, каким образом один партнер идеализирует другого: мужчина, женившийся на женщине, чье восхищение укрепляло его самооценку, не может позднее опираться на ее восхищение, потому что он обесценил ее. Таким образом, у человека, неспособного к идеализации партнера, первоначальное использование поддержки другого может вызвать “отдачу” — чувство одиночества.

Хотя в основе многих длительных “треугольников” лежит такая распространенная вещь, как диссоциация нежности и эротической любви, нередко они связаны также с поиском отношений, компенсирующих значимые фрустрации. Порой существенной функцией внебрачной связи является защита супружеских отношений от аспектов, внушающих бессознательный страх, — по сути, их укрепление путем снижения уровня близости. Патология Супер-Эго у одного или обоих партнеров может привести к тому, что удовлетворяющие любовные отношения, особенно в супружестве, будут вызывать бессознательное чувство вины.

В других случаях обусловленная Супер-Эго хроническая триангуляция может отражать неспособность одного или обоих партнеров выносить нормальную амбивалентность любовных отношений,

любые выражения агрессии. Например, один из них или оба могут иметь идеализированное и одновременно эмоционально наивное представление о своих отношениях с партнером как о совершенно гармоничных, соединяющих нежность и сексуальность, и одновременно иметь еще одни долговременные отношения, включающие и секс, и нежность. Глубинная агрессия находит выражение лишь в бессознательном наслаждении агрессивным подтекстом измены партнерам в обоих отношениях.

Эта динамика, особенно благодаря участвующим в ней механизмам расщепления, может защищать отношения пары от проявлений садистического Супер-Эго, которые могут наблюдаться при разрушении каких-либо параллельно существующих отношений. Иногда оправданная, но чаще непомерная боязнь того, что партнер, которому индивидум по-настоящему предан, никогда не сможет простить или забыть прошлую неверность, — таким образом воплотив жестокое, непрощающее Супер-Эго, — в конце концов порой находит основание в поведении любимого человека, принимающего на себя такую роль непрощающего и навеки обиженного. Хотя нарциссическая травма, связанная с переживанием покинутости и обманутости, — несомненно важный аспект такого непрощающего поведения, на мой взгляд, нельзя сбрасывать со счетов также соответствующую проекцию на партнера и/или идентификацию “жертвы предательства” с неумолимым Супер-Эго.

Способность прощать других обычно характеризует зрелое Супер-Эго: она связана с умением признавать агрессию и амбивалентность в себе и с родственным ему умением принимать неизбежную амбивалентность интимных отношений. Подлинное прощение есть выражение зрелого морального чувства, принятие боли, сопровождающей утрату иллюзий относительно себя и других, вера в возможность возрождения доверия, а также возрождения и поддержания любви, несмотря на ее собственные агрессивные компоненты. Прощение же, основанное на наивности или нарциссической грандиозности, гораздо меньше способствует реконструкции жизни пары, которая должна основываться на новой организации их взаимной заботы друг о друге и их совместной жизни.

Фантазии о смерти партнера или о своей собственной являются настолько обычными, что могут очень многое рассказать о состоянии пары. Перед лицом серьезной болезни или даже угрозы жизни порой бывает легче смириться с перспективой собственной смерти, чем смерти партнера: на бессознательном уровне базовая фантазия о самосохранении говорит о выживании матери. Кэти

Кольвиц символически изобразила смерть в скульптурном образе молодого Кольвица, уснувшего в руках Господа, — выражение базисного источника тревоги и безопасности. Безвозвратная потеря матери, прототип оставленности и одиночества, представляет главную угрозу, и защитой от нее является выживание другого; такая заинтересованность усиливает любовь к другому и бессознательное желание бессмертия другого.

К этому присоединяется пугающая перспектива собственной смерти как конечный триумф исключенного другого — угроза замены себя самого эдиповым соперником: фраза “Пока смерть не разлучит нас” переживается как фундаментальная угроза, жестокая шутка судьбы; символически это кастрация. Базисная уверенность в любви партнера и собственной любви к нему значительно уменьшает этот страх перед исключенной третьей стороной и помогает совладать с тревогой по поводу собственной смерти.

Важным аспектом действия противоречий Супер-Эго в отношениях партнеров является такая черта, как нечестность. Она может служить защитой от реальной или фантазийной агрессии со стороны другого, а также может скрывать за собой или держать под контролем собственную агрессию по отношению к другому. Сама по себе нечестность является формой агрессии. Она бывает ответом на страх нападения со стороны другого, который, в свою очередь, может быть реалистичным или являться проекцией Супер-Эго. Заявление мужа: “Я не могу поделиться этим с моей женой. Она никогда не сможет принять это” — может быть правдой и характеризовать ее инфантильное Супер-Эго, а может быть результатом его проекции на нее собственного инфантильного Супер-Эго. Наконец, не исключено, что оба являются заложниками совместного садистического Супер-Эго: иногда партнеры действительно становятся игрушкой самодеструктивного тайного сговора, порожденного их подчинением совместному садистическому Супер-Эго. Нечестность может также служить для защиты другого от нарциссической травмы, ревности или разочарования. Однако “абсолютная честность” — это иногда просто рационализированная агрессия. Амбивалентность, обычно находящаяся под контролем при социальных взаимодействиях, может выходить из-под него в интимных отношениях — изменение тона голоса или выражения лица порой быстро развивается в серьезный конфликт, даже когда первоначальный повод был относительно безобидным. Зачастую партнеры не вполне осознают, насколько хорошо они знают и могут “читать” друг друга.

Несомненно, аффективная коммуникация увеличивает опасность выражения взаимных проекций принадлежащих Супер-Эго негативных аспектов нормальной амбивалентности, неконтролируемых или недоступных ему. Само проникновение в психическую жизнь другого, которому благоприятствует повышенная способность партнеров считывать невыраженные чувства друг друга, ускоряет трансформацию паранояльных страхов в защитную нечестность. Нечестность в лучшем случае может восприниматься другим партнером как некая форма искусственности, что ведет к увеличению дистанции. В худшем случае она переживается как скрытая атака и вызывает дальнейшее усиление паранояльных реакций партнера. Обман, даже во имя сохранения отношений, может ухудшить их. Даже в удачных отношениях наблюдаются циклы, включающие нечестное, паранояльное (или обоюдное подозрительное) и депрессивное, или порожденное виной поведение — все эти формы поведения служат выражением и одновременно защитой от прямой аффективной коммуникации. Нечестность может быть защитой от глубинных паранояльных страхов, а паранояльное поведение, в свою очередь, — защитой от еще более глубоких депрессивных тенденций. Самообвинения могут защищать от паранояльных устремлений, будучи реактивным формированием на обвинение другого.

Сравнительно мягкая патология Супер-Эго

При более мягких формах патологии Супер-Эго, когда отношения партнеров сохраняются, но сформированная общая структура Супер-Эго является слишком ограничивающей, пара становится более восприимчивой и к ограничительным требованиям и запретам культурной среды, особенно в ее конвенциональных аспектах. Поскольку конвенциональность отражает культурно разделяемые пережитки латентного Супер-Эго, она представляет собой еще один механизм, посредством которого отказ зрелых функций Супер-Эго обуславливает регрессию к требованиям и запретам ограничивающего инфантильного Супер-Эго.

Следующий случай иллюстрирует проблему, порожденную требованиями хорошо интегрированного, но чрезмерно сурового и ограничивающего Супер-Эго обоих партнеров, совместно разделяемыми или бессознательно налагаемыми одним из партнеров на отношения пары.

Супружеская пара обратилась ко мне в связи с возрастающими межличностными и сексуальными затруднениями. Жене было немного за тридцать. По мнению обоих супругов, она была старательной, энергичной домашней хозяйкой, с любовью заботилась об их сыновьях, трех и пяти лет. Ему было около сорока. Как соглашались оба, он был много работающим, ответственным человеком, за какие-то несколько лет продвинувшимся по служебной лестнице и занимающим в данный момент ведущее положение в своей компании. Оба принадлежали к среде католиков среднего класса, жителей респектабельных пригородов, и были выходцами из семейных кланов латиноамериканского происхождения. Причиной обращения стала ее растущая неудовлетворенность вследствие того, что она переживала как отдаление мужа его эмоциональную недоступность и пренебрежение ею, а он — как все более невыносимое брюзжание и попреки жены, из-за которых ему все меньше хотелось находиться дома. Супруги приняли мой план отдельных диагностических интервью для каждого, перемежаемых рядом совместных интервью. Моей задачей было оценить супружеский конфликт и принять решение о возможной терапии для одного или обоих партнеров или для пары в целом.

Индивидуальная оценка жены обнаружила основания для диагностирования выраженного личностного нарушения с доминированием истерических и мазохистических черт, при функционировании на невротическом уровне личностной организации. Как выяснилось, ее главной проблемой был сексуальный аспект их отношений. У жены было желание сексуальной близости, но слабая сексуальная возбудимость, возбуждение пропадало почти сразу после проникновения. У нее вызывало отвращение то, что она ощущала как чрезмерный сексуальный интерес мужа и его “грубость”. Возникало также впечатление, что она болезненно обижена своей неудачей в воссоздании тех теплых отношений, которые у нее были с идеализированным, сильным отцом. Женщина ненавидела себя за то, что начинает походить на свою покорную, ноющую, провоцирующую чувство вины мать. Она описала характерное для ее родителей пуританское отношение к сексу. У нее обнаружили признаки мощного защитного вытеснения — в частности, блокировка всех воспоминаний раннего детства. Она горько жаловалась на перемену в своем муже, чьи живость, общительность, рыцарское поведение во время ухаживания сменились угрюмостью и замкнутостью.

Индивидуальные интервью с мужем указали на значительное личностное расстройство, однако с преобладанием обсессивно-компульсивных черт. Он обладал хорошо интегрированной Эго-идентичностью, способностью к глубоким объектным отношениям и проявлял симптомы умеренной стойкой невротической депрессии. Его отец был бизнесменом, и пациент в детстве восхищался его силой и мощью. Но в подростковом возрасте, по мере того как пациент стал осознавать неуверенность, скрывающуюся за авторитарным поведением отца, его восхищение сменилось возрастающим разочарованием. Ранний детский сексуальный интерес пациента к старшим сестрам сурово осуждался обоими родителями, в особенности матерью, видимо, покорной женой, чей манипулятивный контроль над отцом был очевиден для пациента.

В юности он демонстративно стал иметь дело с женщинами более низкого социального статуса из различных культурных групп. Повзрослев, пережил несколько страстных романов. Но затем, к величайшей радости родителей и родственников, женился на молоденькой девушке из их собственного культурного и религиозного круга. Несколько робкая и застенчивая манера поведения жены, общая среда, ее нежелание вступать с ним в сексуальные отношения до брака — все его привлекало. Когда же они поженились, слабая сексуальная возбудимость жены, которую он поначалу списывал на ее неопытность, стала вызывать у него все большее недовольство. В то же время он упрекал себя за то, что не может удовлетворить ее сексуально, чувствовал себя с ней все более неуверенно и в конце концов сократил свои сексуальные запросы к ней, так что к моменту обращения за консультацией сексуальные контакты у них происходили всего лишь раз или два в месяц.

Муж становился все более подавленным, чувствуя угрызения совести за то, что отдалялся от жены и детей, но в то же время испытывая облегчение, когда находился вне дома и уходил с головой в работу. Он твердо заявлял, что любит свою жену, и если бы она была менее критична к нему и их сексуальные отношения были лучше, все остальные проблемы исчезли бы сами собой. Общность многих их интересов и устремлений представлялась ему важной. И он делал особый упор на то, что ему по-настоящему нравится, как она управляет с детьми, с домом и с повседневной жизнью.

В свою очередь, жена в индивидуальных интервью высказывала аналогичные утверждения: она любит своего мужа, расстроена его отстраненностью и замкнутостью, но надеется, что отношения восстановятся и станут прежними. Единственная проблема — сексу-

альная. Секс для нее был обязанностью, которую она готова была исполнять; но для того, чтобы она могла отвечать мужу так, как он хочет, он должен быть с ней более мягким и терпеливым.

В совместных интервью, проводившихся мною параллельно с индивидуальными в течение нескольких недель, подтверждалась общность установок и устремлений супругов в отношении их культурной жизни и ценностей, а также близость их сознательных ожиданий, касающихся ролей в браке. Возникало впечатление, что главная сложность действительно находится в сексуальной сфере. Я задавался вопросами: в какой мере депрессия мужа может быть вторичной по отношению к его бессознательному чувству вины по поводу того, что ему не удастся быть таким сильным и успешным мужем, каким он должен быть в соответствии с их совместными ожиданиями, а также обусловлены ли ее сексуальные запреты бессознательным чувством вины в связи с неразрешенными эдиповыми желаниями — чувством вины, усугубленным неспособностью мужа помочь ей преодолеть эти запреты.

Я полагаю, что они оба на бессознательном уровне объектных отношений сражались с эдиповыми проблемами. Пациент бессознательно воспринимал жену как повторение своей контролирующей и манипулятивной матери, осуждавшей его сексуальное поведение, в то время как он сам, помимо своей воли, проигрывал идентификацию с отцом-неудачником (восприятие пациента в раннем подростковом возрасте). Она, бессознательно низводя его до роли сексуально неудовлетворяющего мужа, таким образом избегала сексуальных отношений с сильным, эмоционально теплым и доминирующим отцом — отношений, которые грозили вызвать эдипово чувство вины. И, против своей воли, она воспроизводила формы поведения фрустрированной, но провоцирующей вину и контролирующей матери. На сознательном уровне оба супруга пытались соответствовать своим совместным идеалам — теплой, дающей жены и сильного мужа-защитника. Они оба, по бессознательному скрытому соглашению, избегали осознания агрессивных чувств, бессознательно присутствующих в их отношениях.

Исследуя то, насколько они готовы осознать этот тайный договор, я обнаружил, что оба супруга в высшей степени не склонны к дальнейшему обсуждению своих сексуальных трудностей. Жена чрезвычайно критично относилась к моим попыткам рассматривать интимные аспекты сексуальных отношений в манере, которую она определила как “вульгарную и механистичную”, а муж приходил к выводу, что, учитывая ее нежелание и его примирение с ситуа-

цией, он не желает “искусственно разжигать” их сексуальные конфликты. Они столь умело и единодушно приуменьшали значимость своих сексуальных трудностей, что я должен был обратиться к своим записям их индивидуальных интервью, чтобы подтвердить собственное воспоминание о том, что именно они сказали мне по поводу своих сексуальных проблем.

Следуя своему сознательному представлению об идеальных отношениях, супруги отстаивали то, что может быть названо совместным Супер-Эго, отводя при этом мне роль дьявола-искусителя. Оба выражали желание, чтобы я снабдил их необходимыми рекомендациями и правилами обращения друг с другом, которые позволили бы им уменьшить напряжение и взаимные обвинения; таким образом они надеялись разрешить свои проблемы.

После взаимных интервью последовал ряд индивидуальных сессий с новым развитием событий. Муж дал мне ясно понять, что не верит в желание жены продолжать диагностические интервью; более того, она считает, что я предвзято отношусь к ней и скорее угрожаю, чем помогаю ее браку. В то же время, добавил муж, она согласна, чтобы он продолжал встречаться со мной и я попытался бы улучшить его поведение по отношению к ней. Он сказал: если я действительно считаю терапию необходимой для него, он готов проходить терапию один. Я поинтересовался, в чем он видит основания для такой терапии. Он сказал, что его депрессия, безразличие к сексуальным отношениям, столь не похожее на его поведение до брака, а также беспомощность в обращении с женой — вполне достаточные основания, если только есть шанс решить эти проблемы.

Индивидуальные встречи с женой подтвердили ее подозрительность и недовольство совместными интервью. Ей казалось, что я как мужчина склонен принимать сторону ее мужа и что я преувеличиваю важность сексуальных аспектов их отношений. Она сообщила, что если он нуждается в терапии, она не возражает, но сама она не намерена более продолжать совместные интервью.

В конце концов я решил рекомендовать каждому из них индивидуальную терапию. Я примирился с их решением прекратить совместные интервью и в индивидуальном интервью предложил ей исследовать с помощью другого терапевта, имеют ли признаваемые ею сексуальные трудности глубинный источник в ней самой и может ли ей быть полезна дальнейшая терапия. Не вполне охотно, она все же начала проходить психоаналитическую терапию у женщины-

терапевта, но через несколько месяцев прекратила работу, не видя в ней ни пользы, ни необходимости.

С ее мужем я продолжал работать в течение следующих шести лет. В курсе анализа были прояснены и проработаны природа его конфликтов с женой, основания выбора ее в качестве партнера, динамика его депрессии и сексуальные запреты. На начальных стадиях он вновь и вновь заявлял, что в любом случае никогда не захочет разводиться с женой: его религиозные убеждения и воспитание не позволят ему пойти на такой шаг. Психоаналитическое исследование показало, что источником этих заявлений является его проецирование на меня своего мятежного юношеского поведения по отношению к обоим родителям и в особенности запреты отцом любых отношений с женщинами из другой культурной и религиозной среды. Я и психоанализ в целом олицетворяли для него антирелигиозную идеологию, потенциальное одобрение свободного секса и аморальности, и он был настороже.

Позднее, приняв этот спроецированный аспект своей личности, он осознал также раздвоенную мораль своей юности — “мадонна-проститутка” — и то, что он идентифицировал свою невесту с идеализированным образом католички латинского происхождения, ассоциировавшимся для него с матерью. Его сексуальный запрет был связан с возрождением глубокого чувства вины по поводу сексуального интереса к сестрам и с восприятием жены как идеальной, разочарованной и испытывающей отвращение матери. На более поздней стадии анализа в качестве фундаментальных тем выступили бессознательная вина по поводу агрессии к матери, связанной с ранними фрустрациями, бессознательный гнев в результате переживания пренебрежения с ее стороны, а также чувство вины в связи с серьезной, опасной для жизни болезнью матери, которую она перенесла в его раннем детстве и за которую он бессознательно ощущал себя ответственным. Далее, как источник запрета на связанные с конкуренцией устремления в работе, появился еще один элемент — бессознательное чувство вины из-за успеха в бизнесе. Он чувствовал, что неудачный брак — справедливая цена за этот успех, бессознательно репрезентирующий триумф над отцом.

Таким образом, его депрессия выражала собой множественные слои конфликтов, связанных с бессознательным чувством вины, которые постепенно всплывали на поверхность в течение первых двух лет терапии. На продвинутой стадии анализа эдипова мятежность

нашла отражение в романе с совершенно не удовлетворявшей пациента женщиной, и это пролило дальнейший свет на его глубокий страх перед соединением нежности и эротичности в отношениях с одной и той же женщиной. На пятом году анализа развились отношения с другой женщиной. Эта женщина была эротически восприимчива к нему и, кроме того, удовлетворяла его в культурном, интеллектуальном и социальном смысле. На раннем этапе этих отношений он рассказал о них своей жене, дав таким образом выход агрессии отмщения, направленной на фрустрирующую мать, но также бессознательно стремясь дать себе и своей жене еще один шанс улучшить отношения. Она отреагировала гневно и с негодованием, выступив перед своей семьей как невинная жертва его агрессии. Тем самым она еще больше отравила их отношения и ускорила их конец. Пациент развелся со своей женой и женился на “другой женщине” — этот шаг также знаменовал разрешение его сексуального блока. С этой переменной совпало и значительное смягчение его компульсивно-обсессивных личностных тенденций. К моменту завершения анализа его основные проблемы были разрешены. Контрольное интервью по прошествии пяти лет подтвердило стабильность этого улучшения и благополучие в новом браке.

Мы наблюдаем здесь несколько аспектов патологии Супер-Эго: взаимно усиливающий эффект ригидных идеализаций в сознательных ожиданиях от брака и супружеских ролей, порожденных идентификацией партнеров с культурными ценностями и идеологией их социальной группы; их взаимно проецируемый и жестко соблюдаемый Эго-идеал, обеспечивающий стабильность отношений, однако ценой принесения в жертву сексуальных потребностей. Бессознательная взаимная проекция запретов на эдипову сексуальность, а также на интеграцию нежных и эротических чувств способствовали бессознательной активизации соответствующих эдиповых отношений; реальные отношения партнеров обнаруживали все большее подобие их прошлым отношениям с эдиповыми фигурами.

Чувство ответственности супругов и их обеспокоенность своими отношениями сыграли, с одной стороны, позитивную роль, приведя их к терапии; однако глубинные чувства вины и скрытый договор об идеализации в сознательных установках по поводу брака помешали им как паре сделать следующий шаг от этой обеспокоенности к принятию шанса изменить текущее равновесие. Муж оказался более гибким, но сам факт его терапии создал дисбаланс в отношениях пары, постепенно приведший к распаду отношений.

Тяжелая патология Супер-Эго

Переходя от темы влияния нормального или умеренно патологического Супер-Эго на любовную жизнь пары к вопросу о последствиях тяжелой формы патологии Супер-Эго, мы начнем с утверждения о том, что чем больше патология, тем более ограничена и сфера допустимого для партнеров. Тяжелая форма патологии Супер-Эго также выражается в жестких рационализациях идентификации с примитивным Супер-Эго у одного или обоих партнеров, в “коллекционировании несправедливостей”, предполагаемом предательстве и идеях отмщения, во враждебной отчужденности.

Тяжелая психопатология функций Супер-Эго приводит к безразличной пренебрежительности и откровенной враждебности, выражающих примитивные уровни агрессии, которая начинает преобладать и зачастую разрушает пару. Парадоксальным образом, на ранних стадиях активизации подобной тяжелой патологии Супер-Эго сексуальная жизнь пары может процветать благодаря отрицанию бессознательных эдиповых запретов или заглаживанию бессознательного чувства вины страданиями партнеров. Видимо, свободное и приятное сексуальное взаимодействие может прикрывать деградацию эмоциональных отношений.

При тяжелой патологии Супер-Эго как идеализирующие, так и преследующие предвестники Супер-Эго противостоят интеграции Супер-Эго и стимулируют необузданное репроецирование ядра Супер-Эго на партнера, позволяющее одному или обоим партнерам выносить проявления противоречивых паттернов характера. Один партнер обвиняет, критикует и унижает другого и, посредством проективной идентификации, бессознательно провоцирует подобное поведение у другого. Такие проекции могут выражаться в защитном эмоциональном дистанцировании от партнера, развивающемся в течение месяцев или лет. Иногда пара просто “консервируется” в такой дистанцированности, которая усиливается с течением времени и в конце концов приводит к разрушению или расстройству любовных отношений.

Иногда такая отдаленность партнеров позволяет сохранить близость в некоторых сферах. Хроническое, но контролируемое отдаление препятствует близости пары и, соответственно, исключает обычные стабилизирующие перерывы в этой близости. Вторичное развитие может включать реактивную рационализацию агрессивного поведения каждого партнера по отношению к другому. Длительные

фрустрации, стимулируемые обоими партнерами, в свою очередь, служат для рационализации поведения, еще более усиливающего фрустрацию и дистанцирование, — например, вступление во внебрачную связь.

Однако наиболее распространенным проявлением проекции Супер-Эго является переживание одним партнером другого как безжалостного преследователя, воплощение морального авторитета, черпающего садистское удовольствие в том, что заставляет другого чувствовать себя виноватым и подавленным. При этом другой воспринимает первого как ненадежного, лживого, безответственного и вероломного, пытающегося “выйти сухим из воды”. Часто роли меняются. Благодаря взаимным проективным идентификациям партнеры могут быть высоко эффективными в подкреплении и даже провоцировании тех самых характеристик, которых они так боятся в другом. Устойчивые садомазохистические отношения без вмешательства исключенных третьих сторон — это, вероятно, наиболее часто встречающееся проявление тяжелой патологии Супер-Эго. Первоначально это допускает удовлетворительные сексуальные отношения, но в конце концов садомазохистические взаимодействия сказываются и на сексуальном функционировании пары.

Супружеская пара обратилась ко мне по поводу часто возникающих сильных ссор. Он демонстрировал смешанного рода личностное расстройство с инфантильными, навязчивыми и нарциссическими чертами; она — преимущественно инфантильную личность с истерическими и параноидными чертами. Его чувство неуверенности в работе, неспособности соответствовать собственным ожиданиям — быть таким же сильным, как его отец, — отражались в поведении с женой. Обычно внимательному, даже несколько подчиняющемуся по отношению к жене, ему приходилось бороться со страхами сексуального приближения к ней. Отвержение ею сексуальности, за исключением тех случаев, когда они находились в определенных узких границах, постепенно привело к сокращению их сексуальных контактов и сыграло значительную роль в его эпизодической импотенции с ней.

Страстный роман с коллегой по работе принес ему временное чувство сексуальной полноценности и удовлетворения, но с горьким привкусом сильного чувства вины по отношению к жене, которую он стал бессознательно воспринимать как властную, стыдящую, провоцирующую вину садистическую мать. У его матери раболепие по отношению к мужу сменялось мощными вспышками

гнева против него. Мой пациент теперь стал чередовать вызванную виной покорность и примирительные шаги с периодическими внезапными детскими вспышками раздражения, когда он пронзительно кричал, бил посуду (так же, как и его мать) и неумело, заведомо неудачно пытался подражать отцу.

В подобных случаях жена чувствовала, что он плохо с ней обращается и проявляет насилие по отношению к ней, что было повторением ее переживаний с отцом. Пытаясь избежать поведения, которое пациентка видела в детстве у собственной покорной матери и воспринимала как унижительное, она стала отчаянно протестовать, привлекая в свидетели соседей, родственников и, главное, свою собственную мать.

В бессознательной попытке спровоцировать мужа на дальнейшее насилие, она принижала его сексуальную успешность, а также привлекла к попытке устыдить его своих детей-школьников и знакомых. В результате эскалации насилия он однажды ударил ее, и она мгновенно сообщила о его жестоком обращении местным властям. Тогда им были рекомендованы диагностика и терапия супружеских отношений.

Этот случай иллюстрирует бессознательные идентификации и репроецирование родительских образов на брачного партнера; интроекты Супер-Эго с их “коллекционированием несправедливостей”, “праведным негодованием” мощно рационализировали поведение, служившее оправданием взаимного преследования и отреагирования бессознательного чувства вины, поскольку существовали аспекты взрослых супружеских отношений, которые оба находили невыносимыми. В процессе психоаналитической терапии выяснилось, что истоки сексуальных запретов жены находятся в ее бессознательных попытках воссоздать садомазохистические отношения с проявляющим насилие отцом. Терапия мужа вскрыла его безуспешную борьбу с могучим и угрожающим отцовским образом под слоем амбивалентности по отношению к провоцирующей и отвергающей матери.

8. ЛЮБОВЬ В ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Трансферентная любовь

Аналитическая ситуация — это своего рода клиническая лаборатория, позволяющая нам изучать природу любви в мириадах ее форм. Мы исследуем их, основываясь на переносе и контрпереносе.

Главное различие между первоначальной эдиповой ситуацией и трансферентной любовью — возможность в идеале со всей полнотой исследовать в переносе бессознательные детерминанты эдиповой ситуации. Прорабатывать трансферентную любовь означает прорабатывать самоотречение и печаль, в норме сопутствующие разрешению эдиповой ситуации. В то же время пациент должен отдавать себе отчет, что поиск эдипова объекта естественным образом присущ всем любовным отношениям (Бергманн, 1987). Из этого следует отнюдь не то, что эдипова ситуация — единственный прообраз всех будущих любовных отношений, а лишь то, что эдипова структура оказывает влияние на организацию нового опыта как для индивидов, так и для пары.

В идеале регрессивный опыт трансферентной любви и его проработка облегчается “невзаправдашностью” трансферентной регрессии — вместе с силой Эго, предполагаемой таким ограниченным характером регрессии, — а также возрастающей способностью пациента удовлетворять эдиповы желания, сублимируя их в актуальных отношениях взаимной любви. Отсутствие такой взаимности резко отличает трансферентную любовь от любовных отношений вне аналитической ситуации, точно так же, как сознательное исследование эдиповых конфликтов отличает ее от первоначальной эдиповой ситуации. Можно было бы сказать, что трансферентная любовь походит на невротическую, поскольку трансферентная регрессия — путь к развитию неразделенной любви. Однако аналитическое разрешение переноса делает трансферентную любовь рез-

ко отличной от невротической с ее отреагированием, при которой отсутствие взаимности усиливает привязанность, вместо того чтобы позволить ее оплакивание и разрешение.

Психоаналитическое исследование трансферентной любви свидетельствует о наличии всех компонентов обычного процесса влюбленности: проекции на другого (аналитика) зрелых аспектов Эго-идеала; амбивалентного отношения к эдипову объекту; развертывания полиморфных перверзивных инфантильных и генитальных эдиповых желаний и в то же время борьбы против них. Все они в сочетании порождают переживание в переносе романтической любви, наполненной, пусть даже на краткие и мимолетные моменты, сексуальными желаниями. Ослабление этих чувств в терапии обычно происходит благодаря их смещению на доступные объекты в жизни пациента. Пожалуй, в психоаналитической терапии нет другого аспекта, в котором возможности для отыгрывания вовне и психологического роста были бы настолько объединены.

Невротические компоненты трансферентной любви могут выдавать себя в ее интенсивности, ригидности и упрямой настойчивости, особенно когда она носит мазохистический характер. С другой стороны, отсутствие признаков трансферентной любви может свидетельствовать либо о сильном садомазохистическом сопротивлении позитивным эдиповым отношениям, либо о нарциссическом переносе, где позитивное эдипово развитие значительно ослаблено. Как широко отмечалось, характер трансферентной любви зависит от пола участников (Бергманн, 1971, 1980, 1982; Блюм, 1973; Карме, 1979; Шассге-Смиржель, 1984а; Лестер, 1984; Голдбергер и Эванс, 1985; Персон, 1985; Силверман, 1988). Коротко говоря, выводы таковы. Пациентки невротического склада, проходя анализ у мужчин-аналитиков, склонны развивать типичный позитивный эдипов перенос. Свидетельством тому могут служить случаи, описанные Фрейдом (1915а) в его классической работе о трансферентной любви. Но женщины с нарциссической личностной организацией в анализе у аналитиков-мужчин не склонны к развитию такой трансферентной любви или развивают ее лишь на очень поздних стадиях терапии, да и то обычно в весьма ослабленной форме. Нарциссическое сопротивление против зависимости в переносе, являющееся частью защиты от бессознательной зависти к аналитику, препятствует развитию трансферентной любви; любые сексуализированные желания по поводу аналитика ощущаются пациенткой как унизительные, вызывающие чувство неполноценности.

Мужчины невротического склада, проходящие терапию у женщин-аналитиков, обычно обнаруживают некоторый запрет на прямые проявления трансферентной любви, тенденцию смещать ее на другие объекты; взамен, как компонент реактивации нормальных инфантильных нарциссических фантазий по отношению к эдиповой матери, у них развивается также сильная тревога по поводу своей сексуальной несостоятельности или неполноценности.

Как указывала Шассге-Смиржель (1970, 1984b), бессознательный страх маленького мальчика по поводу того, что его маленький пенис не сможет удовлетворить большую мать, является здесь существенной динамикой. Однако нарциссические мужчины-пациенты в анализе у женщин-аналитиков часто демонстрируют то, что выглядит как сильная трансферентная любовь, а на самом деле является агрессивным сексуализированным обольщением, отражающим трансферентное сопротивление чувству зависимости от идеализируемого аналитика. Такая попытка воспроизвести традиционный культурный дуэт сильного мужчины-соблазнителя и пассивной идеализируемой женщины естественным образом отвечает конвенциональной с точки зрения культуры ситуации сексуализированных зависимых отношений между невротической пациенткой и мужчиной-аналитиком, а также воспроизведению в последнем случае эдипова желания маленькой девочки к идеализированному отцу.

Сексуально травмированные пациенты, особенно жертвы инцеста и пациенты, имеющие в анамнезе сексуальные связи с психотерапевтом, могут, в силу повышенной тяги к преследующему повторению, вызванной травмой, пытаться соблазнить аналитика; эта потребность может в течение продолжительного времени доминировать в переносе. В таких случаях важную роль играет бессознательная идентификация с агрессором, и внимательный анализ гневной обиды пациента на отказ аналитика отозваться на его (ее) сексуальные притязания может потребовать особого внимания, прежде чем пациент испытает облегчение и должным образом оценит сохранение психоаналитических рамок.

Нарциссические женщины с ярко выраженными асоциальными чертами поведения могут пытаться сексуально соблазнить аналитика, что порой ошибочно интерпретируется как эдипова трансферентная любовь. Однако в их переносе ясно прослеживается агрессия, лежащая в основе их усилий коррумпировать терапию. Таких женщин следует отличать от мазохисток с историей сексуального злоупотребления или насилия или без нее, однако с предрасполо-

женностью быть объектами сексуального насилия и эксплуатации. Интенсивность эротизированного переноса у пациентов с истерической личностной структурой представляет классический пример трансферентной любви: защитная сексуализированная идеализация аналитика часто скрывает значительную бессознательную агрессию, корни которой лежат в эдиповом разочаровании и бессознательной эдиповой вине.

Невротические черты трансферентной любви явственно видны не только в интенсификации эротических стремлений при безответной любви; они также проявляются в обычном инфантильном нарциссическом желании быть любимыми вместо зрелой активной любви к аналитику, в желании сексуальной близости как символического выражения симбиотических стремлений или доэдиповой зависимости, а также в общей защитной акцентированности сексуализированной идеализации как защиты от агрессивных устремлений, имеющих много источников. Пациенты с пограничной личностной организацией могут проявлять особенно интенсивные желания быть любимыми, выражать эротические требования, предпринимать настойчивые попытки контролировать терапевта и даже выступать с суицидальными угрозами, пытаясь вынудить терапевта к взаимности.

Развитие гомосексуальной трансферентной любви протекает сходно у обоих полов, но важные различия могут проявиться в контрпереносе. У пациентов с невротической психопатологией могут возникнуть мощные гомосексуальные желания, обращенные к аналитику того же пола, в истоках которых негативный эдипов комплекс соединен с доэдиповыми, орально зависимыми и анальными устремлениями; компоненты сексуальных желаний могут быть исследованы после систематического анализа сопротивления регрессии переноса.

При нарциссической патологии гомосексуальный перенос обычно отличается такой же требовательностью, агрессивностью, тенденцией к контролю, как гетеросексуальный перенос у нарциссических пациентов-мужчин по отношению к женщинам-аналитикам или у пограничных и асоциальных нарциссических пациенток к аналитикам-мужчинам. Ненаигранное, органичное, терпеливое отношение аналитика к позитивной сексуализированной трансферентной любви невротического пациента и удержание ситуации псевдопозитивной трансферентной любви при нарциссической патологии в аналитических рамках — ключевые условия для полного

аналитического исследования и разрешения подобного развития. Превратности контрпереноса приобретают особую значимость в этом процессе.

Контрперенос

Хотя контрперенос как фактор, оказывающий влияние на формулировки интерпретаций переноса, привлекает все большее внимание в литературе по технике психоанализа, об агрессивном контрпереносе все же написано гораздо больше, чем об эротическом. Традиционно фобическое отношение к контрпереносу, изменившееся лишь в последние десятилетия, до сих пор возникает при эротической реакции аналитика на эротический перенос.

Вообще, когда эротические желания и фантазии пациента в переносе вытеснены, они обычно вызывают слабую эротическую реакцию в контрпереносе. Но когда эротические фантазии и желания пациента становятся осознанными, контртрансферентная реакция аналитика может включить в себя эротические элементы, сигнализирующие ему (ей) о возможности того, что пациент сознательно подавляет эротические желания и фантазии. После того как сопротивление полному выражению трансферентной любви значительно снижается и пациент начинает испытывать сильные сексуальные желания по отношению к аналитику, эротические реакции в контрпереносе могут стать интенсивными, изменяясь вместе с силой эротического переноса.

Здесь мне особо хотелось бы подчеркнуть факт флуктуаций переноса: обычно даже сильный эротический перенос прибывает и убывает в соответствии со смещением пациентом своих трансферентных чувств и желаний на доступные объекты для проигрывания, отыгрывания вовне или удовлетворения сексуальных желаний во внеаналитической ситуации. Когда эротические желания пациента фокусируются исключительно на аналитике, аспект сопротивления становится вполне очевидным, а агрессивный компонент сексуальных побуждений — более выраженным. Такая динамика имеет тенденцию снижать интенсивность эротических чувств в контрпереносе.

Когда проективная идентификация доминирует над проекцией — то есть когда пациент не просто проецирует на аналитика свои бессознательные импульсы, а приписывает ему (ей) сексуальные чув-

ства, обнаруживаемые в себе самом (самой) и отвергаемые как опасные, притом пытаясь контролировать аналитика с целью избежать пугающего сексуального нападения, — эротический контрперенос обычно отсутствует. Более того, примечательная диспропорция между мощными спроецированными сексуальными фантазиями пациента с эротоманиакальным переносом, с одной стороны, и реакцией контрпереноса, содержащей лишь напуганность и скованность — с другой, должна сигнализировать аналитику о возможности тяжелой нарциссической психопатологии пациента или глубокой регрессии в переносе.

По моему наблюдению, наиболее сильный эротический контрперенос может возникать в трех следующих случаях: 1) у мужчин-аналитиков при терапии пациенток с сильными мазохистическими, но не пограничными тенденциями, у которых возникает интенсивная, “непреодолимая” сексуализированная любовь к недоступному эдипову объекту; 2) у аналитиков обоего пола с сильными неразрешенными нарциссическими чертами; 3) у некоторых женщин-аналитиков с мощными мазохистическими тенденциями при терапии очень соблазняющих, нарциссических мужчин-пациентов. Некоторые мазохистические женщины-пациентки способны вызывать яркие фантазии спасения у своего аналитика-мужчины, соблазняя его на попытку помочь им, в результате которой он неизменно убеждается, насколько ложно направлена или бесполезна в действительности такая помощь. Подобное соблазнение может становиться сексуализированным и проявляться в контрпереносе как фантазии спасения, имеющие сильный эротический компонент. В типичном случае, например, мужчина-аналитик спрашивает себя: как это получается, что такая чрезвычайно привлекательная пациентка не способна удержать ни одного мужчину и ее всякий раз отвергают? От этого вопроса к контртрансферентной фантазии “Я-то смог бы стать очень удовлетворительным сексуальным партнером для этой пациентки” — всего один шаг.

В работе с мазохистическими пациентами, имеющими длинную историю неудачных романов, я считаю полезным проявлять особое внимание к моментам, когда появляются такие фантазии спасения или эротический контрперенос. Чаще всего это трансферентно-контртрансферентное соблазнение имеет кульминацию во внезапной фрустрации, разочаровании пациента или его рассерженном непонимании комментариев аналитика либо смещается в сферу чрезмерных требований к аналитику, под действием которых эро-

тизированные контртрансферентные фантазии спасения мгновенно испаряются.

Я также нахожу полезным для аналитика терпимо относиться к собственным сексуальным фантазиям по поводу пациента, более того, давать им развиваться в сюжет воображаемых сексуальных отношений. Достаточно скоро воображение аналитика само заставит эту идею улетучиться, поскольку предсознательно он отдает себе отчет в “антилибидинальных”, разрушительных, отвергающих по мощь аспектах личности пациента. Этот подход позволит интерпретировать перенос еще до его внезапного смещения в негативную сторону. Некоторые очевидные пути проявления бессознательных стремлений пациента предотвратить или разрушить возможность устойчивых позитивных отношений с аналитиком — непоследовательность в терапевтических соглашениях, требования смены времени приема, ссылки на бесчувственность аналитика по отношению к особым обстоятельствам, финансовая безответственность и несвоевременная оплата счетов за терапию; внимание к контртрансферентным сюжетам — могут позволить аналитику выявить эти тенденции еще до их отыгрыша в терапии.

Интенсивные проявления эротического переноса необходимо отличать от желания пациента быть любимым аналитиком. За сознательными или бессознательными усилиями соблазнения в переносе может лежать стремление стать объектом желания аналитика — стать фаллосом аналитика — вместе с фантазиями о физической неполноценности и кастрации. Поэтому я предпочитаю анализировать не только защиты пациента против полного выражения эротического переноса, но также и природу самих фантазий в переносе. Под тем, что может выглядеть как желание сексуальных отношений с аналитиком, скрыты множественные переносы и значения. Например, интенсивная эротизация зачастую представляет собой защиту от агрессивных переносов, имеющих много источников, попытку избежать болезненных конфликтов, связанных с оральной зависимостью или, наконец, отыгрывание перверсивных переносов (желание соблазнить аналитика с тем, чтобы уничтожить его).

Аналитик, способный свободно исследовать в собственном сознании свои сексуальные чувства по отношению к пациенту, сможет оценить природу трансферентных формирований, избежав благодаря этому защитного отрицания собственных эротических реакций на пациента; в то же время он должен быть способен ис-

следовать трансферентную любовь, не отыгрывая вовне свой контрперенос в соблазняющем сближении. Эротический перенос пациента может быть выражен невербально, в эротизации его (ее) отношения к аналитику, на что аналитику следует реагировать исследованием защитного характера этого невербализованного соблазнения, не усугубляя эротизацию процесса терапии и в то же время не прибегая к защитному отвержению пациента.

Неразрешенная нарциссическая патология аналитика, вероятно, является главной причиной отыгрывания вовне контрпереноса, которое усиливает эротизированность психоаналитической ситуации или даже ведет к разрушению рамок психоаналитического сеттинга. По моему мнению, вступление в сексуальные отношения с пациентом в большинстве случаев свидетельствует о нарциссическом расстройстве аналитика и сопутствующей серьезной патологии Супер-Эго. Однако иногда эта ситуация обуславливается чисто эдиповыми динамиками, когда сексуальный выход за рамки аналитических отношений символически репрезентирует для аналитика преодоление эдипова барьера, отыгрывание вовне мазохистической патологии в бессознательном желании получить наказание за эдипово преступление.

Исследование сложных и интимных аспектов эротических фантазий пациента и его желания сексуальных любовных отношений с аналитиком предоставляет последнему уникальную возможность лучше понять сексуальную жизнь противоположного пола. Здесь задействованы как гетеросексуальные, так и гомосексуальные динамики, как позитивный, так и негативный эдипов комплекс. Поскольку аналитик идентифицируется с эмоциональными переживаниями пациента противоположного пола, конкордантная идентификация в контрпереносе с эротическими переживаниями пациента по отношению к другим гетеросексуальным объектам активизирует способность аналитика к идентификации с сексуальными устремлениями противоположного пола, а также сопротивление им. Для того чтобы установить в контрпереносе конкордантную идентификацию с влечением его пациентки к другому мужчине, аналитик-мужчина должен обладать свободой контакта с собственной женской идентификацией. В ситуации, когда эта же самая пациентка испытывает сексуальные чувства к аналитику, тот имеет возможность достичь значительно лучшего понимания сексуального влечения у человека противоположного пола путем интегрирования своей конкордантной идентификации с сексуальным влечением паци-

ентки и своей комплементарной идентификации с объектом ее желания. Это понимание со стороны аналитика означает его эмоциональный резонанс с собственной бисексуальностью, как и достижение такого уровня интимности и контакта, которое обычно происходит лишь в моменты наивысшей сексуальной близости пары.

Активизация интенсивного и сложного контрпереноса, применяемого в работе, является уникальной особенностью психоаналитической ситуации, возможной лишь благодаря защите, обеспечиваемой рамками психоаналитических отношений. Своего рода ироническим подтверждением уникальности переживания такого опыта в контрпереносе является то, что, хотя у психоаналитиков есть необычайная возможность исследовать психологию любовной жизни противоположного пола, эти знания и опыт имеют тенденцию улетучиваться, едва дело доходит до понимания собственных переживаний с другим полом вне психоаналитической ситуации. То есть вне аналитической ситуации любовная жизнь аналитика такая же, как у прочих смертных.

Когда пациент и аналитик не принадлежат к одному полу, конкордантная идентификация в контрпереносе опирается на терпимость аналитика в отношении собственных гомосексуальных компонентов, а гетеросексуальные элементы контрпереноса связаны преимущественно с комплементарной идентификацией. Когда пациент одного пола с аналитиком испытывает сильную трансферентную любовь, это разграничение теряет отчетливость. Гомосексуальные переносы и эротический отклик аналитика на них имеют свойство оживлять доэдиповы, так же как и эдиповы, либидинальные стремления и конфликты, особенно у пациентов, чьи гомосексуальные конфликты и стремления выражены в контексте невротической личностной организации. Если аналитик способен к терпимости в отношении собственных гомосексуальных компонентов, то исследование им в контрпереносе своей идентификации с доэдиповыми родителями должно помочь ему в анализе негативных эдиповых последствий гомосексуальных чувств пациента. Это редко представляет серьезную трудность, за исключением случаев, когда аналитик борется с собственными вытесненными в результате конфликта гомосексуальными стремлениями или подавленной гомосексуальной ориентацией.

Перенос у гомосексуальных пациентов с нарциссической личностной структурой в терапии с аналитиком того же пола приобретает чрезвычайно требовательный, агрессивный характер, ослабляю-

щий или исключаящий значительный гомосексуальный контрперенос и связанные с ними сложности. Разумеется, отсутствие сексуального резонанса в контрпереносе у аналитика того же пола с гомосексуальным пациентом, страдающим от сильной нарциссической патологии, также требует исследования на предмет возможной специфической фобической реакции аналитика на собственные гомосексуальные импульсы. Более высокие культурные предубеждения против мужской гомосексуальности означают, к сожалению, вероятность больших проблем с контрпереносом у аналитиков-мужчин.

Исходя из вышеизложенного, мы заключаем, что самыми важными техническими моментами в анализе трансферентной любви являются следующие. Во-первых, принятие аналитиком возникновения у себя гомо- или гетеросексуальных чувств по отношению к пациенту, что требует от аналитика внутренней свободы в использовании своей психологической бисексуальности. Во-вторых, систематическое исследование аналитиком защиты пациента, противостоящих полному выражению трансферентной любви, — исследование, для которого терапевту необходимо балансировать между фобическим нежеланием изучать эти защиты и риском агрессивного соблазняющего вторжения. В-третьих, способность аналитика полностью исследовать как выражения трансферентной любви пациента, так и его неизбежно следующие за этим реакции на фрустрацию трансферентной любви. Таким образом, с моей точки зрения, аналитику следует воздерживаться от сообщения своего контрпереноса пациенту с тем, чтобы обеспечить себе внутреннюю свободу в исследовании своих чувств и фантазий, а также интегрировать достигнутое им понимание своего контрпереноса с интерпретациями переноса в терминах бессознательных конфликтов пациента.

Переживание пациентом “отвержения” аналитиком как подтверждения запретов на эдиповы желания, как нарциссического унижения и как своей сексуальной неполноценности и кастрации должно исследоваться и интерпретироваться. При соблюдении этих условий в терапии периодически будет разворачиваться свободное и открытое выражение трансферентной любви, как эдиповой, так и доэдиповой. Сила выражения этой любви типичным образом меняется в соответствии с тем, что эмоциональный рост в сексуальной жизни пациента способствует успешности его или ее усилий к установлению более удовлетворяющих отношений во внешней реальности.

Аналитик должен приходить к согласию не только с собственными бисексуальными наклонностями по мере того, как они активизируются в эротическом контрпереносе, но также и с другими полиморфными перверзивными инфантильными стремлениями, такими как садистические и вуайеристические импликации интерпретирующих исследований сексуальной жизни пациента. Вероятно, верным является также и то, что чем более удовлетворительна сексуальная жизнь самого аналитика, тем в большей степени он способен помочь пациенту разрешить запреты и ограничения в этой существенной сфере человеческого опыта. Я уверен, что, несмотря на проблематичные стороны трансферентной любви, тот уникальный опыт ее анализа, который позволяет получить психоаналитическая работа, делая ее своей временной мишенью, может способствовать эмоциональному и профессиональному росту аналитика.

Клиническая иллюстрация

Мисс А. — одинокая женщина примерно тридцати лет — обратилась ко мне по рекомендации своего лечащего врача в связи с хронической депрессией, злоупотреблением алкоголем и различными транквилизаторами, хаотической жизнью, нестабильностью на работе и в отношениях с мужчинами. Я уже ссылаясь на другие моменты ее терапии (см. главу 5). Мисс А. произвела на меня впечатление интеллигентной, теплой и достаточно привлекательной женщины, но несколько небрежной, невнимательной к себе и своему внешнему виду. Она успешно закончила обучение в области архитектуры и успела поработать в нескольких архитектурных компаниях, часто меняя места работы, — как я постепенно выяснил, в основном из-за неудачных романов с коллегами-мужчинами. Она имела склонность смешивать работу и личные отношения, разрушая и то, и другое.

Мать пациентки умерла, когда мисс А. исполнилось шесть лет. Отец мисс А. был видным бизнесменом с международными связями, которые требовали частых командировок. Во время этих поездок мисс А. и два ее старших брата оставались на попечении второй жены отца, с которой мисс А. не ладила. Свою мать мисс А. описывала в идеализированных и несколько нереалистичных тонах. Ее эмоциональное оплакивание матери перешло в стойкое враждеб-

ное отношение к мачехе, на которой отец женился через год после смерти первой жены. Отношения с отцом, которые до этого были превосходными, также ухудшились. Он считал неоправданной враждебность дочери по отношению к своей новой жене.

В подростковые годы мисс А. сопровождала отца в его заокеанских поездках, что вроде бы вполне удовлетворяло мачеху, которая могла оставаться дома и продолжать свою светскую жизнь. Мисс А. училась в средней школе, когда обнаружила любовные связи отца с другими женщинами и поняла, что эти связи являлись основным его занятием во время заграничных поездок. Мисс А. стала наперсницей отца, и то, что он доверял ей, волновало ее и делало счастливой. Менее осознаваемым чувством было переживание триумфа над мачехой.

В годы учебы в колледже у нее сформировался тот поведенческий паттерн, который и сохранялся вплоть до начала терапии. Она влюблялась, впадала в сильнейшую зависимость и подчинение, начинала цепляться за мужчину и неизменно бывала брошена. На это она реагировала глубокой депрессией, для преодоления которой стала прибегать к алкоголю и легким транквилизаторам. По мере того, как за ней закреплялась репутация “слабачки”, ее статус в элитарной социальной группе, к которой она принадлежала, постепенно падал. Когда очередной несчастный роман усложнился нежелательной беременностью и последующим абортom, ее отец проявил беспокойство, что и побудило врача мисс А. направить ее ко мне.

Диагностически я определил мисс А. как преимущественно мазохистическую личность с характерологической депрессией и симптоматической алкогольной и лекарственной зависимостью. Мисс А. сохраняла хорошие отношения с несколькими подругами в течение многих лет, она была способна эффективно работать до тех пор, пока не завязывала роман на работе, и в целом производила впечатление честного, небезразличного к себе человека, способного к установлению глубоких объектных отношений. Я рекомендовал ей психоанализ, и описываемое ниже происходило на третьем-четвертом году терапии.

В течение некоторого времени у мисс А. был роман с женатым мужчиной, Б., недвусмысленно дававшим ей понять, что не собирается оставлять свою жену ради нее. Однако он предложил ей родить от него ребенка и выразил готовность оказывать ей финансовую поддержку. Мисс А. лелеяла надежду, что ее беременность

укрепит их отношения и в конце концов консолидирует их союз. Она неоднократно описывала мне свои переживания с Б., показывавшие его как садистического, лживого и ненадежного человека, и с горечью жаловалась на него. Когда я спросил, как же она понимает эти отношения, которые описывает в таких терминах, мисс А. обвинила меня в стараниях разрушить то, что считала самыми значимыми отношениями в своей жизни, а также в нетерпеливости, доминировании и морализировании.

Постепенно стало ясно, что пациентка воспринимает меня как не помогающую, критичную, не понимающую и не сочувствующую отцовскую фигуру — точно так же, как реального отца с его заботой о ней. В то же время она повторяла в переносе мазохистский паттерн отношений. Я не мог не обратить внимание на то, что она в мельчайших подробностях описывала все свои ссоры и сложности с любовником, но никогда не рассказывала об интимных моментах отношений, кроме периодических замечаний о том, что они прекрасно провели время в постели. Почему-то мне не удавалось исследовать в терапии это расхождение между ее общей открытостью и сдержанностью в одной конкретной области. Лишь постепенно я стал осознавать, что не решаюсь интересоваться ее сексуальной жизнью вследствие своей фантазии, что она тут же интерпретирует это как соблазняющее вторжение. Я почувствовал в себе своеобразную реакцию контрпереноса, но еще не вполне понимал ее.

Исследуя функции ее бесконечного повторения одного и того же садомазохистского паттерна в отношениях с мистером Б., я обнаружил, что пациентка боится моей ревности к интенсивности этих отношений. Мои интерпретации — о том, что она воспроизводит со мной фрустрирующие и саморазрушающие отношения, которые переживает с мистером Б., — мисс А. воспринимала как предложение эротического подчинения мне. После этого я смог понять мое прежнее колебание как интуитивное ощущение ее подозрений по поводу моих намерений соблазнить ее. Я пришел к выводу, что она боялась делиться со мной подробностями своей сексуальной жизни, поскольку считала, что я хочу использовать ее сексуально и вызвать у нее сексуальные чувства ко мне.

Должен добавить, что все это происходило в выраженно неэротической атмосфере; на этом этапе терапии моменты спокойной рефлексии то и дело наступали буквально посреди гневных вспышек ярости, адресованной любовнику или мне, из-за моей предполагаемой нетерпимости к ее отношениям с ним. Затем пациен-

тка начала исследовать сексуальные аспекты отношений с Б. Я узнал, что, хотя с самого начала мисс А. с готовностью участвовала в любых сексуальных играх и действиях, которые предлагал Б., и ее сексуальное подчинение доставляло ему особое удовольствие, она не способна была достичь оргазма во время коитуса, испытывая с ним ту же сексуальную скованность, что и со многими предыдущими любовниками. Лишь когда один из этих любовников, придя в ярость, начал ее бить, она смогла достичь полного сексуального возбуждения и оргазма.

Эта информация прояснила один аспект ее зависимого, цепляющегося и в то же время провокативного поведения с Б. — ее бессознательные усилия спровоцировать его на то, чтобы он ее ударил и она могла бы достичь полного сексуального удовлетворения. Злоупотребление алкоголем и транквилизаторами выступило как средство предъявлять себя импульсивной, неконтролируемой, требовательной и недовольной, в противоположность ее обычной мягкости и покорности. Таким образом она одновременно провоцировала мужчин на насилие, дающее ей возможность сексуального удовлетворения, и делала себя непривлекательной для них. В ретроспективе злоупотребление алкоголем выступало как одно из объяснений ее неизменного отвержения мужчинами. Однако постепенно как главная динамика проявилось бессознательное чувство вины из-за эдиповых импликаций этих отношений.

Анализ этого материала ускорил разрыв с Б.: мисс А. стала обнаруживать меньше регрессивной требовательности и больше реализма, конфронтируя Б. с проявлениями его непоследовательности в отношениях с ней. Когда Б. был поставлен перед выбором, связанным с будущим их отношений, он решил положить им конец. В последующий период печали по этому поводу у мисс А. впервые возникли осознанные эротические чувства по отношению ко мне. Подозревавшая меня в намерениях сексуально соблазнить ее и видевшая во мне копию лицемерного, моралистичного и сексуально беспорядочного отца, мисс А. теперь стала воспринимать меня как очень отличающегося от ее отца. В ее теперешнем представлении я был идеализированным, любящим, оберегающим, но также и сексуально отзывчивым мужчиной, и она довольно свободно выражала эротические чувства ко мне, в которых нежность соединялась с сексуальными фантазиями и желаниями. Я, в свою очередь, воспринимавший ее прежде как незамысловатую простушку, стал испытывать во время сессий эротические контртрансферент-

ные фантазии, сопровождавшиеся мыслями о странности того, что такая привлекательная женщина не способна поддерживать постоянные отношения с мужчиной.

В период этой видимой свободы выражения своих фантазий о любовных отношениях со мной — в них она воображала преимущественно садомазохистские сексуальные взаимодействия — мисс А. также стала чрезвычайно чувствительна к малейшим фрустрациям во время сессий. Если ей приходилось подождать несколько минут, если встречу нужно было перенести на другое время, если по каким-то причинам я не мог согласиться на изменение, которого она требовала, мисс А. чувствовала себя травмированной — сначала впадала в депрессию, а потом очень сердилась. Униженная тем, что я не иду навстречу ее сексуальным желаниям, она обвиняла меня в черствости, холодности и садистически соблазняющем поведении. Образы беззаботных отношений отца с различными женщинами за границей, когда он использовал свою дочь, чтобы оградить себя от подозрений второй жены, стали значительной темой в терапии: я выступал теперь таким же соблазняющим и ненадежным, как отец, и предавал ее в своих “беззаботных” отношениях с другими пациентами и коллегами-женщинами.

Мощный эффект этих упреков, ее обвинительная, самоуничтожительная и гневная позиция, воспроизведение ее трудностей в отношениях с мужчинами и вскрытие прежде вытесненного аспекта ее отношений с отцом вызвали также смещение в моем контрпереносе. Парадоксальным образом, я почувствовал большую свободу в исследовании собственных контртрансферентных фантазий, варьиовавших от сексуальных взаимодействий, воспроизводящих ее садомазохистские фантазии, до картин того, каково было бы жить с такой женщиной, как мисс А. Мои фантазии о садомазохистских сексуальных взаимодействиях воспроизводили также агрессивное поведение мужчин по отношению к ней, которое она бессознательно в них провоцировала. Мои фантазии в конце концов вылились в ясное осознание того, что она упорно провоцирует ситуации, фрустрирующие ее потребность в зависимости и приводящие к взаимным обвинениям с последующими проявлениями насилия и открытыми демонстрациями подавленности и ярости. Она будет выступать в качестве моей жертвы, что неизбежно разрушит наши отношения.

По мере того, как я использовал этот контртрансферентный материал в своей интерпретации явлений переноса, для меня ста-

новилося ясным глибоке чувство вини мисс А. по поводу сексуалізованих аспектів відносин з мною. В протилежність старим сновидінням на чувство відкинутості і приниженості з-за того, що я не відповідаю на її любов, тепер вона відчула спокій, вину і огорчення з того, що намагалася спокусити мене, і представляла ідеалізований образ моєї жінки (о якій не мала абсолютно ніякої інформації, в тому числі і о її існуванні). Ретроспективно я осознав, що моє спротивлення дослідженню фантазій в контрпереносі не дало мені послідовати за ними в напрямку, в якому проявилася б мазохістська аутодеструктивність еротических бажань мисс А. по відношенню до мене. Оглядаючись назад, я можу сказати, що моя бессознательная контр-ідентифікація з її спокушаючим батьком перешкодила мені вільно досліджувати свій еротический контрперенос і таким чином більш чітко осознати мазохістську модель в переносі. Мені здається, що і моє спротивлення бессознательным садомазохістическим імпульсам в моїх ролевих реакціях по відношенню до мисс А. також зіграло свою роль. В подальшому домінуючою темою аналізу стали сексуальні фантазії мисс А. об батьку, її минуле сприйняття його як дразняче-провокуючого і одночасно сексуально відкидаючого.

В контексті нашого дослідження глибокого почуття вини, в якому ідеалізований образ моєї жінки з'єднувався з ідеалізованим образом її матері, мисс А. осознала, що вона захищалася від цих переживань вини за допомогою розщеплення образу матері на ідеалізований образ спокійної матері і на лякаючий і обесценований образ мачехи, репрезентуємий суперницями, іншими жінками в житті її чоловіків, які ніколи не належали тільки їй одній. Це осознання також допомогло прояснити її бессознательний вибір "неможливих" чоловіків і неосознаний заборона на отримання повного сексуального задоволення інакше як за умов фізичного або психічного страждання.

В кінці кінців мисс А. вдалося встановити відносини з людиною, який в багатьох відношеннях задовольняв її більше, ніж старі кохані. В той час він не був пов'язаний ні з якою іншою жінкою і належав до її соціального кола (з якого вона відчувала себе вигнанною в результаті безладного образу життя). Наступав тривалий період аналізу, коли ми досліджували її фантазії і страхі в розвиваючихся відносинах з К. Вона

могла подробно рассказывать об их сексуальных отношениях, и мы исследовали как ее чувство вины по отношению ко мне, вызванное оставлением меня как объекта любви, так и ее чувство победы надо мной благодаря сексуальным отношениям, которые, в ее фантазии, были более удовлетворительными, чем любые другие, какие могли бы у меня быть. Иными словами, удовлетворительные любовные отношения во внешней реальности также помогли проработке в переносе процесса оплакивания отношений со мной, воспроизводившего оплакивание прежних отношений и установление новых в амбивалентных отношениях с отцом.

9. МАЗОХИСТИЧЕСКАЯ ПАТОЛОГИЯ

Мазохизм. Общий обзор

С моей точки зрения, к мазохизму относится широкий спектр феноменов, как нормальных, так и патологических, имеющих общее качество аутодеструктивности и получения сознательного или бессознательного удовольствия от страдания. Границы этой области нечетки. На одном полюсе мы обнаруживаем столь мощную саморазрушительность, что самоустранение или устранение самоосознания является ведущей мотивирующей силой (Грин (1983) называл это “нарциссизмом смерти”), так что мазохистическая психопатология плавно переходит в психопатологию примитивной и тяжелой агрессии.

На другом конце спектра здоровая способность жертвовать собой за семью, других или за идеал, воплощающая сублиматорные функции исходящей от Супер-Эго готовности к страданию, не может быть сочтена патологической. Наша продолжительная инфантильная зависимость и обязательная интернализованная родительская власть во время растянутого детства и подросткового возраста делают почти невозможным формирование Супер-Эго, которое не включало бы мазохистские компоненты, то есть существуют некоторая бессознательно мотивированная потребность к страданиям и ее основные движущие механизмы.

Между этими двумя полюсами располагается широкий спектр мазохистической психопатологии, общие элементы которого сосредоточены вокруг бессознательных конфликтов, связанных с сексуальностью и Супер-Эго. Моральный мазохизм требует платы за получение удовольствия: в отношениях между Я и интроектом Супер-Эго происходит трансформация страдания в эротическое удовольствие, интеграция агрессии внутри любви. В соответствии с бессознательным чувством вины, страдать по воле наказующего интроекта означает возвращать себе любовь объекта и единство с ним; таким путем агрессия ассимилируется любовью. Та же динамика присутствует в сексуальном мазохизме как специфической

перверсии: необходимое для сексуального удовлетворения переживание боли, подчинения и унижения является бессознательным наказанием за запретные эдиповы аспекты генитальной сексуальности.

Мазохизм как часть полиморфной перверсивной инфантильной сексуальности составляет, как мы видели, ключевой аспект сексуального возбуждения, в основе которого лежит потенциально эротическая реакция на переживание дискретной физической боли и символическое превращение этой способности (то есть трансформации боли в сексуальное возбуждение) в способность растворять, или интегрировать, ненависть в любви (Кернберг, 1991). Как подчеркнули Брауншвейг и Фейн (1971, 1975), первоначально объект сексуального желания — это дразнящий объект, это чувственно стимулирующая и фрустрирующая мать; а эротическое возбуждение вместе с его агрессивным компонентом представляет собой базисную реакцию на желаемый, фрустрирующий и возбуждающий объект.

В оптимальных обстоятельствах связанные с болью аспекты эротического возбуждения трансформируются в удовольствие, усиливая сексуальное возбуждение и ощущение близости с эротическим объектом. Интернализация эротического объекта, объекта желания, включает также и требования, предъявляемые этим объектам как условия сохранения любви. Основная бессознательная фантазия может быть выражена следующим образом: “Ты причиняешь мне боль — это часть твоего ответа на мое желание. Я принимаю боль как часть твоей любви — она скрепляет нашу близость. Испытывая наслаждение от причиненной тобой боли, я уподобляюсь тебе”. Требования со стороны объекта также могут быть трансформированы в неосознаваемый моральный кодекс, находящий выражение в базисной бессознательной фантазии, которая может быть выражена примерно так: “Я принимаю твое наказание — оно должно быть справедливо уже потому, что исходит от тебя. Я заслуживаю его тем, что удерживаю твою любовь, и в страдании я сохраняю тебя и твою любовь”. Агрессивные импликации боли (агрессия, исходящая от желаемого объекта или приписываемая ему, и гневная реакция на боль) таким образом переплетены или сплавлены с любовью как неотъемлемая часть эротического возбуждения — это подчеркивали Брауншвейг и Фейн (1971) и Столлер (1991a) — и как часть “моральной защиты”, описанной Фэйрберном (1954).

В качестве иллюстрации может быть рассмотрен случай одной сорокалетней женщины с депрессивно-мазохистической личност-

ной структурой. В процессе психоанализа она после многих лет брака сумела избавиться от неспособности достигать оргазма со своим мужем. На одной из сессий у пациентки появилась фантазия в переносе: она приходит на сессию, полностью раздевается, а я так впечатлен ее грудью и гениталиями, что становлюсь полным рабом ее желаний, сексуально возбуждаюсь, и у нас происходит половой акт. И тогда она, в свою очередь, готова стать моей рабыней, пренебречь всеми своими обязательствами и следовать за мной.

Единственная дочь строгой матери, нетерпимой к любым проявлениям сексуальности, и сердечно относившегося к ней, но в то же время дистанцированного отца, который подолгу не бывал дома, она мгновенно осознала связь между своим желанием сексуальных отношений со мной и своим бунтом против матери, выраженным в желании отобрать у нее отца. Делая меня рабом, она одновременно удовлетворяла свое желание полного принятия мною ее гениталий и ее сексуальности и наказывала меня за предпочтение других женщин (ее матери). Предлагая себя в качестве рабыни, она искупала свою вину. Кроме того, пациентка переживала отыгрывание фантазии рабства как возбуждающее выражение агрессии, при котором она могла не опасаться ее блокирующего эффекта в отношении сексуального удовольствия. Напротив, она знала, что эта агрессия усилит удовлетворенность полной близости и слияния благодаря реципрокности позиций раб-хозяин. После этой сессии она впервые в жизни попросила своего мужа в процессе сексуального акта сильно сдавить ей соски; он сделал это, придя в сильное сексуальное возбуждение, и в свою очередь позволил ей расцарапать ему спину до крови, и они впервые вместе пережили мощный оргазм.

Когда мы анализировали этот опыт, у пациентки возникла фантазия о муже как о голодном, фрустрированном младенце, кусающем груди своей матери, и о себе как о могущественной, понимающей, дающей матери, которая в состоянии удовлетворить его нужды, терпя его агрессию. Одновременно она ощущала себя сексуальной женщиной, находящейся в отношениях с мужем-младенцем, — который, таким образом, отнюдь не является грозным отцом, — а также мстящей отцу, покинувшему ее, и мужу, причинившему ей боль, заставляя последнего, в свою очередь, истекать кровью. И пациентка чувствовала: когда она царапает и одновременно крепко обнимает мужа, их слияние усиливается, так же как усиливается ее ощущение возможности своего участия в его оргазме, а его — в своем оргазме. Эта женщина, приближавшаяся к

завершению курса психоанализа, была способна сформулировать важные аспекты нормального сексуального возбуждения и эротического желания.

Слиянию с объектом желания, однако, способствует не только сильное эротическое возбуждение и любовь, но также интенсивная боль и ненависть, как предположил Якобсон (1971). Когда взаимодействие с матерью носит хронически агрессивный — насильственный, фрустрирующий, провоцирующий характер, интенсивная физическая или психическая боль младенца не может быть интегрирована в нормальную эротическую реакцию или, хотя и садистические, но защищающие и внушающие доверие предшественники Супер-Эго, и потому эта боль непосредственно трансформируется в агрессию. Основывая свое предположение на исследованиях Столлера (1975а), Фрейберга (1982), Галенсона (1983, 1988), Херцога (1983) и других, Гроссман (1986, 1991) считает, что чрезмерная боль трансформируется в агрессию и чрезмерная агрессия искажает развитие всех психических структур и препятствует проработке агрессии через фантазии, что является противоположным их непосредственному проявлению в поведении. Вслед за Андрэ Грином (1986) можно также сказать, что чрезмерная агрессия ограничивает сферу бессознательного психического опыта первичной соматизацией и отреагированием (acting out).

В экстремальных случаях чрезмерная агрессия находит выражение в примитивной аутодеструктивности. Тяжелые заболевания в раннем возрасте, сопровождающиеся продолжительной болью, физическое или сексуальное насилие, хронически травмирующие и хаотические отношения с родительским объектом — все это может вести к тяжелой деструктивности и аутодеструктивности, порождающей синдром злокачественного нарциссизма (Кернберг, 1992). Этот синдром характеризуется патологически грандиозным Я, пропитанным агрессией, обусловленной слиянием Я с садистическим объектом. Соответствующая фантазия может быть описана следующим образом: “Я — наедине с моими страхом, яростью и болью. Становясь единым целым со своим мучителем, я могу защитить себя путем разрушения себя или своего самосознания. Теперь мне уже не нужно бояться боли или смерти: причиняя их себе или другим, я приобретаю превосходство над всеми остальными, навлекаящими на себя эти беды или страшящимися их”.

В менее экстремальных случаях садистический объект может быть интернализирован в целостное, однако садистическое Супер-Эго, слияние с которым отражается в морально оправдываемом желании

разрушить себя. Эта ситуация может приводить к иллюзорному убеждению в собственной “плохости”, характерному для психотической депрессии, к стремлению уничтожить фантазийное плохое Я и неосознаваемой фантазии воссоединения с любимым объектом посредством самопожертвования. При еще менее тяжелых обстоятельствах мазохистические страдания могут создавать ощущение нравственного превосходства; тип пациентов, который можно назвать “копилкой несправедливостей”, репрезентирует это более умеренное компромиссное образование морального мазохизма.

Не только Супер-Эго впитывает агрессию в форме интернализации наказующего, но все-таки нужного объекта желаний: эротический мазохизм также может “контейнировать” агрессию, причем не в обычных садо-мазохистических аспектах сексуального возбуждения, а в своеобразии сексуального возбуждения, связанного с полным подчинением объекту желания и стремлением быть униженным этим объектом. Мазохизм как ограничительная, жертвенная сексуальная практика трансформирует, таким образом, обычную полиморфную перверсивную инфантильную сексуальность в “парафилию”, или перверсию в строгом смысле этого слова. К тому же в этом случае мазохизм, интернализируя садистический объект, способствует ограждению психического развития от генерализованного насыщения Супер-Эго агрессией. Похоже, что эти два вида психической организации формируются отдельно друг от друга в случаях, когда физическое или сексуальное злоупотребление или насилие было относительно ограниченным, или при инцесте, имевшем место в контексте других, сравнительно нормальных объектных отношений, или когда наказание само по себе носило эротическую окраску при избиении и подобных взаимодействиях.

Ранняя сексуальная перверсия может впоследствии быть усилена защитами от кастрационной тревоги и бессознательного чувства вины, проистекающих из более поздних эдиповых конфликтов, и в конечном счете “контейнировать” эти конфликты. Однако господство жесткого, но хорошо интегрированного Супер-Эго, интернализирующего репрессивную сексуальную мораль, может способствовать трансформации раннего сексуального мазохизма в моральный мазохизм, на символическом уровне преобразуя сексуальную боль, подчинение и унижение в психическое страдание, подчинение Супер-Эго и отреагирование бессознательного чувства вины в унижении или самоуничижительном поведении.

Таким образом, я описал три уровня психической организации, на которых примитивная мощная агрессия инкорпорируется в пси-

хический аппарат: примитивная самодеструктивность, эротический мазохизм и моральный мазохизм. На каждом из этих уровней вторичные нарциссические разработки мазохистических тенденций способствуют рационализированию и вторичным защитах пациента по отношению к характерологическим, поведенческим манифестациям этих мазохистических паттернов.

Примитивная агрессия в оптимальном случае интегрируется как садомазохистический элемент эротического возбуждения; в несколько менее благоприятном варианте она контейнируется мазохистической перверсией, не обязательно “загрязняя” при этом общую структуру характера, что могло бы быть следствием дальнейшего патологического развития Супер-Эго. Однако если эротический мазохизм и даже мазохистическая перверсия не могут выполнить эту “контейнирующую” функцию, человек оказывается предрасположен к моральному мазохизму. Но и моральный мазохизм сам по себе, присутствуя в контексте чрезвычайно жесткой, но хорошо интегрированной структуры Супер-Эго, может ограничивать аутодеструктивное воздействие мазохизма — по сути, контейнировать его. Если же чрезмерная агрессия из примитивной аутодеструктивности выливается вначале в сексуальную перверсию, а затем в садомазохистическое личностное развитие, то она может порождать самые тяжелые случаи садомазохистической личности, в которых соединены воедино сексуальная перверсия, тяжелая нарциссическая патология и садомазохистические личностные черты со значительной аутодеструктивностью.

Мазохизм у мужчин и женщин

Как и все сексуальные перверсии, мазохизм чаще встречается у мужчин, чем у женщин (Баумайстер 1989). Термином “перверсия” я обозначаю необходимую и исключительную организацию сексуального поведения с доминированием частичного инстинктивного влечения. Данные эмпирических исследований, полученных в США и Европе, сильно варьируют (Кинси и др., 1953; Грин и Грин, 1974; Хант, 1974; Шпенглер, 1977; Скотт, 1983; Вейнберг и Каммель, 1983; Баумайстер, 1989; Арндт, 1991). Что касается Соединенных Штатов, то, согласно этим данным, примерно 5—10% взрослого населения привычно практикуют тот или иной род мазохистической сексуальной активности. Несомненно, имеются культурные

различия в отношении распространенности мазохизма как перверсии в целом, а также его доминирующих форм.

Между мужчинами и женщинами существуют как сходство, так и отличия в сексуальных мазохистских фантазиях и проявлениях. Необходимым условием оргазма у мужчины являются фантазии и сексуальная активность, отражающие стремление к тому, чтобы быть подчиняемым, поддразниваемым, возбуждаемым, принуждаемым к повиновению могущественной жестокой женщиной. У женщины фантазии и активность связаны с унижением в результате демонстрации себя другим и изнасилования сильным, опасным, незнакомым мужчиной. Баумайстер (1989) сообщает, что мужской мазохизм обычно сопряжен с большей болью и страданием и с большим акцентом на унижении, неверности сексуального партнера, участии пубрики и трансвестизме. В противоположность этому, женский мазохизм чаще связан с болью менее сильной, с наказанием в контексте интимных отношений, сексуальных проявлений как унижения и с пассивными зрителями. Мужской мазохизм обычно достигает кульминации в оргазме вне генитального акта, в то время как женский мазохизм обычно получает кульминацию в генитальном сексе, хотя не обязательно завершается оргазмом.

Психоаналитический подход помогает прояснить эти различия: на эдиповом уровне центральные движущие силы сексуального мазохизма, так же как и перверсий в целом, включают интенсивную кастрационную тревогу, связанную с мощными агрессивными аспектами эдиповых конфликтов (которые могут также включать значительную доэдипову агрессию) и защитной акцентуацией прегенитальной сексуальности как ограждения от опасности кастрации. Предположительно, относительно большая частота сексуальных перверсий у мужчин обусловлена большей интенсивностью кастрационной тревоги. МакДугал (в личной беседе) привлек внимание к более примитивному и диффузному характеру кастрационной тревоги у женщин — к их бессознательному страху общей телесной деструкции — как к главному динамическому фактору, который объясняет их различные защитные структуры от кастрационной тревоги.

Шассге-Смиржель (1984b) рассматривает перверсии у пациентов с пограничной патологией как соединение доэдиповой агрессии с эдипово-обусловленной кастрационной тревогой. Доэдипова агрессия путем проекции усиливает кастрационную тревогу эдипова происхождения. Шассге-Смиржель особо указала на регрессию к аналь-

ной сексуальности как лежащую в основе бессознательного отрицания различий между поколениями и полами, защитной идеализации перверсий, обесценивания генитального акта и общей деградированности объектных отношений.

Принадлежащие Шассге-Смиржель (1970, 1984b), а также Брауншвейгу и Фейну (1971) описания развития эдиповой ситуации у мальчиков и у девочек дают более специфические объяснения различий в характере фантазий при мужском и женском мазохизме. Для мужчины доминирование со стороны могущественной женщины воплощает фантазии маленького мальчика об отношениях с могущественной и подавляющей матерью, одновременно служа искуплением вины за эдипово преступление и нарциссическую фантазию о том, что его маленький пенис столь же способен удовлетворить мать, что и пенис отца. Трансвеститные фантазии и проявления в мужском мазохизме — типичный “феминный мазохизм” у мужчин — одновременно символизируют и отрицают кастрационную тревогу. У женщин бессознательная фантазия о предпочтении в качестве сексуального объекта могущественным, дистанцированным, потенциально угрожающим и в то же время соблазняющим отцом соединяется с искуплением вины благодаря принуждению, сексуальному унижению и оставлению. У обоих полов мазохистические сценарии акцентируют дразнящий, провокативный характер фрустрирующих и стимулирующих сексуальных взаимодействий — базовую динамику сексуального возбуждения, восходящую к эротическому качеству отношений мать-младенец (Брауншвейг и Фейн, 1971, 1975). Этот аспект поддразнивания может проявляться непосредственно в отношениях к женщинам согласно мужским мазохистическим сценариям. Мазохистические сценарии женщин, связанные с образом отца, могут также нести отпечаток мазохистических отношений с матерью.

Если мазохизм как сексуальная перверсия больше присущ мужчинам, в отношении морального мазохизма не обнаружено такого перевеса в ту или иную сторону. Причины могут заключаться в психодинамических и социальных факторах. Мне кажется разумным предположение о том, что патерналистская культура стимулирует характерологический мазохизм у женщин и садистические компоненты сексуальности у мужчин, толкая, таким образом, к сексуализации мазохизма у мужчин, но укрепляя его трансформацию в характерологические паттерны у женщин. Как отмечено феминистски настроенными авторами (Томпсон, 1942; Митчелл, 1974; Бенджамин, 1986) по поводу отношений подчинения, важно от-

личать объективное угнетение от бессознательного удовольствия, хотя один фактор может дополнять другой. Объективный гнет может деформировать паттерны получения удовольствия. Культурные установки могут, например, усиливать садистические паттерны у женщин с маскулинной идентификацией: культурные стереотипы доступны для использования в гендерных фантазиях. К тому же идеология может быть утилизирована для рационализации бессознательных истоков структуры характера.

Клинические характеристики депрессивно-мазохистической личности (Кернберг, 1992) могут быть обнаружены как у мужчин, так и у женщин, но обычно они стабильно проявляются в разных жизненных ситуациях. По моим наблюдениям, мазохистические любовные отношения встречаются чаще у женщин, чем у мужчин, но мазохистическое подчинение в рабочих отношениях, возможно, чаще встречается у мужчин. Я думаю, что терапевты-мужчины могут зачастую недооценивать степень отыгрывания мазохистических паттернов подчиненного поведения у мужчин на работе. Опять же, следует различать объективно присутствующую дискриминацию женщин в профессиональном отношении и широко распространенную культурно-адаптивную подчиненность мужчин авторитету и власти. Следует добавить, что если глубоко исследовать позиции мужчин в любовных отношениях, то за социально-адаптивным “садистическим” фасадом начнут вырисовываться значительные бессознательные мазохистические компоненты. Исследование отношения женщин к учебе и работе также вскрывает существенные мазохистические элементы, такие, например, как преждевременный отказ от конкуренции и игнорирование возможностей продвижения в карьере.

В ранней психоаналитической литературе — возможно, лучшим примером которой может служить работа Дойча “Психология женщин” (1944—45 гг.), — подчеркивалась более высокая предрасположенность женщин к мазохизму, связываемая с биологическими факторами (такими, как менструации), психологически выраженными в бессознательном допущении кастрации, находящем подтверждение также в болезненности родов. Согласно этим источникам, имеется тесная связь между женственностью и пассивностью и недоразвитием определенных характеристик женского Супер-Эго. Эти ранние взгляды с тех пор получили резко отрицательную оценку (Столлер, 1968; Шассге-Смиртель, 1970; Митчелл, 1974; Шафер, 1974; Блюм, 1976; Шодороу, 1978; Персон, 1983). На повестке дня все еще стоит задача отслеживания влияния на формирование

морального мазохизма культурных стереотипов, адаптации к специфическим социальным и культурным проблемам, идеологических обязательств, бессознательной динамики и биологических predispositions.

Любовные отношения при мазохизме

У женщин с депрессивно-мазохистической личностной организацией мазохистические любовные отношения нередко составляют доминирующую психопатологию. Довольно часто бывает так, что пережитая в подростковом или юношеском возрасте влюбленность в идеализируемого, недоступного, фрустрирующего или глубоко разочаровывающего мужчину накладывает отпечаток на будущую любовную жизнь женщины. Влюбленность в “недоступного” мужчину может приводить либо к романтическим встречам в бесперспективных ситуациях, завершающихся разочарованием, либо к питаемым в течение многих лет романтическим фантазиям о том, что могло бы быть. Влюбленность в недоступного мужчину вообще можно считать нормальным проявлением реактивации эдиповых конфликтов в юности, но для отношений, о которых здесь идет речь, характерно сохранение и в особенности усиление переживания любви именно после того, как выясняется ее безнадежность. В последующих отношениях у этих женщин не наблюдается характерного для нормального развития постепенного преодоления идеализации недоступных мужчин и более реалистичного выбора объектов. Фиксация на травме вынуждает их бесконечно воспроизводить один и тот же опыт.

У женщины с мазохистической психопатологией проявления сексуальных страхов и запретов могут чередоваться с импульсивными сексуальными контактами при неприятных или даже опасных обстоятельствах. Примером может служить пациентка, воспитанная в условиях пуританского и карательного отношения к любому сексуальному опыту и имевшая романы с несколькими мужчинами, в которых она неизменно противилась любой сексуальной близости. Ее первый сексуальный контакт произошел с мужчиной, которого она знала всего одну ночь; его агрессивная и даже потенциально угрожающая манера поведения оказала на нее мощное соблазняющее воздействие.

Мазохистические женщины с хорошо интегрированными функциями Супер-Эго и невротической личностной организацией в

начале своей сексуальной жизни могут испытывать некоторую сексуальную скованность, а затем, порой случайно, им доводится пережить в сексуальном взаимодействии опыт, связанный с особенной болезненностью, унижительностью или подчиненностью, вокруг которого и формируется сексуальная перверсия. Например, когда во время сексуального акта одной пациентки с депрессивно-мазохистической личностной структурой ее любовник, игриво демонстрируя ей свое доминирование, так сильно вывернул ее руку, что боль стала невыносимой, она впервые испытала оргазм при сексуальном акте. Этот опыт положил начало паттерну мазохистических сексуальных отношений: для максимального возбуждения и оргазма ее руки должны были быть скручены за спиной.

И в этом случае имеет место отклонение от нормальной интеграции садомазохистических фантазий и переживаний. Ранний травматический сексуальный опыт может дать начало мазохистическим фантазиям, сопровождающим и стимулирующим сексуальный акт при условии удовлетворяющих любовных отношений и сексуальных взаимодействий. В особенности устойчивы бывают мастурбационные фантазии, что равносильно замкнутому в себе мазохистическому сценарию, порожденному ранней подростковой инициацией в сексуальную жизнь. Дамские романы, эти ориентированные на женщин продукты массовой культуры (столь не похожие на стандартные порнографические романы для мужчин), обычно повествуют об отношениях неопытной молодой женщины со знаменитым, неприступным, непостоянным, привлекательным, но опасным или угрожающим мужчиной, зачастую пользующимся дурной славой. Вопреки всему, после многочисленных разочарований и неудач, после опасностей соперничества с другими, могущественными женщинами, героиня в конце концов оказывается в объятиях этого великого мужчины (чьи положительные качества к тому моменту восстановлены в правах) и теряет сознание на его руках.

Типично мужские фантазии и переживания ранней юности типа “мадонна-проститутка” под влиянием мазохистической психопатологии непомерно разрастаются. Обычно “невозможная любовь” включает в себя крайнюю идеализацию любимой женщины — доступной или недоступной, и связанный с этим запрет препятствует установлению отношений, в то время как сексуальная активность мужчины ограничена мастурбационными фантазиями отношений или самими сексуальными отношениями с обесцененными женщинами, которые могут включать черты садизма, но при этом переживаются как фрустрирующие, постыдные или унижительные.

Идеализация сопровождается скованностью, недостатком напора, бессознательной тенденцией оставлять поле боя сопернику или провоцировать обстоятельства, заранее гарантирующие неуспех.

Как у женщин, так и у мужчин безответное чувство усиливает любовь, вместо того что бы ослаблять ее, как положено при нормальной печали. У мазохистических мужчин и женщин годами можно наблюдать обыкновение влюбляться в “невозможных” людей, чрезмерно подчиняться идеализированному партнеру и именно этой подчиненностью бессознательно подрывать отношения, одновременно отрицая возможность других, более удовлетворяющих отношений.

То, что для женщин более, чем для мужчин, характерны длинные цепочки неудачных романов, часто объясняется ссылками на культурное давление, которое подкрепляет и даже провоцирует и поощряет поведение женщин, заведомо обрекающее их на неудачи, а также на ограничения, вызванные экономической эксплуатацией женщин, нежеланными беременностями и культурным одобрением садистического поведения у мужчин. Все это действительно мощные воздействующие факторы, однако не следует упускать из виду, что у женщин раньше, чем у мужчин, формируется способность устанавливать глубокие объектные отношения в контексте сексуального взаимодействия — способность, которая берет начало в переключении маленькой девочки с матери на отца как объект в начале эдипова периода, когда маленький мальчик, напротив, сохраняет устойчивую привязанность к первоначальному объекту. Женщины раньше мужчин обретают способность быть преданными в любви, и их мазохистические привязанности могут усиливаться от одной к другой.

Четкие ранние отличия в психосексуальном развитии мальчиков и девочек сглаживаются во взрослой жизни. Вероятно, наибольшие различия между мужчинами и женщинами имеют место в поздний юношеский и ранний взрослый периоды, когда женщины должны ассимилировать новое сознание менструации, вынашивания ребенка и материнства, в то время как мужчины — прийти к принятию своей мощной амбивалентности по отношению к матери, неизменному первичному любовному объекту. В любовных отношениях пациентов после тридцати и сорока лет по сравнению с теми, кому еще нет тридцати, лучше видны отличия ситуации мазохистической патологии характера и обычных жизненных перипетий.

Врач, влюбленный в свою красивую и творческую жену-художницу, поощрял ее дружбу с другими художниками (мужского пола),

погружаясь в свою профессиональную деятельность настолько, что эмоциональные нужды жены оказывались все более и более фрустрированы. Когда же она оставила его ради одного из своих друзей-художников, он впал в тяжелую депрессию и был готов сквозь пальцы смотреть на ее романы с другими мужчинами. Аналитическое исследование обнаружило, что неразрешенное чувство вины по поводу сильного соперничества с эдиповым отцом и связанное с этим желание гомосексуально подчиниться ему, побуждало врача бессознательно толкать жену в объятия других мужчин, при этом идентифицируясь с ней. Он интенсивно идеализировал недоступных женщин, служивших для него репрезентацией матери, которая умерла в его раннем детстве, и бессознательно воссоздавал фантазийные отношения с утраченной матерью.

Важно различать преимущественно мазохистические личности с вторичным нарциссическим подкреплением мазохистических моделей и собственно нарциссические личности, промискуитет которых нередко напоминает мазохистические паттерны. Преимущественно нарциссические личности имеют тенденцию идеализировать потенциальных партнеров, когда те кажутся недоступными, и обесценивать их, как только становится ясно, что они доступны; для них представляет огромную трудность терпеть обычные фрустрации и амбивалентности любовных отношений. Мазохистические личности ищут высоко идеализированных, потенциально недоступных партнеров, но они способны к глубоким объектным отношениям, особенно с фрустрирующими и садистическими партнерами. Однако в клинической реальности сложные комбинации затрудняют проведение этой прогностически важной дифференциации на этапе первичного сбора данных (Купер 1988). Когда в процессе психоаналитической терапии нарциссических личностей приходит конец их патологическому грандиозному Я, то они от неконтролируемого сексуального промискуитета могут переходить к установлению мазохистических любовных отношений; в данном случае состояние мазохистической преданности по сравнению с прежней изоляцией может восприниматься как облегчение.

До сих пор я говорил об индивидуальных мазохистических паттернах. Бессознательный сговор партнеров может превратить удовлетворительные отношения в кошмарный сон. Чаще всего происходит так, что взаимная проекция требований и запретов садистического Супер-Эго подкрепляется взаимно провоцирующим вину поведением партнеров, идентифицировавшихся с собственными интроектами садистического Супер-Эго. Один или оба партнера часто имеют

хроническую тенденцию подчиняться невыполнимым требованиям другого, обусловленную иррациональной виной, а затем восставать против этих требований с потенциальным ущербом для самих себя.

Несколько зависимый мужчина был женат на женщине с тяжелым депрессивно-мазохистическим личностным расстройством и характерологической депрессией. Ей ничего не стоило начать переживать, что ее не уважают собственный муж, друзья, родственники, а он приспособливался к ней, пытаясь убеждать друзей и родственников быть особенно тактичными по отношению к ней. В то время как окружающие считали его подкаблучником, сам он винил себя за то, что считал своей неспособностью сделать более приемлемой жизнь своей одаренной и чрезмерно впечатлительной жены. Она же использовала его мотивируемое чувством вины поведение для того, чтобы укрепляться в своем убеждении, что он плохо с ней обращается, и полагала, что злая судьба обрекла ее жить с настоящим бесчувственным чудовищем. Проекция на него своего бессознательного чувства вины временно облегчала ее депрессию. Однако то, что он принимал ее обвинения, служило для нее дополнительным подтверждением ее оскорбленных чувств и питало дальнейшую депрессию. Эта женщина отыгрывала эдипово подчинение по отношению к садистической, провоцирующей вину матери, при этом бессознательно надеясь на спасение могущественным хорошим отцом; примирительное же поведение мужа еще более усиливало ее подчиненность матери.

Мужчина с давним паттерном неудачника на работе и параноической позицией по отношению к власти, авторитетам и начальству — как он считал, источнику его проблем — был женат на сильной, опекающей женщине, которая пожертвовала карьерой, чтобы посвятить себя мужу, чьими достижениями она чрезвычайно восхищалась. Дома он находил безопасное убежище от реальных и воображаемых нападок на работе, а она удовлетворяла свою потребность быть опекающей и дающей. С годами, однако, она не могла не заметить, что муж вносит собственный вклад в трудности, которые он испытывает. Боясь своего раздражения его поведением на работе и чувствуя себя виноватой в несоответствии своему представлению об идеальной жене, она становилась еще более заботливой, при этом все более замыкаясь социально. Он, в свою очередь, становился все более зависимым от нее, находя подтверждение своему убеждению, что мир несправедлив. Он начал злиться на свою возрастающую зависимость, но ему трудно было признаться в этой

злости даже самому себе — настолько он боялся лишиться единственной поддержки. Ее чувство вины по поводу собственной неадекватности и его страх дать выход своей фрустрации постепенно нарастали. Жена, пытаясь справиться с усиливающейся тревогой, начала злоупотреблять лекарственными препаратами, и это в конце концов привело их в терапию.

Еще один распространенный стереотип — то, что можно назвать “мазохистическими сделками”: индивид или пара бессознательно жертвует важной жизненной сферой ради успеха и удовлетворения во всех остальных. Эта игра в русскую рулетку с судьбой, приводящая к вовлечению в угрожающие ситуации, в которых могут быть разрушены фундаментальные жизненные ожидания, — еще одна форма отыгрывания глубинных мазохистических потребностей.

В русскую рулетку можно играть и нападая на любимого человека и таким образом провоцируя отрицание со стороны объекта любви, при этом надеясь, что любовь все же победит. Интеллигентная, напряженно работающая, творческая, привлекательная женщина была замужем за человеком с аналогичными качествами. Ее муж — пробивающий свою дорогу молодой профессионал с неразрешенными проблемами отношения к власти, с тенденцией бросать вызов тем, кого воспринимал как доминирующие отцовские фигуры и “прятаться под крылом” сильных, опекающих женщин. Он был сыном преуспевающего, вызывавшего восхищение, но эмоционально недоступного отца, с которым он, по своему бессознательному ощущению, не мог конкурировать. Его жена была дочерью доминантной, деспотичной, склонной к ипохондрии, глубоко неудовлетворенной женщины, обращавшейся с мужем как с рабом и бесцеремонно вмешивавшейся в жизнь всех своих уже обзаведшихся собственными семьями детей; пациентка бессознательно воспроизводила подобное поведение в отношениях с собственным мужем.

Она критиковала его за “чрезмерную” преданность работе и недостаточное внимание к ее нуждам; он реагировал на ее критику то мотивированным виной поведением, то длительными отлучками из дома, воспроизводящими недоступность его отца. Она бессознательно воссоздавала атмосферу напряжения и хаоса, присущую ее родительскому дому, а он, бессознательно чувствуя себя потерпевшим поражение, поскольку не мог конкурировать с успешным отцом, вел себя бессознательно покорным образом. Терапевтическое вмешательство произошло как раз перед опасным срывом в их

отношениях, который, по сути, должен был соответствовать мазохистическому подчинению женщины ее собственной интернализированной матери и символически подтверждать его эдипово поражение.

Идеологическая рационализация мазохистических выборов имеет важную функцию “увековечивания” садомазохистических отношений. Моральное самоутверждение или даже чувство превосходства, обусловленное сохранением отношений с садистическим, но “стоящим ниже” партнером, например, супругом с алкогольной зависимостью или принадлежащим к гонимому меньшинству, либо рационализацией сохранения нестерпимых отношений “ради детей”, может быть вкладом в защитную систему. Эту ситуацию необходимо дифференцировать от ситуации объективных социальных или экономических ограничений, не позволяющих супругу, с которым плохо обращаются, ликвидировать непереносимые отношения.

Использование детей для оправдания сохранения выражено мазохистических отношений — ситуация, аналогичная откладыванию беременности до тех пор, когда она становится невозможной уже по биологическим причинам. Эта последняя ситуация служит значимым центром, вокруг которого концентрируются многие мазохистические паттерны. Женщина, которой удавалось бессознательно рационализировать отсрочку замужества и рождения ребенка до достижения почти пятидесяти лет, может впоследствии сформировать вторичную идеологическую систему, согласно которой то, что она не может иметь ребенка, оправдывает ее “несчастность” на всю оставшуюся жизнь.

Формирование совместной системы ценностей, цементирующей союз партнеров и обеспечивающей им свободу от конвенциональных культурных установок, может быть наполнено идеологическими схемами, рационализирующими мазохистическое развитие их отношений. И традиционный конвенциональный взгляд на задачи женщин как ограниченные “детьми, церковью и кухней”, и идеология освобождения женщин в равной мере могут быть поставлены на службу мазохистическим тенденциям. Женщина может, например, отвергнуть стереотипы женственности и вместе с ними — уход за своей внешностью, или может с бессознательно поразительной целью рационализировать враждебную провокативность по отношению к мужчинам. Реальный прошлый опыт пребывания в роли жертвы — например, физического насилия или incesta — на поверхностном уровне нередко обуславливает ощущение неких своих прав, а на более глубоком — идентификацию с агрессором, интер-

нализованным в Супер-Эго, в результате чего ситуация дурного обращения воссоздается снова и снова, и позиция жертвы становится постоянной.

Особенности переноса

Среди множества способов раскрытия мазохистической патологии в процессе аналитической терапии существуют распространенные варианты ее развертывания в переносе, описанные ниже. Ранняя идеализация аналитика может быть характерна для пациента, фокусирующегося на внешнем, плохом, преследующем объекте, с последующей неспособностью покинуть этот плохой объект или противостоять ему. Типичной является ситуация мужчины, вовлеченного в отношения с женщиной, которую он описывает как хронически фрустрирующую, обесценивающую, провоцирующую, эксгибиционистичную, но которую он не в состоянии оставить, несмотря на очевидные бессознательные корни подобного положения дел. Опыт показывает, что такой пациент рано или поздно начинает сетовать на неспособность аналитика помочь ему или принимается обвинять его в попытках разрушить потенциально хорошие отношения! Таким образом, идеализированный аналитик превращается в преследующий объект.

Интерпретация такого развития переноса может обнажить значительную мазохистическую патологию, вскрывая бессознательную потребность пациента трансформировать потенциально полезные отношения в плохие по той причине, что для него нестерпимо быть объектом помощи. Это отражает бессознательное чувство вины и мазохистические истоки смещения ненависти от считающегося “абсолютно плохим” объекта на “абсолютно хороший”. Часто на более глубинном уровне такой перенос позволяет исследовать мстительную агрессию по отношению к прошлому “абсолютно хорошему” объекту, в котором пациент нуждался, но который его фрустрировал. Другие черты этого переноса — бессознательная идентификация с агрессором, о которой свидетельствует защита пациентом прошлых объектных отношений, и тайная удовлетворенность чувством морального превосходства, которое доставляет позиция страдающей жертвы.

Негативные терапевтические реакции, обусловленные бессознательным чувством вины, типичны при терапии пациентов с тяже-

лым мазохизмом. Например, одна пациентка воспринимала меня как критичного, нетерпеливого и властного именно тогда, когда находилась под угрозой действия собственных пораженческих паттернов поведения, а я пытался интерпретировать ее соблазн разрушить возникшие перед ней перспективные возможности, будучи озабочен саморазрушительными процессами, порождаемыми ею в собственной жизни. Та же самая пациентка воспринимала меня как теплого и понимающего человека, когда она ссылалась на свое саморазрушительное поведение, а я воздерживался от интерпретаций. В конце концов я смог прояснить и интерпретировать ее бессознательные усилия создать такую ситуацию в переносе, когда бы она рассказывала мне об ужасных событиях в своей жизни, а я тепло и эмпатично ее слушал, не будучи в состоянии помочь, таким образом вступая в скрытый сговор с ее саморазрушительностью. При попытке же помочь ей она бы незамедлительно восприняла меня как атакующего врага. В переносе она бессознательно пыталась трансформировать меня в завистливый и садистический материнский интроект.

Некоторые мазохистические пациенты способны порождать в аналитике яркие фантазии спасения, “соблазняя” его на попытки помочь им только для того, чтобы продемонстрировать, насколько неправильна или бесполезна эта помощь. Как уже упоминалось в главе 8, такие попытки соблазнения могут сексуализироваться и в контрпереносе отражаться как фантазии спасения, имеющие мощный эротический компонент.

Пациенты с мазохистической личностной организацией могут неявно отказываться предоставлять полную информацию о собственном вкладе в свои трудности, защищая таким образом свое мазохистическое отреагирование. В этом случае аналитик также оказывается в позиции, когда он воспринимается пациентом как симпатизирующий ему, до тех пор, пока не пытается объективно оценить ситуацию, — тогда его тут же гневно обвиняют в переходе на сторону врага. Важно донести до пациента в интерпретации тот факт, что он бессознательно ставит аналитика в положение, когда тот обречен фрустрировать его нужды.

Некоторые мазохистические пациенты настаивают на том, что им становится хуже, что терапия вредит им, но в то же время они отказываются рассмотреть возможность того, что аналитик действительно не в состоянии помочь им, и разумно было бы обратиться за посторонней консультацией или подыскать другого терапевта.

Некоторые из таких пациентов упорно твердят, что они согласны на “этого терапевта или никакого”, только на эту терапию или на самоубийство, ясно обнаруживая свою фиксацию на текущем терапевтическом опыте как вредной, хронически травматической ситуации — фиксацию на “абсолютно плохом” внутреннем объекте, спроецированном на аналитика. В контрпереносе аналитик может чувствовать стремление прекратить терапию данного пациента; поэтому крайне важно, чтобы это контртрансферентное желание вылилось в систематический анализ поведения пациента в переносе, направленного на провоцирование аналитика.

При работе с пациентами с организованной мазохистической перверсией одной из ранних задач терапии является анализ защитных аспектов идеализации ими своего сексуального мазохизма. В бессознательном значении перверсии и ее отражения в переносе мы нередко обнаруживаем псевдоидеализацию как сексуального мазохизма, так и аналитика. Такая псевдоидеализация на бессознательном уровне отражает замещение генитального пениса анальным, фекальным пенисом, регрессию из эдипова мира объектных отношений в анальный и соответствующий “как бы” (as it) оттенок переноса, обусловленный отрицанием эдиповых конфликтов, описанным Шассге-Смиржель (1948б; 1991). В данной ситуации особое внимание следует обратить на “как бы” аспекты ассоциативного материала и переноса — динамику, в особенности прослеживающуюся у мужчин. У женщин за мазохистическими фантазиями изнасилования мужчинами-садистами мы часто обнаруживаем неосознаваемый образ вторгающейся, фаллической матери. Неудивительно, что женщины с мазохистической личностной организацией склонны поддаваться соблазну вступить в деструктивные сексуальные отношения с неэтичными терапевтами, что еще более осложняет их терапию у последующих терапевтов. Женщины с нарциссической личностной организацией могут стремиться к соблазнению терапевта как свидетельству окончательного триумфа над ним.

Чувство близости, даже слияния, при взаимодействии с объективно опасным, садистическим объектом в контексте садомазохистического сценария как существенного аспекта сексуальных взаимодействий обычно указывает на тяжелую доэдипову травматизацию и фиксацию на необходимом, но травмирующем объекте. Пациенты с подобной динамикой развивают сильный, относительно мало эротизированный садомазохистический перенос, в противоположность пациентам со значительной эротизацией переноса, чьи

садомазохистические фантазии отражают бессознательную реактивацию первичной сцены, соответствующей продвинутой эдиповой стадии. Фантазийная идентификация с обоими родителями в сексуальном акте и мазохистическое искупление вины, связанной с эдиповым триумфом, может соединяться с нарциссической фантазией двуполости, когда нет нужды вступать в пугающие зависимые отношения с каким-либо объектом. Это весьма распространенная динамика у нарциссических пациентов.

В более ранней работе (1992) я сообщал о своем опыте психоаналитической терапии некоторых пациентов с тяжелым садомазохистическим переносом, которые, казалось, отвергали любые попытки интерпретации в течение многих месяцев. Основной чертой их переноса были постоянные обвинения меня в якобы разочаровывающем, агрессивном, вторгающемся, холодном или обесценивающем поведении по отношению к ним, при отсутствии какой-либо возможности прояснить фантастический или преувеличенный характер этих претензий. Это является выражением тяжелой регрессии в переносе у неограниченных или непсихотических в обычной ситуации пациентов. После кропотливого изучения каждого случая, который, в восприятии пациента, оправдывал подобные обвинения, я по-прежнему не в состоянии был что-либо доказать, прежде всего потому, что с очевидностью невозможно было связать эти переживания с их предшественниками в прошлом. Тогда я решил конфронттировать пациентов со своим полным несогласием с их мнением о моем дурном обращении с ними. Одновременно я подчеркивал, что моим намерением было не убедить их в правильности моей позиции, а выявить несовместимость нашего восприятия реальности в определенных точках, чтобы сделать ее объектом аналитического исследования. Такой подход позволил мне постепенно обозначить то, что можно назвать истинной потерей чувства реальности в переносе, “психотическим ядром” переноса, и возвести эту несовместимость наших реальностей к ее генетическим предшественникам. Разумеется, такой путь требует от аналитика в критические моменты терапии тщательного отслеживания своей позиции в контрпереносе.

10. НАРЦИССИЗМ

Нарциссическая психопатология в парах имеет множество вариаций. Одна пара сознательно стремится поддерживать в глазах окружающих нереалистичный образ своих отношений как картину полного взаимного удовлетворения. Другая пара бессознательно заключает молчаливый договор, в соответствии с которым один партнер безжалостно эксплуатирует другого. Психоаналитическое исследование показывает, что при союзе типичного нарциссического партнера с мазохистическим их поведение не обязательно точно соответствует характеру патологии каждого. В целом можно сказать, что бессознательная идентификация партнера с собственными диссоциированными и спроецированными аспектами в сочетании с взаимной индукцией комплементарных ролей путем проективной идентификации нередко приводит к такому распределению ролей в паре, которое производит ложное впечатление о психопатологии каждого партнера.

Например, бесцеремонная эгоцентрическая эксплуатация мужем жены может отражать его серьезную нарциссическую психопатологию и стремление быть жертвой своей жены. Однако исследование сознательных и бессознательных взаимодействий пары может раскрыть, что она бессознательно провоцирует его и проецирует на него собственное садистическое Супер-Эго. Глубина и верность своим обязательствам, характеризующие мужа в отношениях с другими, говорят в пользу скорее инфантилизма, чем нарциссической патологии. Таким образом, нам приходится иметь дело с двумя проблемами: нарциссической психопатологией у одного или обоих партнеров и “взаимообменом” личностными аспектами, в результате которого в паре возникают патологические отношения, не соответствующие индивидуальной патологии каждого из партнеров.

Характеристика нарциссических любовных отношений

Психоаналитическое исследование любовных отношений нарциссических личностей можно начать со сравнения пар, в которых один или оба партнера страдают нарциссическим личностным расстройством, и пар без таких признаков. Человек с непатологическим нарциссизмом способен влюбиться и поддерживать любовные отношения в течение длительного периода. При наиболее тяжелых случаях нарциссизма индивидуум не способен влюбиться — это патогномонический признак патологического нарциссизма. И даже нарциссическая личность, способная испытывать влюбленность в течение короткого времени, существенно отличается от индивидов с нормальной способностью влюбляться.

Если нарциссический индивидуум влюблен, идеализация им объекта любви может фокусироваться на физической красоте как предмете восхищения, на власти, богатстве, славе как достойных восхищения и бессознательно инкорпорируемых в собственное Я атрибутах.

Эдипов резонанс, характерный для всех любовных отношений, побуждает нарциссическую личность вследствие глубокой фрустрации и обиды, идущих из прошлого, бессознательно стремиться к отношениям, управляемым агрессией не в меньшей или даже в большей степени, чем любовью, из-за глубокой фрустрации и гневной обиды в прошлых отношениях. Это прошлое в фантазии должно быть магически преодолено сексуальным удовлетворением от нового объекта. Эдипово соперничество, ревность и небезопасность соединяются с доэдиповой агрессией, смещенной в эдипову сферу. Нарциссические пациенты обнаруживают бессознательный страх перед любовным объектом, обусловленный спроецированной агрессией; кроме того, для них характерен разительный недостаток внутренней свободы, которая позволяла бы интересоваться личностью другого. Их сексуальное возбуждение находится под властью бессознательной зависти к другому полу, глубокой обиды из-за дразнящего отказа в раннем удовлетворении, жадности и ненасытности, надежды присвоить себе то, в чем им было отказано прежде, чтобы избавиться наконец от томительной тяги к этому.

Для нарциссического партнера жизнь протекает в изоляции. Перспектива зависимости от другого внушает страх, поскольку является признанием одновременно зависти и благодарности за зави-

симость; соответственно, зависимость замещается преисполненной чувства правоты требовательностью или переживанием фрустрации, когда требования не выполняются. Обиды нарастают и цементируются, так что их трудно растворить моментами близости; легче разрешить их путем отщепления различных аспектов переживаний друг от друга, поддерживая душевный мир ценой фрагментации отношений. При наихудшем сценарии возникает удушающее чувство несвободы и преследования со стороны другого. Непризнаваемые и неприемлемые аспекты Я проецируются на партнера ради сохранения Я-идеала. Бессознательное провоцирование партнера на то, чтобы вести себя согласно спроецированным на него аспектам Я, находит соответствие в напаках на него и его отрицании — благо, он воспринимается таким искаженным образом.

Символическая инкорпорация вызывающих восхищение качеств другого нередко служит источником нарциссического удовлетворения (gratification): нарциссическая женщина, вышедшая замуж за уважаемого в обществе человека, может постоянно купаться в лучах его известности, когда они находятся на публике. Однако в приватной обстановке это не мешает ей испытывать невыносимую скуку вдобавок к бессознательным конфликтам, связанным с завистью. Отсутствие совместных ценностей препятствует открытию сферы новых интересов, которые стали бы источником нового взгляда на мир или другие отношения. Отсутствие любопытства по отношению друг к другу и соответствующая ситуация, когда непосредственное поведение каждого должно прежде всего вызывать ответную реакцию, а вовсе не восприниматься как отражение интереса к внутренней реальности другого, является центральной проблемой нарциссизма, обусловленной глубинной диффузией идентичности и недостатком способности к глубокой эмпатии по отношению к другим, и это закрывает путь к пониманию жизни другого. Источники удовлетворения явно недостаточны, вследствие чего доминирующее место занимают скука, невозможность контейнировать возникающий гнев, хроническая фрустрация и переживание отношений как тюрьмы. Все это дополняется неизбежной активизацией бессознательных конфликтов из прошлого, а также прорывом фрустрации и агрессии в интимные отношения пары. В сексуальной сфере бессознательная зависть к другому самым драматичным образом трансформирует идеализацию тела другого в его обесценивание, способствует превращению сексуального удовлетворения в переживание успеха оккупации и инкорпорации друго-

го, уничтожает богатство примитивных объектных отношений, активизируемых в нормальной полиморфной перверзивной сексуальности, и выливается в скуку.

Может возникнуть вопрос, действительно ли нарциссическая личность способна любить только себя. С моей точки зрения (1984), дилемма состоит не в том, происходит ли вложение в Я- или в объект-репрезентацию, иначе говоря, в Я-репрезентацию как противоположную объект-репрезентации. Вопрос в том, какого рода Я инвестируется — способность интегрировать любовь и ненависть “под управлением любви” или патологическое грандиозное Я. Лапланш (1976), комментируя эссе Фрейда (1914) о нарциссизме, высказал мысль, что анаклитическая и нарциссическая любовь предполагает объектные отношения. И, как отметил ван дер Ваалс (1965), дело не в том, что “нарцисс” любит только себя и никого больше, а в том, что он любит себя так же плохо, как и другого.

Рассмотрим взаимодействие нарциссических и объектно ориентированных аспектов обычных любовных отношений. Иными словами, зададимся вопросом: как в стабильных любовных отношениях удовлетворение Я связано с удовольствием от другого и внутренними обязательствами перед ним? Поскольку выбранный нами партнер отражает наш идеал, наши влюбленность и любовь имеют явно “нарциссический” оттенок. И поскольку присутствует сознательное и бессознательное стремление дополнить себя — начиная восторгом и удовлетворением от того, что другой принимает и даже наслаждается в нас тем, что мы сами в себе не принимали, и заканчивая преодолением ограничений собственного пола в “бисексуальном” единстве с партнером, — это дополнение обслуживает “нарциссические” цели. В то же время, поскольку другой обеспечивает удовлетворение как потребностей в привязанности, так и эдиповых потребностей, и вознаграждает благодарностью за то, что получает сам, любовные отношения, несомненно, являются “объектно-ориентированными”. В них присутствуют альтруистические черты, по-разному соединяющие в себе эгоцентризм и самопожертвование, преданность другому и самоудовлетворение. Можно сделать вывод, что нормальный нарциссизм и объектная ориентированность дополняют друг друга.

Применительно к клинической практике то, о чем я сказал, предполагает необходимость отдельно рассматривать поведенческий паттерн, в котором стабилизировались или “законсервировались” отношения в паре, и структуру личности каждого партнера. Нар-

цисическое личностное расстройство у одного из партнеров, без сомнения, накладывает отпечаток на отношения, и в некоторых случаях разрешение глубокого, длительного супружеского конфликта требует модификации личностной структуры одного или обоих партнеров. Чаще, однако, разрешение патологического взаимодействия с помощью психоанализа и психотерапии — либо разделения и развода — обнаруживает, в какой мере то, что выглядело нарциссической патологией у одного или обоих партнеров, было результатом бессознательного взаимного молчаливого согласия на эксплуатацию и выражение агрессии, порожденного другими конфликтами.

Два случая из клинической практики

В первом случае речь идет о неярко выраженном, но перманентном конфликте между мужем, имеющим на первый взгляд нарциссическую, а в действительности обсессивно-компульсивную личностную структуру, и женой с депрессивно-мазохистическими личностными чертами. Муж производил впечатление холодного, дистанцированного и безразличного к нуждам жены, она же молча страдала от его чрезмерных ожиданий. Он был сыном гиперопекающей нарциссической матери, чья озабоченность порядком, а также опасностью инфекций и физических заболеваний была доминирующим фактором его детства, и добродушного отца, предоставившего матери вести домашнее хозяйство. Самого пациента очень привлекала теплота и спокойный характер жены, а некоторая беспорядочность ее действий забавляла и успокаивала. Она — дочь властной, но беспорядочной и невнимательной матери и ласкового, но часто отсутствующего отца — была приятно поражена тем, какое внимание уделяет муж порядку и чистоте. Но после нескольких лет брака оказалось, что навязчивая потребность мужа в порядке и чистоте возросла параллельно неряшливости жены. Она резко обвиняла его в том, что он перегружает ее всякими делами, пренебрегая при этом собственными обязанностями, а он ее — в том, что она раздражает своим небрежным отношением к ведению хозяйства.

Постепенно конфронтация сошла на нет — муж “сдался”. Однако, отстранившись, он бессознательно способствовал безалаберности жены. Постепенно он изолировал от нее свои интересы и свои личные вещи и замкнулся, воспринимая ее при этом как без-

различную и невнимательную к нему и одновременно испытывая вину за свое пренебрежение ею. Позднее, в процессе психоаналитической терапии, обнаружилось, что он обижен на нее как на равнодушную мать, одновременно бессознательно идентифицируясь с собственным отцом, который предоставил матери управлять домом. В результате он ограничивал возможности своего влияния и удовлетворенности в том, что во многих отношениях могло бы быть очень удовлетворительным браком. Его жена, в свою очередь, все более воспринимала его как холодного, безразличного и сосредоточенного на себе человека, а себя — как жертву традиционно-патриархального супруга.

В ходе индивидуальной психоаналитической терапии и исследования супружеского конфликта, проводившегося параллельно другим терапевтом в рамках кратковременной психоаналитической терапии, их бессознательный сговор стал очевиден. Понимание этого скрытого соглашения привело к моментальному исчезновению того, что первоначально казалось тяжелыми нарциссическими отклонениями мужа и выраженными мазохистическими чертами у жены.

Во втором случае речь идет о ходе психоаналитической терапии у мужчины с тяжелой нарциссической патологией, обратившегося ко мне в связи с тем, что он не мог сохранять отношения с женщинами, удовлетворявшими его как эмоционально, так и сексуально. М-р Л. — преуспевающий архитектор чуть старше сорока лет — трижды был женат и трижды развелся, при этом бывших жен вспоминал как преданных ему, привлекательных и умных. Надо сказать, что со всеми тремя женщинами у него сложились удовлетворительные сексуальные отношения до брака. Женившись, он полностью терял к ним сексуальный интерес. Супружеские отношения превращались в некую братско-сестринскую дружбу, неудовлетворительную для обоих партнеров, что в конце концов приводило к разводу. М-р Л. не хотел детей; он боялся, что они нарушат стиль его жизни и лишат его свободы.

Благодаря профессиональному положению и административным навыкам м-ра Л. у него оставалось много времени на бесконечные поиски нового опыта с женщинами. Этот опыт был двух родов: сексуальный, получаемый в отношениях интенсивных, но кратковременных в силу быстрой потери интереса к партнерше, и платонические или преимущественно платонические отношения, когда женщина выступала в качестве доверенного лица, или советчицы, или друга.

На ранней стадии терапии в течение многих месяцев на первом плане оставалась мощная защита м-ра Л. от углубления отношений переноса, лишь постепенно проясненная как защита от бессознательной зависти к аналитику — женатому мужчине, который мог наслаждаться отношениями, удовлетворительными и эмоционально, и сексуально. Во время сессий м-р Л. постоянно насмехался над своими женатыми в течение многих лет друзьями и над тем, что он воспринимал как их нелепые попытки убедить его в счастье их брака. Он с торжеством описывал мне все свои сексуальные подвиги, но лишь для того, чтобы неизменно вновь погрузиться в отчаяние по поводу своей неспособности сохранять сексуальные отношения с женщиной, значимой для него эмоционально. В такие моменты он бывал очень склонен прервать терапию, потому что она не помогала ему разрешить эту проблему. Постепенно он осознал, что, с одной стороны, желал бы, чтобы у меня не было аналогичной проблемы, а с другой — что мысль о моих хороших супружеских отношениях вызывает у него переживания неполноценности и унижения. И тогда он стал более спокойно переносить свое сознательное чувство зависти ко мне.

Постепенно возраставшее принятие этой зависти приблизило его отношения со мной в переносе к его отношениям с друзьями-мужчинами — “чисто мужским”, честным и преданным, — находившимся в резком контрасте с идеей, лежащей в основе отношений с женщинами: о том, что их нужно использовать сексуально и затем быстро от них ускользнуть, потому что иначе они станут стремиться эксплуатировать и контролировать. Гомосексуальные фантазии в переносе теперь отражали его ощущение, что доверять можно только мужчинам. Возник образ агрессивной и эксплуатирующей женщины. Еще позже возобновившаяся тенденция сравнивать себя со мной приняла форму фантазий, что у меня есть дети, по отношению к которым я являюсь дающим и опекающим отцом, в то время как для него существует опасность никогда не иметь детей.

Первые за период терапии он стал эмоционально проживать элементы своего прошлого — воспоминания о постоянной борьбе между родителями, свое ощущение их неизменно подозрительного отношения друг к другу, свои многочисленные и тщетные попытки быть посредником между ними. Две старшие сестры м-ра Л. давно прервали отношения с родителями. Он один продолжал заботиться об их нуждах, пытался разрешать их ссоры, вовлекался в яростные словесные перепалки и обвинения, включавшие всех троих.

Рассказы м-ра Л. оставляли впечатление, что ни один из родителей никогда не был способен и даже не помышлял проявлять интерес к нему. Его первоначальная позиция бравады и обесценивания людей, занимающихся пустой “психологической болтовней”, теперь сменилась растущим осознанием детской и юношеской фрустрации его потребностей во внимании и уважении. Стало ясно, что он подозревал меня в желании, чтобы он женился и таким образом продемонстрировал мое превосходство как терапевта, что он никогда не верил в то, что целью терапии было помочь ему найти собственные решения.

В этом контексте стало происходить следующее: м-р Л. чрезвычайно заинтересовался молодой женщиной — архитектором, чье поведение вызвало иронические комментарии в профессиональном кругу. Однако м-р Л. вступил с ней в сексуальные отношения, которые он находил глубоко удовлетворительными. Он описывал мисс Ф. как агрессивную, своевольную, непостоянную в своих ожиданиях и требованиях и столь открыто контролирующую и манипулятивную, что это вызывало у него уверенность: она не пытается его эксплуатировать. В течение последующих нескольких месяцев поведение мисс Ф. по отношению к нему невероятно напоминало позицию матери м-ра Л. в прошлом. М-р Л. утверждал, что не любит мисс Ф., и совершенно открыто сказал ей, что не чувствует по отношению к ней ничего, кроме чрезвычайной удовлетворенности их сексуальными отношениями. Безразличие мисс Ф. к его заявлению вызвало у меня (но не у м-ра Л.) вопрос: не является ли она мазохистичной либо попросту расчетливой? Мои попытки интерпретаций в переносе на тему возможных защит м-ра Л. от подобной же озабоченности по поводу мисс Ф. позволили ему постепенно осознать, насколько сильно он наслаждается садистичностью своих отношений с мисс Ф. и тем, что она принимает это. Он также признал: ощущение, что он полностью контролирует их отношения, сильно возбуждает его — пусть даже она пытается манипулировать им.

Далее в терапии появилась новая тема — фантазии м-ра Л. о том, что если он действительно захочет вновь жениться и иметь собственных детей, это будет началом его старения и смерти; что лишь образ жизни плейбоя — беззаботный секс и отсутствие ответственности — является гарантией вечной молодости. Теперь предметом аналитического исследования стал его юношеский образ, в котором он предьявлял себя на сессии (чрезмерно и почти неподобаю-

ще молодежная манера одеваться и вести себя); он обозначился как попытка защиты от переживания обреченности на смерть, связанного с представлением о взрослости. Как прояснила серия относительно связанных сновидений, у него постепенно сформировалась фантазия о том, что он мог бы иметь детей от женщин, находящихся замужем за кем-то другим, или от таких, которые после развода с ним позволяли бы ему лишь эпизодические контакты с детьми.

Теперь мы проводили время в исследовании его страха, с одной стороны, перед агрессивными, фрустрирующими, доминантными и манипулятивными женщинами, и с другой — перед тем, что он не сможет стать лучше своего изолированного и дистантного отца, находившегося под каблуком у жены (и сопутствующего отчаяния по поводу своей неспособности конкурировать со мной — идеализированной версией недоступной отцовской фигуры). Во внезапном отреагировании вовне м-р Л. решил жениться на мисс Ф. Вскоре после замужества она забеременела. Их отношения продолжали оставаться беспокойными и хаотичными, но теперь, впервые в жизни, он был полностью вовлечен в отношения без внутренних побуждений к сексуальным связям с другими женщинами. Он сам был изумлен таким развитием событий и в ретроспективе осознал, что одной из его фантазий было еще раз вступить в несчастливый и неудачный брак, который он мог потом мне предъявить в подтверждение провала нашей аналитической работы, а заодно и моей неудачи как эдипова отца. Однако в то же время его решимость иметь ребенка носила характер эдиповой конкуренции, хоть и отыгрываемой в контексте брака, очень напоминающего родительский.

Больше всего в его отношениях с женой поражало то, что он, первоначально обращавшийся с ней довольно пренебрежительно и обесценивающе, теперь странным образом стал вести себя с ней подчиненно, хотя и подозревал ее в желании развестись с ним, чтобы получить контроль над частью его имущества. Да и сам м-р Л. был изумлен, что он, прежде независимый, жизнерадостный и успешный плейбой, теперь оказался в столь большой степени под властью женщины, которую его друзья считали агрессивной и инфантильной. То есть м-р Л. воссоздал отношения между своими родителями, сменив таким образом сексуальный промискуитет на садомазохистические отношения, стойко остававшиеся сексуально удовлетворяющими и эмоционально насыщенными.

На аналитических сессиях м-р Л. выказывал изумление этой переменной и постепенно приходил к осознанию того, что, если бы он действительно думал, что жена любит его, то был бы готов довериться ей и посвятить ей свою жизнь. Эдипова вина (связанная с установлением более удовлетворительных отношений с женщиной, чем получились у его родителей) в соединении с виной по поводу ранних садистических импульсов по отношению к фрустрирующей и недоступной матери, теперь стали главной темой аналитических сессий.

Все происходило так, как если бы его всемогущий контроль, проявлявшийся в поведении по отношению к женщинам, был делегирован его жене и отыгрывался ею, а его нарциссическая обособленность уступила место регрессии в детскую недовольную зависимость. Властные тенденции в поведении жены, проявлявшиеся и до их брака, теперь неимоверно возросли, бессознательно подогреваемые его провокативным поведением, — индуцированием путем проективной идентификации в ней его матери. Тщательная проработка сдвига к более глубокому уровню регрессии в переносе, где он воспринимал меня как могущественного, угрожающего, садистического эдипова отца, в конце концов позволила ему преодолеть свою мазохистическую подчиненность жене, когда он перестал испытывать страх перед утверждением себя в качестве взрослого мужчины. В итоге он сумел нормализовать отношения, и их садомазохистические паттерны взаимодействия постепенно утратили свою значимость: он стал способен сочетать сексуальные и нежные чувства в стабильных супружеских отношениях.

Динамика нарциссической патологии

Чаще всего нарциссическая личность сама отыгрывает свое патологическое грандиозное Я, одновременно проецируя обесцененную часть Я на партнера, чье безграничное восхищение подтверждает это грандиозное Я. Реже нарциссическая личность проецирует патологическое грандиозное Я на партнера, отыгрывая отношения между этим грандиозным Я и его спроецированным отражением. Партнер в таких случаях — всего лишь средство для воплощения отношений между аспектами Я. В типичных случаях идеализированный партнер и его “придаток”, или сателлит этого идеального объекта, в реальных отыгрываниях или в фантазии составляют пару

или же формируют бессознательное “отражение”, в котором каждый партнер воспроизводит другого. Они могут также, дополняя друг друга, совместно воссоздавать фантазийное и утраченное грандиозное идеальное целое.

При рассмотрении существенных динамик, лежащих в основе таких защитных маневров, мы обнаруживаем, что особую важность в бессознательных конфликтах имеет зависть доэдипова происхождения — специфическая форма гнева и обиды по отношению к необходимому объекту, переживаемому как фрустрирующий и отказывающий, не дающий. Так желаемое становится одновременно источником страдания. Как реакция на это страдание развивается сознательное или бессознательное стремление к тому, чтобы разрушить, испортить, захватить силой то необходимое, в чем отказывают, — именно то, что вызывает наибольшее восхищение и является наиболее желанным. Трагедия нарциссической личности состоит в том, что агрессивное присвоение и алчный захват того, что является предметом отрицания и зависти, не ведет к удовлетворению, поскольку бессознательная ненависть к желаемому портит его, когда оно присваивается; в результате субъект неизменно испытывает опустошение и фрустрацию.

Таким же образом, поскольку ценность того, что может дать другой, является источником зависти, зависимость от объекта любви неприемлема и должна отрицаться; нарциссическая личность больше нуждается в восхищении, чем в любви со стороны другого. Восхищение другого поддерживает и подтверждает самоуважение, самоидеализацию патологического грандиозного Я. Восхищение других служит заменой защитных и регулирующих самооценку функций, нарушенных вследствие ослабленности и искаженности Супер-Эго, в особенности — Эго-идеала.

Нарциссические личности нуждаются в восхищении и бессознательно вымогают имеющиеся у другого ресурсы восхищения — это их мстительная защита от зависти. Проецируя те же потребности на партнера, они опасаются, что их будут эксплуатировать и “ограбят”, лишив того, что они имеют. Поэтому зависимость партнера непереносима для них. Обычную обоюдность в человеческих отношениях они переживают как эксплуатацию и захват. Вследствие конфликтов, связанных с бессознательной завистью, они не в состоянии испытывать благодарность за получаемое от другого, способности которого безвозмездно отдавать они могут завидовать. Недостаток чувства благодарности препятствует развитию умения ценить полученную любовь.

В тяжелых случаях обесценивание других претерпевает регрессивную “анализацию” (Шассге-Смиртель, 1984b, 1989) — регрессирует к бессознательному стремлению символически трансформировать всю любовь и все ценности в экскременты, что может приводить к бессознательному отрицанию различий между полами и поколениями (всякие различия отрицаются и обесцениваются), направленному на избегание зависти к другому полу или к другим поколениям. Бессознательная зависть к эдиповой паре может лежать в основе зависти к брачному партнеру; потребность разрушить пару порождается в большей мере примитивной агрессией по отношению к эдиповой паре, чем эдиповой виной. То, что бессознательная ненависть и зависть к хорошим отношениям в родительской паре может превращаться в деструктивные устремления, направленные против собственного функционирования индивидуума как части пары, — одна из наиболее драматических характеристик нарциссической патологии.

Обычно эти бессознательные конфликты могут быть прослежены в прошлое вплоть до ранней патологии материнско-детских отношений. Оральная агрессия, вызванная, спровоцированная или подкрепленная холодной и отвергающей либо отвергающей и гиперстимулирующей матерью, резко выраженным и постоянным ранним пренебрежением, эксплуатацией со стороны нарциссической матери, игнорирующей эмоциональные потребности и внутреннюю жизнь своего младенца, — эта оральная агрессия, вдобавок вторично подкрепленная конфликтами с отцом или отсутствием его компенсирующей доступности, — нередко является источником интенсивной зависти и ненависти по отношению к матери, в конечном счете оказывающих влияние на бессознательное отношение к обоим родителям, и порождает патологически мощную зависть к любовным отношениям в эдиповой паре.

У мужчин, у которых ранние отношения с матерью продолжают окрашивать их отношения с женщинами на всем протяжении жизни, патологическая ненависть и зависть к женщинам может стать мощной бессознательной силой, интенсифицирующей их эдиповы конфликты. Они нередко воспринимают мать как сексуально провоцирующую, соблазняющую и отказывающую — ранние оральные фрустрации трансформировались у них в своего рода (проецируемую) сексуальную агрессию. Этот образ матери как соблазнительницы, в свою очередь, усиливает агрессивные компоненты сексуального возбуждения и способствует диссоциации эротического

возбуждения и нежности. Эти мужчины переживают сексуальное стремление к женщине как повторение раннего соблазнения со стороны матери и потому бессознательно ненавидят объект своего желания. Ненависть может разрушать способность к сексуальному возбуждению и приводить к подавлению сексуальности. В менее тяжелых случаях защитная идеализация сексуальной привлекательности женщины ведет к усиленному поиску сексуальной стимуляции, возбуждения и удовлетворения, за которыми неизменно следует бессознательное отравление сексуального переживания, обесценивание идеализированной женщины и скука. Мощная защитная идеализация женщин и их быстрое обесценивание как сексуальных объектов может выливаться в сексуальный промискуитет.

Из этих динамических факторов берет начало широкий спектр сексуальных патологий. У некоторых нарциссических мужчин наблюдаются жесткие сексуальные запреты, страх отвержения и осмеяния женщинами, связанный с проецированием на женщин собственной бессознательной ненависти к ним. Этот страх перед женщинами может также порождать сильное отвращение к женским гениталиям, в котором доэдипова зависть соединяется с эдиповым восприятием кастрации. Возможно также полное расщепление: одни женщины идеализируются и какие-либо сексуальные чувства к ним отрицаются, другие воспринимаются как чисто генитальные объекты, с которыми благодаря отсутствию нежности и романтической идеализации возможна полная сексуальная свобода и наслаждение. Это приводит к обрекающему на внутренний провал обесцениванию сексуальной близости и бесконечному поиску новых сексуальных партнеров.

Некоторые нарциссические мужчины способны испытывать нежность в отношениях с женщинами, от которых зависят, поскольку они бессознательно обесценивают их как сексуальных партнеров. Примечательно, что импотенция у нарциссических мужчин с жесткими запретами, со страхом перед женщинами, может являться непосредственным выражением этого страха. Когда в процессе терапии страх ослабевает, они впадают в сексуальный промискуитет. Таким образом они отыгрывают вовне и поиск отношений, в которых их любят, и потребность отделить этот поиск от своей бессознательной агрессии по отношению к женщинам. В противоположность этому, нарциссические мужчины, для которых сексуальный промискуитет был характерен с ранней юности, часто дают картину постепенного ухудшения своей сексуальной жизни, по мере того как

в краткие периоды страстной влюбленности вновь и вновь происходит крушение защитной идеализации женщины. Их новые сексуальные встречи все больше выглядят повторениями предыдущих; эрозия защитной идеализации и накопившееся разочарование в сексуальной стороне жизни могут вызывать вторичное ухудшение сексуальной жизни и импотенцию, что приводит их в терапию после сорока—пятидесяти лет.

И женщины, и мужчины с нарциссической личностной организацией часто имеют бессознательную фантазию одновременной принадлежности к обоим полам, отрицая тем самым внутреннюю необходимость завидовать другому полу (Розенфельд, 1964, 1971, 1975; Грюнбергер, 1971). Эти фантазии ведут к разнообразным путям поиска сексуальных партнеров. Некоторые нарциссические мужчины ищут женщин, бессознательно репрезентирующих зеркально отраженный образ их Я — “гетеросексуальных близнецов”, — бессознательно дополняя себя гениталиями и соответствующими психологическими аспектами другого пола, чтобы не испытывать необходимости принять реальность другой, автономной личности. В некоторых случаях, однако, бессознательная зависть к гениталиям другого пола вызывает обесценивание порождающих ее сексуальных характеристик, провоцирующих зависть, и приводит к асексуальным близнецовым отношениям. Это может быть деструктивным, поскольку несет с собой жесткие сексуальные запреты.

Иногда бессознательное желание обладать чертами обоих полов является источником отношений с партнером, бессознательно обесцененным во всех аспектах, за исключением его или ее сексуальной комплементарности для пациента. Физически привлекательные нарциссические пациенты обоего пола с сильной потребностью в восхищении со стороны других могут выбирать уродливых партнеров, оттеняющих их собственную привлекательность. Другие избирают “близнеца” таким образом, что появление на людях красивой пары неизменно позволяет удовлетворять нарциссические нужды. Мужчина, который выбирает женщину, вызывающую зависть других мужчин, может обеспечить удовлетворение как нарциссических, так и гомосексуальных устремлений.

Бессознательная ненависть к женщинам (и страх перед ними в силу проекции этой ненависти) — существенный источник нарциссически детерминированной гомосексуальности у мужчин. Выбор другого мужчины в качестве гомосексуального близнеца, защитная идеализация пениса другого как копии собственного пениса и бес-

сознательное уверение себя в том, что он/они больше не зависят от женских гениталий, могут служить эффективной защитой от зависти к другому полу и даже “позволять” отношения с идеализированными женщинами — если они при этом десекуализированы.

Основным фактором конфликтов у нарциссических пациентов при гетеросексуальных или гомосексуальных отношениях, который дает знать о себе лишь постепенно, но затем начинать доминировать в отношениях и в конце концов разрушает их, является защита фантазии о близнеце. Партнер должен воплощать идеал пациента, но не быть лучше его самого, потому что это вызвало бы зависть; но он не должен быть и “ниже” пациента, поскольку это провоцировало бы обесценивание и разрушение отношений. Поэтому партнер посредством защитного механизма всемогущего контроля “вынуждается” стать точно таким, каким он нужен пациенту. Таким образом ограничиваются свобода и автономия другого, не говоря уже о том, что исключается возможность для пациента оценить уникальность и “инаковость” партнера. Неудивительно, что пациенты, ограничивающие свободу своих партнеров, чрезвычайно опасаются ограничений и сковывания со стороны других — работы проективной идентификации.

В относительно мягких случаях любовных отношений при мужском нарциссизме с самой юности постоянный характерный паттерн определяется дихотомией “мадонна-проститутка”. Поскольку этот паттерн соответствует принятой в культуре и поощряемой в патриархальном обществе двойной морали, мужская нарциссическая патология культурно подкрепляется — так же, как женская мазохистическая патология в любовных отношениях.

Обычно с годами в сексуальных отношениях нарциссических мужчин начинает преобладать скука. Однако некоторые продолжают использовать сексуальные встречи для отыгрывания сильной амбивалентности по отношению к женщинам, обусловленной одновременно стремлением к сексуальному удовлетворению, садистической мстительностью и даже преследующим мазохистическим повторением фрустрации, причиненной матерью. Таким образом, у подобных людей наблюдается слияние нарциссической и мазохистической патологий.

Синдром Дон Жуана отражает широкий спектр мужской нарциссической патологии. На одном конце этого спектра Дон Жуан может быть мужчиной с отчаянной потребностью соблазнять женщин, внутренне понуждаемым к вступлению в сексуальные отношения,

приводящие к фрустрации или унижению сиюминутно выбранной им женщины; обольщение в этом случае является почти осознанно, манипулятивно агрессивным, а оставление женщины несет приятное облегчение. Или же интенсивный навязчивый поиск новых приключений порождается идеализацией женщин и стремлением наконец найти ту, которая не разочарует.

Дон Жуан более здорового края спектра характеризуется смесью нарциссических и инфантильных черт; это мужчина-ребенок женственного склада, соблазняющий женщин именно благодаря отсутствию угрожающей маскулинности. Он бессознательно отрицает зависть, страх и соперничество по отношению к могущественному отцу путем утверждения, что его “маленький пенис” полностью удовлетворителен для матери (Шассге-Смиржель, 1984b), и его сексуальные похождения воплощают для него фантазию о том, что он, маленький мальчик, — любимец матери и все, что ей нужно. Согласно описанию Брауншвейга и Фейна (1971), такой Дон Жуан неизменно находит комплементарную женщину, чья бессознательная ненависть к деспотичному отцу побуждает ее идеализировать не пугающего, ребячливого мужчину.

Защитная идеализация женщин у мужчин с нарциссической личностной структурой, выражаемая в мощных, пусть и мимолетных увлечениях, зачастую бывает чрезвычайно притягательной для женщин, особенно для потенциально сильно мазохистичных или испытывающих сомнения в своей женской привлекательности. Кроме того, нарциссических женщин могут привлекать мужчины, чье чувство превосходства и личной грандиозности удовлетворяет их собственную потребность в нарциссическом дополнении так называемым гетеросексуальным близнецом. Наконец, генитальность без отцовского покровительства, предлагаемая нарциссическими мужчинами, бессознательно не способными отождествиться с заботливыми, защищающими и деторождающими аспектами отцовской идентичности, может быть успокоительной для нарциссических женщин, для которых родительские функции тоже репрезентируют значительную бессознательную угрозу.

Мимолетность идеализации и быстрое обесценивание мужчин могут лежать в основе сексуального промискуитета у нарциссических женщин. Традиционное патриархальное общество поощряет сексуальный промискуитет у мужчин, но отвергает его у женщин. Патриархальные нравы могут направить ненависть нарциссических женщин к мужчинам в русло эксплуататорского использования брака

и детей. Парадоксальным образом феминизм может способствовать сексуальному промискуитету женщин с нарциссической патологией, которые идентифицируются с мужской сексуальностью, воспринимаемой как агрессивная.

Если, по причине чрезмерной интенсивности агрессии, ее смещение с матери на отца не разрешает амбивалентность маленькой девочки по отношению к матери, страх и ненависть к матери могут приводить девочку к поиску ее идеального замещения, что обычно означает разочарование и обиду. К тому же поиск более удовлетворительных отношений с мужчинами может обратиться в бессознательное отождествление с ними — вторичное отрицание этой угрожающей зависимости — и породить нарциссическую гомосексуальную идентификацию с мужчинами. При этом женщина ищет гомосексуальных отношений, на которые она смогла бы проецировать свои собственные потребности в зависимости. Иногда нарциссически мотивированная гомосексуальность у женщин может служить удовлетворению бессознательной фантазии о принадлежности к обоим полам одновременно — отрицанием зависимости от ненавидимого и являющегося объектом зависти отца, и обращением (то есть не она зависит, а от нее зависят) опасной зависимости от матери.

Бессознательная идентификация с нарциссической, холодной и отвергающей матерью может выражаться в контролируемом эксгибиционизме и соблазняющем поведении по отношению к мужчинам, в стремлении доминировать над ними и использовать их — таким образом женщина удовлетворяет свои сексуальные потребности и одновременно оказывается защищенной от зависти.

Нарциссические женщины нередко принимают стабильные отношения с мужчиной, которого они считают “самым лучшим”, находя в бессознательно “близнецовых” гетеросексуальных отношениях компромиссное решение проблемы бессознательной зависти к мужчинам. Это может привести к тому, что выглядит как мазохистические отношения: такие женщины стремятся обесценить мужчину, едва лишь он ответит им взаимностью; они остаются фиксированными на недоступных мужчинах, недоступность которых ограждает их идеализацию от сомнений, а их самих от обесценивания. Некоторые тяжело нарциссические женщины могут поддерживать длительные саморазрушительные альянсы с крайне нарциссическими мужчинами, чьи власть, слава или необычные таланты создают им облик идеальной мужской фигуры. Другие нарцисси-

ческие женщины, социально более успешные, порой фактически полностью отождествляются с такими идеализированными мужчинами, бессознательно ощущая себя их истинными музами, и в концов концов перестают жить собственной жизнью.

Некоторые нарциссические женщины сочетают интенсивный поиск идеального мужчины со столь же интенсивным обесцениванием партнера, что заставляет их “переходить” от одного известного мужчины к другому; некоторые же, однако, находят, что власть “серого кардинала” тоже позволяет удовлетворить нарциссические потребности и компенсирует бессознательную зависть к мужчинам. В то время как сексуальный промискуитет у мужчин в основном имеет нарциссическую природу, у женщин он может быть как нарциссического, так и мазохистического происхождения.

Женщины с нарциссическим типом личностной организации могут выражать свою патологию в отношениях с детьми. Некоторые женщины обнаруживают нежелание иметь ребенка из-за боязни его зависимости от них, которую бессознательно воспринимали бы как алчно эксплуататорскую и ограничивающую. Другие любят своих детей лишь до тех пор, пока те полностью зависимы от них, — иными словами, пока они составляют нарциссическое продолжение материнского тела или личности. Или мать может фиксироваться на необычайной привлекательности ребенка, вызывающей восхищение у других людей, при этом практически не интересуясь его внутренней жизнью. Такая мать способствует перенесению нарциссической патологии из поколения в поколение. Мужчины могут также обнаруживать нежелание иметь детей, неспособность что-то для них делать, глубокое безразличие к ребенку, если он не удовлетворяет их собственные потребности. Традиционное патриархальное общество, резко разграничивая роли матери и отца, затушевывает патологию отношений нарциссических мужчин с их детьми. Мужчины предоставляют женам заботиться о детях, и их собственная безучастность по отношению к собственным детям оказывается скрыта.

Другой значимый нарциссический симптом — неумение ревновать — зачастую свидетельствует о неспособности брать на себя внутренние обязательства в отношениях, вследствие чего говорить о неверности просто неуместно. Отсутствие ревности может быть также обусловлено бессознательной фантазией о таком превосходстве над всеми соперниками, что неверность партнера становится совершенно невыносимой.

Однако ревность парадоксальным образом может проявляться постфактум: сильная степень ревности в этом случае свидетельствует о нарциссической травме, переживаемой пациентом после того, как партнер оставляет его ради кого-то другого. Нарциссическая ревность бывает особенно поразительна тогда, когда отношение к партнеру прежде было презрительным или пренебрежительным. Нарциссического типа ревность, активизируя агрессию, может ухудшать и без того шаткие отношения. В то же время она свидетельствует о способности к “вложению” в другого и к переходу в эдипов психологический мир. Как указывала Кляйн (1957), если для доэдиповой, в особенности оральной, агрессии характерна зависть, то при эдиповой агрессии доминирует ревность. Ревность, вызванная реальной или воображаемой изменой, может пробудить желание мести, которое часто приводит к обратной триангуляции: бессознательному или осознанному желанию быть объектом конкуренции между двумя людьми противоположного пола.

Неспособность глубоко оценить другого человека, характерная для нарциссических индивидуумов, парализует их при выборе партнера. Этот недостаток порождает потенциально опасную комбинацию, когда “идеальные” качества партнера могут обесцениваться в силу бессознательной зависти, а его реальная личность переживается как вторжение, ограничение, нечто навязываемое, интерпретируемое при этом как эксплуатация и, в свою очередь, также порождающее зависть. Партнер, ставший избранником “нарцисса” за то, что восхищается его качествами, может быть быстро обесценен, поскольку его восхищение воспринимается как само собой разумеющееся. С другой стороны, партнер, способный любить, нередко вызывает у нарциссической личности мощную бессознательную зависть именно вследствие этой способности, — о которой “нарциссу” известно, что она у него отсутствует.

В той мере, в какой у нарциссической личности развито Супер-Эго и она испытывает чувство вины за свою неспособность ответить любовью на любовь, — в такой же мере у нее может усиливаться ощущение своей неполноценности, побуждающее к вторичным усилиям по защите от этого чувства вины. Эти усилия состоят в поиске таких дефектов у партнера, которые могли бы служить оправданием отсутствия взаимности. Таким образом, существуют две возможности. В первом случае неадекватность Супер-Эго обуславливает безразличие, незаинтересованность, бесчувственность в отношениях, дистанцирующие партнеров; во втором — определен-

ная сохранность функционирования Супер-Эго ведет к проекции чувства вины на партнера, привносящей в отношения оттенок паранояльности.

Долговременные отношения у нарциссических пациентов

Нередко пара, в которой оба партнера имеют нарциссическую личностную структуру, вполне может найти способ совместного существования, удовлетворяющий потребности в зависимости с обеих сторон и обеспечивающий условия для социального и экономического выживания. Пусть в эмоциональном смысле отношения могут быть пусты, но определенная степень взаимной поддержки, взаимного использования и/или удобства может делать их стабильными. Их прочность в этом случае обуславливается общими сознательными представлениями о социальных ролях своих и партнера, финансовыми факторами, принадлежностью к определенной культурной среде и заинтересованностью в детях. Однако зачастую происходит бессознательное оживление прошлых объектных отношений. Воспроизведение отношений между фрустрирующей, холодной, отвергающей матерью и обиженным, завистливым, мстительным ребенком посредством взаимной проективной идентификации может разрушить сексуальную жизнь, подтолкнуть к отыгрыванию “треугольных” отношений и поставить под угрозу связи с окружающим социумом. Если один из партнеров достигает необычайного успеха или терпит чрезмерную неудачу, бессознательная конкуренция между ними может привести к краху отношений.

Как я уже утверждал выше, гипертрофированная доэдипова зависть оказывает значительное влияние на переход в эдипову стадию. Бессознательная зависть к матери превращается в бессознательную зависть к эдиповой паре. Собственный брак “нарцисса” становится бессознательной копией отношений эдиповой пары, которые должны быть разрушены. Бессознательная зависть соединяется с виной по поводу занятия места эдиповых родителей. “Анализация” эдиповых отношений — то есть их регрессивное повреждение и разрушение путем бессознательного символического погружения в экскременты — может выражаться в неустанных попытках разрушать все хорошее и ценное, что есть в другом человеке, в себе и в отношениях (Шассге-Смиртель, 1984b).

Конфликт нарциссических сил, действующий в направлении разрушения отношений, и отчаянный поиск партнерами дороги назад, друг к другу — все это обычно отыгрывается в их сексуальных отношениях. Нарциссическое обесценивание нередко лишает способности воспринимать партнера как эротически привлекательного. И даже в том случае, когда сексуальные отношения пока сохраняются, способность испытывать возбуждение и заниматься сексом отнюдь не ограждает партнеров от сознания отчуждения между ними. Более того, продолжающиеся при таких обстоятельствах сексуальные отношения могут усугубить травматичность ситуации и привести к ухудшению отношений.

Но если идеализация, являющаяся компонентом нормальных сексуальных отношений, еще остается в достаточной мере доступной, так что совместное переживание сексуального возбуждения и оргазма ощущается и коммуницируется как поиск не только удовольствия, но также слияния, прощения, доверия и зависимости, как выражение благодарности и любви, дополняющих желание удовольствия, — в этом случае сексуальные контакты еще несут некоторую надежду. Сохранившаяся способность к идеализации, что является частью отношений любви, может вначале принимать форму идеализации поверхности тела партнера. Собственно говоря, одним из ранних эффектов толерантности амбивалентности — признания собственной агрессии по отношению к другому и начала переживания чувства вины и озабоченности по этому поводу — может быть возрождение постоянного ощущения высокой ценности тела другого и реагирования на него.

Одна из сложнейших ситуаций нарциссических объектных отношений связана с взаимным влечением индивидуумов с синдромом злокачественного нарциссизма (Кернберг, 1989b) с мощными разрушительными и саморазрушительными стремлениями и тенденцией к паранояльному и/или антисоциальному поведению. Поскольку сильная, диффузная, направленная на себя агрессия, нарциссическая и примитивная мазохистическая психопатология могут комбинироваться, в отношениях партнеров возможны разные степени эксплуатации и дурного обращения по отношению к другому, а также пренебрежения и дурного обращения по отношению к себе.

Например, женщина с хроническими суицидальными тенденциями, не способная переживать влюбленность или сколько-нибудь глубокие внутренние обязательства по отношению к другому, увлеклась мужчиной, чей интерес к ней дал ей защиту от ужасного чув-

ства одиночества и чьи нетребовательность и готовность удовлетворять ее делали эти отношения для нее комфортными. Однако еще одним качеством этого мужчины было его грубое пренебрежение своим физическим здоровьем, несмотря на то, что он страдал потенциально угрожающей его жизни болезнью, требующей постоянной медицинской заботы. Саморазрушительные паттерны в работе, безразличие обоих к долговременным последствиям неадекватного рабочего функционирования объединяли их на основании того, что при психоаналитическом исследовании проявилось как бессознательная очарованность гетеросексуальным воспроизведением собственного грандиозного и саморазрушительного Я. И только психоаналитическая психотерапия женщины привела в конце концов к изменениям в этом взаимно деструктивном альянсе.

Возможно, самой драматичной иллюстрацией соединения эдиповых и прездиповых конфликтов в детерминации нарциссических любовных отношений является развитие обратной триангуляции. Действующим лицом обычно является мужчина, преуспевающий в определенной социальной, культурной или профессиональной сфере и женатый на женщине, по общему мнению, безупречной и признаваемой таковой ее мужем. У них есть дети, по отношению к которым оба родителя заботливы и ответственны. У мужчины также есть любовница, обычно из другой социальной, культурной или профессиональной среды. Женщины знают друг о друге и, похоже, страдают от этой ситуации. При этом у мужчины имеется множество шансов попасть в неудобное положение — отношения с обеими женщинами вторгаются в его деловую, профессиональную, социальную или политическую жизнь. Сам он в своих колебаниях между преданностью одной и другой женщине выглядит несчастливым и растерянным.

Друзья, коллеги, партнеры по бизнесу и профессионалы в сфере психического здоровья рекомендуют ему психотерапию, и нередко этот человек следует совету, демонстрируя добрую волю и готовность иметь дело с ситуацией, явно находящейся вне его контроля. В процессе психоаналитического исследования, как правило, выявляется тяжелая нарциссическая психопатология, характеризующаяся тотальной расщепленностью в отношениях пациента с женщинами. В конкретном взаимодействии с одной из них или обеими обычно преобладает любовь, агрессия же скрыто выражена в садистическом элементе оставления обеих женщин, который в боль-

шинстве случаев затенен интенсивно переживаемой или декларируемой виной.

Исходная эдипова конкуренция за мать между сыном и отцом здесь как бы перевернута: мужчина — обольстительно ребячливый сын, предмет конкуренции двух женщин. Расщепление образа матери на десексуализированную жену-мать и сексуально возбуждающую, но эмоционально обесцененную любовницу отличается от исключительно эдипово обусловленного расщепления. Доэдиповы детерминанты проявляются в ребячливых, зависимых, скрыто эксплуататорских отношениях нарциссического мужчины с обеими женщинами, в его негодовании и переживании попранных прав в случаях, когда их нужды не до конца совпадают с его собственными, и в неспособности поддерживать те или другие отношения в течение длительного времени без компенсаторных отношений с другими женщинами. Тот же паттерн можно наблюдать у женщин, испытывающих необходимость в одновременном и постоянном уходе со стороны двух или более мужчин.

Иногда такие обстоятельства вызывают истинное отчаяние и стремление найти разрешение проблемы в лице кого-то, кто должен соединить в себе двух личностей противоположного пола. Чаще, однако, дело приходит к тому, что внешние социальные давления приводят этих людей в терапию; по моему опыту, прогноз в основном зависит от того, является ли терапия попыткой создания бессознательного алиби для увековечения отношений или попыткой освободиться из заточения. В наилучшем случае нарциссический пациент, преследуемый тревогой и виной, связанной с фрустрированием обеих женщин и скрытым нападением на них, искренне заинтересован в терапии.

Тяжелая нарциссическая патология у одного или обоих партнеров обычно требует психоаналитической терапии, в противоположность случаям, когда конфликт пары сам по себе сильнее нарциссических трудностей одного или обоих партнеров или когда он оттесняет эти индивидуальные проблемы на задний план. Мотивация к терапии является решающим фактором, так как такие пациенты нуждаются в сложном и длительном анализе. Эта мотивация и степень, в которой патология пары может быть полностью отыграна и проработана в переносе, по моему опыту, представляют собой наиболее важные прогностические факторы. Многим нарциссическим пациентам необходимо неоднократно пережить крах идеализаций и любовных отношений, прежде чем они обеспокоятся

собой в достаточной мере, чтобы мотивироваться на аналитическую терапию. Поэтому терапия 40—50-летних пациентов имеет лучший прогноз, чем более молодых. С другой стороны, пациенты с тяжелой нарциссической патологией нуждаются в ранней терапии, чтобы предотвратить крушение их профессиональной жизни, а также любовных отношений.

Я тщательно исследовал отношения в парах под влиянием нарциссической патологии у одного или обоих партнеров и в парах с минимальной нарциссической патологией. Выдвижение на первый план нарциссической патологии ведет к опасности чрезмерного акцентирования ее деструктивных эффектов. Точно так же, придание слишком большого значения непатологическим отношениям может вести к преувеличению идеального или идеализированного аспекта в любовных отношениях. Позвольте мне завершить свое описание указанием на множество путей переплетения патологического и непатологического начал. Неоднократные встречи с негативными последствиями нарциссической патологии могут иметь позитивные эффекты, и взаимодействия между партнерами, идущие вразрез с бессознательными ожиданиями и воспроизведениями прошлых конфликтов, могут быть целительными, нейтрализуя действие проективных идентификаций и всемогущего контроля, так же как повторявшихся воспроизведений пораженческого поведения.

В целом, признание амбивалентности — наиболее общий знаменатель признаков растущего осознания пациентом собственного вклада в свои конфликты и фрустрации. Психологическому улучшению сопутствуют глубокие сожаления, в процессе которых пациент может признать и проработать агрессию, так же как желание исправить ее последствия и восполнить ущерб, нанесенный ею в реальности или в фантазии.

Такие целительные процессы могут иметь место и в обычной жизни, вне терапевтических ситуаций. Примером служит случай одной нарциссической женщины с долгой историей эксплуататорских отношений с властными мужчинами и ведущей жизнь, свидетельствующую об эгоцентризме и самовозвеличивании. После многолетних и безуспешных попыток забеременеть она наконец стала матерью. Когда пациентка узнала, что ее сын страдает болезнью, которая завершится смертью в раннем детстве, ее первоначальный гнев на то, что она воспринимала как жестокую и несправедливую судьбу, сменился безоглядной преданностью этому ребенку. Поставив заботу о нем выше своей социальной, профессиональной и

личной жизни, она впервые почувствовала себя в согласии с собой и миром. Ее полная самоотдача ребенку отражала одновременно и нарциссическое вложение в него, и то, что можно назвать альтруистическим отказом от себя с мазохистическими импликациями. Соединение нарциссических и мазохистических черт в ее самопожертвовании повлияло также на отношения этой женщины с другими значимыми людьми и привело к радикальному пересмотру своей позиции по отношению к мужчинам. Эта констелляция, кроме того, освободила ее от необходимости поддерживать идеализированное представление о самой себе как основу для самоуважения. После смерти ребенка она впервые смогла установить отношения с мужчиной, в которых были и взаимность, и преданность.

Иногда выбор партнера связан с попыткой излечить собственную индивидуальную патологию. Мужчина с нарциссическим самовозвеличиванием, цинично обесценивающий приверженность этическим нормам, с гедонистическим и эгоцентрическим мировосприятием, может избрать женщину, которая глубоко предана этическим нормам и для которой очень важны подобные ценности у других. Увлечшись такой женщиной и поддавшись соблазну попирая ее ценностей, компульсивно воспроизводя таким образом свои нарциссические конфликты, этот мужчина, вполне возможно, одновременно отыгрывает бессознательную надежду на ее моральный триумф над его цинизмом. Таким образом, системы Эго-идеала пары и бессознательные прошлые конфликты могут давать начало целительным усилиям.

11. ЛАТЕНТНЫЙ ПЕРИОД, ГРУППОВАЯ ДИНАМИКА И КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ

Исследовав то, каким образом предрасположенность индивида к переживанию сексуального возбуждения и эротического желания постепенно трансформируется в способность к зрелой любви, когда он становится частью сексуальной пары, перейдем к изучению отношений пары с окружающей социальной сетью. Основное внимание я уделю малым и большим группам, оказывающим серьезное влияние на превратности любовной жизни пары. Внутри них партнеры находят друг друга, с ними они взаимодействуют сложными путями.

Я имею в виду не только актуальные группы, но также фантазии, которые возникают у индивидов и пар по поводу этих групп, особенно в отношении требований, опасностей и удовлетворений, ожидаемых от взаимодействия их как пары с такими группами. Я полагаю, что имеющиеся у пары и группы реальные и фантазийные ценностные суждения, моральные ожидания и представления относительно любовных отношений играют здесь существенную роль. Одновременно с этим влиянием происходит установление хрупкого баланса между парой и включающей ее группой или группами, в свою очередь, оказывающими воздействие на психодинамику пары. Мое понимание этих отношений основано на психоаналитических представлениях о психодинамике групповых процессов, в особенности о взаимосвязях этих групповых процессов с индивидуальными установками по поводу сексуальности и сексуальной жизни пары.

Пара и группа

В одной из моих предыдущих работ (1980b) речь шла о вкладе психоанализа в понимание отношений индивидуумов, пар и групп. Фрейд (1921) описывал регрессию и идеализацию лидера, проис-

ходящие в группах и имеющие корни в эдиповой ситуации. Бион (1961) высказал мысль, что члены малых групп действуют на основе принципа борьбы-бегства, посылки зависимости (доэдипова происхождения) и посылки парных объединений (эдипова происхождения). Райс (1965) и Турке (1975), исследовав более крупные группы, обнаружили, что их членов характеризует утрата чувства идентичности, вкупе со страхом агрессии и потери контроля.

В целом можно сказать, что все неструктурированные группы (то есть не организованные вокруг определенной задачи) стимулируют ограничительное, регрессивное представление о морали. Этот тип морали присущ социальным сетям — малым социальным группам и сообществам, где индивидуумы общаются друг с другом, но не близки и не обязательно связаны личными отношениями. Главные общие ценности, формируемые в таких обстоятельствах, так же как мимолетные идеологии, возникающие в неструктурированных малых и больших группах, поразительно напоминают характеристики массовой психологии (имеются в виду индивидуальные реакции при переживании временной принадлежности к большой группе или к безличной человеческой массе).

В ранней работе я сделал предположение о том, что при таких условиях члены группы склонны проецировать на нее компоненты инфантильного Супер-Эго. Они стремятся установить на бессознательном уровне согласие относительно некоторых основных ценностей, то есть сформировать мораль, которая, между тем, очень отличается от индивидуальной морали каждого члена группы. Мне кажется, что эта мораль, которую я называю конвенциональной моралью — по причинам, проясняемым далее в данной главе, — поразительно сходна с моралью детей в латентной фазе, наступающей после пика эдипова комплекса, то есть после 4—6 лет, и продолжающейся вплоть до пубертата и юности. В латентный период, в ходе развития Супер-Эго, происходит построение системы морали, в высокой степени обусловленное потребностью адаптации к социуму школы и взрослого мира, а также потребностью оградить хрупкие отношения с родителями от связанных с сексуальностью и агрессивностью конфликтов эдиповой стадии. Психология латентного возраста характеризуется стабилизацией позитивных отношений с обоими родителями и подавлением прямого выражения сексуальных стремлений к эдипову объекту и агрессивной конкуренции с эдиповым соперником. Дериваты этих стремлений перенаправляются на групповые формирования, свойствен-

ные латентному периоду, и в ходе интеграции в группу латентный ребенок идентифицируется со всеми членами этой группы путем проекции свежее испеченного постэдипова Супер-Эго. Параллельно развивающиеся частные стремления к эксклюзивным любовным отношениям, происходящие от эдиповых желаний, знаменуют начало диалектического напряжения между индивидуальным желанием и конформностью по отношению к признанному групповому идеалу.

Черты морали, характерные для группы латентного периода, включают как сексуальные знания, так и “невинность” в том смысле, что сексуальность есть нечто запретное и относящееся к тайному поведению “других”. Этой возрастной группе также свойственно презрительно обесценивать генитальную сексуальность, воспринимаемую вкупе с ее анальными предшественниками. Это выражается, например, в том, что сексуальные органы и сексуальная активность упоминаются как нечто грязное, в грязных шутках, а также в тех отвращении и стыде, которые вызывает сексуальное поведение, при одновременном тайном возбуждении и мучительном любопытстве. Незатейливая мораль латентного периода разделяет людей и мотивы на хорошие и плохие, диссоциирует генитальную сексуальность от нежной привязанности, генитальный половой акт — от полиморфных перверсивных инфантильных сексуальных компонентов и поощряет наивность и благородную невинность. Эта мораль латентного возраста не терпит двусмысленности и амбивалентности, свойственных зрелым эмоциональным отношениям; она стремится исключить из “законных” отношений эротический элемент — то есть прежде всего из отношений “официальной” родительской пары. Любопытно, что в своих частных чувствах и фантазиях дети латентного периода обнаруживают поразительную способность влюбляться, притом со всеми признаками романтической любви, которая традиционно считается прерогативой юности и зрелости, исключая только мечты о собственных детях (Полина Кернберг и Арлен Крамер Ричардс, 1994).

Ценности, характерные для латентного возраста, способствуют такому структурированию коммуникации, когда форма доминирует над содержанием: в поступках предпочтение отдается театральности, наигрышу; сентиментальность преобладает над глубокими чувствами, а в мышлении простота и тривиальность также берут верх над глубиной. Нетерпимость к амбивалентности, характерная для латентной морали, наиболее разительно проявляется в разрешении

конфликтов путем отделения “плохих врагов” от “хороших друзей”. По сути, мораль латентного возраста имеет много общего с китчем — формами искусства, которые не отличаются эстетическими достоинствами, но очень импонируют широким массам. Китч обычно характеризуется сентиментальностью, банальностью, претенциозностью, грандиозностью, незатейливостью, упрощенностью традиционно преобладающих экспрессивных стилей, интеллектуальной поверхностностью и приверженностью детским идеалам, что выражается в идеализации всего маленького, уютного и трогательно забавного, во всяких клоунах, зимних пейзажах с дымом из трубы и вообще теплого, защищенного, простого, безопасного, счастливого (фантазийного) детства.

Именно мораль латентного периода служит основой мощных проекций на группу и на протяжении всей юности и даже в зрелости играет роль общей системы ценностей для неструктурированных групп и в условиях групповой регрессии. Супер-Эго латентного периода легко проецируется членами неструктурированных групп, в то время как более позднее, индивидуализированное и зрелое Супер-Эго “остается на месте”. Это взрослое Супер-Эго позволяет интегрировать сексуальность с нежностью, что дает способность к устойчивой страстной любви во взрослом возрасте.

Сходство латентной нравственности с китчем говорит об интимной связи между регрессивными групповыми процессами и порождениями массовой культуры — то есть продукцией, рассчитанной на вкусы индивидуумов, находящихся под влиянием массовой психологии.

Массовая психология и массовая культура

Серж Московичи (1981) утверждал, что фрейдовская теория массовой психологии (1921) вполне применима к индивидууму, сидящему в одиночестве или в малой группе перед телевизором, радиоприемником или с газетой в руках: знание о том, что видимое или слышимое им также видит или слышит огромная аудитория, побуждает его чувствовать себя как бы частью толпы. Коротко говоря, средства массовой информации делают возможным одновременную коммуникацию, дающую непосредственное ощущение принадлежности к группе. Радио и телевидение создают особенно благоприятные условия для придания индивидуальному

зрителю статуса участника группы, поскольку радио в большей мере обеспечивает одновременность коммуникации, чем газеты, а телевидение усиливает эффект присутствия. Общение через СМИ обладает чертами конвенциональности, соответствующими требованиям описанного выше латентного Супер-Эго.

Для транслируемой СМИ массовой культуры характерны незамысловатость и значительно ограниченные интеллектуальные требования к потребителю. Язык и содержание телевизионных передач рассчитаны на скрыто пассивную, однородную, несведущую массу. Ситуационно-комедийный сюжет несложен, легко воспринимается и понимается, реакция зрителя на него предсказуема. Зритель ощущает самодовольное чувство превосходства, располагающее к получению нарциссического удовлетворения. Драматические ситуации с ясными решениями сохраняют диссоциированность (плохого) наказываемого преступника, раскаивающегося грешника и (хорошего) побеждающего защитника правды и чистоты. Сентиментальность, ориентация на ценности детства и активизация несколько параноических и нарциссических фантазий — вот то, что удовлетворяет регрессивные желания членов больших неструктурированных групп в триллерах и приключенческих сюжетах.

Массовая культура предлагает упорядоченную, стабильную, ригидную, жесткую конвенциональную мораль. В ней присутствуют конечные (родительские) авторитеты, решающие, что хорошо и что плохо, агрессия существует лишь в виде праведного гнева либо наказания преступника, конвенциональная групповая мораль принимается как нечто самой собой разумеющееся, а сентиментальность оберегает от эмоциональных глубин, которые оказались бы непереносимыми для детской морали. Даже когда агрессия выступает на первый план, победа героя над агрессивными чудовищами сочетает в себе терпимость к садизму с триумфом Супер-Эго латентного возраста.

В сексуальных темах преобладают те же латентные характеристики: любовь-нежность полностью изолируется от каких-либо элементов эротики или же допускаются лишь отдаленные намеки на них в связи с идеализированными значимыми индивидами. Генитальная сексуальность “известна”, но приемлема только вне эмоциональных переживаний идеализируемых людей. Открытая сексуальность связывается обычно с обесцененными, отвергаемыми, агрессивными взаимодействиями или с такими участниками конвенциональной драмы, у которых “не все дома”. Непосредственное выражение тенденций полиморфной инфантильной сексуаль-

ности полностью отсутствует. Например, в конвенциональных фильмах, даже при внешней готовности изображать сексуальные взаимодействия людей, счастливых в браке, приятный секс отсутствует, недостает эротизированной нежности, показаны лишь моменты “страсти”, причем подразумевается агрессивный, опасный или наказуемый характер тех конкретных страстных проявлений.

На мой взгляд, фильмы особенно ярко иллюстрируют этот вечный конфликт между личной моралью и конвенциональностью, берущей начало в групповых процессах латентной фазы. Я думаю, что исследование различий между эротическими, конвенциональными и порнографическими фильмами позволяет лучше понять бессознательные мотивации, с которыми связано принятие или непринятие эротики массовой культурой.

Конвенциональное кино

“Утренний клуб” (*“The Breakfast Club”, Хьюз, 1985*) — типичный пример того, что я называю конвенциональным кино. Фильм отображает подростковые конфликты и бунтарство в школе — разговоры о сексе и сексуальное поведение; он оставляет впечатление “открытости”. Однако открыто сексуальные сцены протекают без эмоциональных отношений участников или же явно содержат агрессию. Когда главный герой, бунтарь, впоследствии — блудный сын или кающийся грешник, влюбляется в главную героиню, какие-либо намеки на сексуальную близость исчезают.

В фильме “Роковая близость” (*“Fatal Attraction”, Лун, 1987*), имевшем чрезвычайный коммерческий успех, точно такое же структурное построение. Муж чудесной, понимающей женщины имеет любовницу, которая вначале выглядит очень привлекательной, но потом оказывается тяжело больной — самодеструктивной, требовательной и, в конце концов, потенциальной убийцей. После того, как она стала угрожать жизни своего возлюбленного — неверного, но теперь раскаявшегося мужа — и терроризировать его семью, ее убивает (при самообороне) жена бывшего любовника. Если абстрагироваться от конвенциональной морали фильма, то можно сказать, что в нем изображаются эротические отношения любовников, но избегаются указания на сексуальную близость между супругами.

Еще один пример — “Секс, ложь и видео” (*“Sex, Lies And Videotape”, Кодеберг, 1989*); здесь демонстрируется сексуальная

близость только между теми, кто не любит друг друга; единственные же отношения, показанные как истинно любящие, изображены без интимных сцен. Жена неверного мужа — юриста (у которого роман с ее сестрой, представленной в негативном свете) — чистая, невинная, фрустрированная, разочарованная и сексуально скованная. Она вносит вклад в эмоциональное спасение молодого друга мужа, представителя контркультуры (сексуальная “перверсия” которого состоит в импотенции и записи на видео сексуальных признаний и сексуального поведения женщин). Фильм заканчивается любовными отношениями жены юриста с этим другом, но сексуальная близость между ними не показана.

Эротика в кино

“Ночь у Мод” (*“My Night At Maud’s”*) — классический фильм режиссера Эрика Ромера (1969), в противоположность конвенциональному кино, представляющий собой образец художественного изображения эротизма. Молодой обсессивный герой фильма одновременно робок и влюблен — в девушку, которую видел лишь издали в церкви. Друг познакомил его с умной, эмоциональной, независимой Мод, только что пережившей несчастную любовь, которую одновременно забавляют и привлекают моральная непременность и робость нашего героя. Предложив ему провести с ней ночь, она тем самым совершает атаку на его моральные бастионы. Он борется с самим собой и отвергает ее, оскорбляя тем самым ее гордость. Когда же, наконец, он готов обнять ее, она отвергает его со словами, что любит мужчин, способных принимать решения. Тонкость взаимодействия этих двух персонажей и их эротических отношений, а также возможность идентифицироваться с каждым из них оказывают глубокое воздействие на чувства зрителей.

В фильме Бернардо Бертолуччи “Последнее танго в Париже” с Марлоном Брандо и Марией Шнайдер (1974), также имевшем оглушительный коммерческий успех, прослеживается развитие сексуальных отношений между главными героями. Они случайно встречаются в шикарной, но запущенной квартире, которую оба желают арендовать. Героиня колеблется по поводу предстоящего брака со своим женихом, молодым кинорежиссером. Герой, чья гражданская жена только что покончила с собой, пребывает в глубокой печали, к которой примешана ярость из-за ее измены ему с дру-

гим мужчиной. Герои Шнайдер и Брандо договариваются ничего не говорить друг другу о себе, даже не называть имен. Вступая в отношения с женщиной много моложе себя, он пытается одновременно отрицать и превозмочь недавнее прошлое. Их углубляющиеся сексуальные отношения, в которых смешаны любовь и агрессия, отражают его печаль. Идеализация, чувство утраты и агрессия выступают как части его усилий приблизиться к ней. Героиню Шнайдер этот странный американец трогает и волнует, хотя ее пугает его садизм. Фильм посвящен их безуспешной попытке сохранить и развить эти отношения и ее трагическому завершению. Сочетание сексуальной любви, переплетенных объектных отношений и глубоких ценностных конфликтов отображает сложную природу человеческого влечения и придает фильму мощный эротизм.

И наконец, последний фильм “Повар, вор, его жена и ее любовник” Питера Гринуэя (1990) дает яркую картину эротических отношений как попытки спастись от мира, управляемого тираном-садистом. Запретные, опасные сексуальные отношения постепенно вырастают из первой случайной встречи. То, что любовники — люди среднего возраста, усиливает обаяние их попытки найти новую, осмысленную жизнь в своей любви.

Картина интегрирует символические оральные, анальные и генитальные смыслы в контексте тоталитарной суперструктуры, превращающей все человеческие отношения в пространство экскрементов и насилия. Основное действие происходит в изысканном обеденном зале дорогого ресторана. Здесь тиран и его приспешники преступают все правила обычных человеческих отношений. За пределами обеденного зала существует “оральный” мир, представленный поваром и его помощниками, где культура и цивилизация поддерживаются посредством ритуализованного приготовления пищи и музыки на заднем плане — ангельского голоса поваренка. За пределами огромной кухни существует “анальный” мир — улица с ее отравляющим дымом, дикими собаками и людьми — жертвами дурного обращения.

Любовники, пытающиеся обмануть бдительность тирана и встречающиеся в укромном уголке кухни, в конце концов вынуждены бежать оттуда совершенно обнаженными в фургоне для отбросов, забитом протухшим мясом. Пройдя это тяжелое испытание, они попадают в убежище — библиотеку, где герой работает сторожем; отношения любовников скрепляются, по крайней мере на время, очистительной ванной, освобождающей их от анального мира, державшего их в заточении.

Жестокое обращение тирана с женщинами, его глубокая ненависть к знаниям и интеллекту, нетерпимость к приватной и свободной любви этой пары — все сведено воедино в драматическое прославление любви. Ее эротизм глубоко трогает зрителя уже в силу самой хрупкости любви и противодействия, которое она оказывает могущественным силам.

Порнографическое кино

В типичном порнографическом фильме — так же, как в типичной порнографической литературе — функции Супер-Эго явно отсутствуют. Сексуальность выражается подчеркнуто непринужденно, стыд исключен. Стоит только принять прорыв конвенциональных и особенно индивидуальных ценностей — и свобода от моральных оценок объединяется с волнующей и раскрепощающей свободой от личной ответственности, которую Фрейд описывал как характерную для массы. Зритель идентифицируется с сексуальной активностью, а не с человеческими отношениями. Отсутствие какой-либо неоднозначности, бессмысленность сюжета, не оставляющие места для дальнейших фантазий о внутренней жизни главных героев, также способствуют механизации секса.

Дегуманизация сексуальных отношений, типичная для порнографического фильма, пробуждает в зрителе — особенно если он не один, а в группе — полиморфные перверзивные инфантильные сексуальные чувства, диссоциированные от нежности. Это, в частности, и агрессивные аспекты догенитальной сексуальности, и фетишистская деградация пары в сексуальной близости до набора возбуждающих частей тела, и неявная агрессивная деструкция первичной сцены, разлагающая ее на изолированные сексуальные элементы. Коротко говоря, происходит перверзивное расчленение эротизма, имеющее тенденцию разрушать связь между эротизмом и эстетикой, так же как и идеализацию страстной любви. Поскольку порнографический фильм диаметрально противоположен конвенциональной морали — по сути, выражает глубокую агрессию к ней, как и к эмоциональной близости, — он имеет тенденцию шокировать. Но даже если кто-то пытается использовать порнографию просто для достижения сексуального возбуждения на примитивных уровнях эмоциональных переживаний, все равно она быстро надоедает и перестает действовать. Дело в том, что диссоциация между

сексуальным поведением и сложными эмоциональными отношениями пары лишает сексуальность ее доэдиповых и эдиповых смыслов — другими словами, механизмирует секс.

Существует параллель между порнографическими фильмами и разрушением страстной любви, когда агрессивные импульсы становятся доминирующими в сексуальном акте, когда бессознательная агрессия уничтожает глубину объектных отношений пары, а отсутствие интегрированного Супер-Эго у партнеров и пары облегчает распад приватности и интимности до состояния механизированного группового секса. Не является случайным совпадением и то, что порнографическое кино, намеренно использующее диссоциацию секса и нежности, в конце концов — после первоначального сексуально возбуждающего воздействия демонстративного показа полиморфной перверсивной сексуальности — начинает восприниматься как механистичное и скучное. Подобным же образом при занятиях групповым сексом люди со временем испытывают ослабление способности к сексуальному возбуждению вследствие удушья объектных отношений.

Порнографическое кино имеет легко доступную, “неконвенциональную”, или принадлежащую “андеграунду”, но гармонично откликающуюся массовую аудиторию, которая приемлет и наслаждается анализацией (analization) сексуальности, вообще характерной для процессов в больших группах (Кернберг, 1980b). Явное противоречие между этой реакцией и унылой скукой от порнографического кино находит выражение в чрезвычайной нестабильности его массовой аудитории.

Свойства порнографического кино таковы, что оно избавляет зрителя от шока вторжения в первичную сцену и от опасности встречи с целостностью нежности и чувственности, неприемлемой для латентного Супер-Эго. В этом смысле порнографическое кино — двойник конвенционального, и парадоксальным образом во всех прочих аспектах оно также подчиняется неосознаваемой власти Супер-Эго латентного возраста. По сути, если не считать изображения сексуальных взаимодействий, порнографическое кино тяготеет к предельной конвенциональности и зачастую в связи с сексуальными коммуникациями впадает в некое ребяческое веселье. Это позволяет зрителю избежать сколько-нибудь глубоких эмоциональных реакций и осознания агрессивных элементов в сексуальном содержании фильма. Удивительно последовательное отсутствие эстетического контекста, выражаемое в вульгарности декора, музыкального аккомпанемента, жестов и в общей атмосфере, гово-

рит об отсутствии также и зрелых функций Супер-Эго. В типичном случае агрессивный, вуайеристический показ сексуального поведения, концентрация на механических актах проникновения, охватывающих и охватываемых гениталиях и других задействованных частях тела способствуют расщеплению человеческого тела на изолированные части, повторяющаяся демонстрация которых свидетельствует о фетишистском подходе к сексуальным органам.

Столлер (1991b), описывая психологию актеров, режиссеров и менеджеров порнографической продукции, приводит драматические примеры их травмирующего, агрессивного опыта в собственной жизни, особенно унижений и сексуальных травм. Столлер выдвигает предположение, что порнография представляет собой бессознательную попытку своих создателей трансформировать подобный опыт при помощи диссоциированного выражения генитальной сексуальности под влиянием полиморфной перверсивной инфантильной сексуальности. Хотя порнографическое кино выглядит совсем непохожим на конвенциональное кино, и для того, и для другого характерна полная диссоциация сексуальных и чувственных аспектов эротики от нежности и идеализации.

Структура конвенционального фильма

Изображение эротики в конвенциональном кино по структуре ничем не отличается от ее изображения в порнофильмах. Конвенциональное эротическое кино стимулирует непритязательную и приносящую немедленное удовлетворение регрессию на уровень наслаждения, характерный для массовой культуры, а также согласие с конвенциональной моралью и успокоительную стабильность групповой идентичности, основанной на ценностях латентного Супер-Эго. Хотя обычно такие фильмы имеют сюжет и в них происходит некоторое развитие событий, содержащийся в них взгляд на сексуальную жизнь главных героев выражает все ту же мораль латентного Супер-Эго. Могут показываться яркие сексуальные сцены между индивидуумами, чьи отношения преимущественно агрессивны или чувственны, в то время как коитус связанных нежными отношениями партнеров, особенно если они женаты, не показывается: эдиповы запреты сохраняются. Такие фильмы упрощают эмоциональные отношения, избегают эмоциональных глубин поразительно сходным с порнографическими фильмами образом, при

всей приемлемости поведения и реакций индивидуумов, но в то же время воплощают идеалы латентного периода, привносящие человечность, пусть и сентиментального рода, отсутствующую в порнографической продукции. Конвенциональное кино полностью исключает полиморфную перверзивную инфантильную сексуальность, составляющую ядро порнографического фильма.

Любопытно, что конвенциональное кино чаще изображает агрессию, чем эротику. Поскольку киноцензура (или самоцензура авторов) естественным образом поощряет конвенциональное кино и проявляет нетерпимость к эротическому искусству, механизмы этого селективного процесса, возможно, хотя бы отчасти являются бессознательными, обусловленными интуитивной идентификацией цензоров с латентной психологией предполагаемой зрительской аудитории и обходятся без особого анализа базовых принципов цензуры. Один из цензоров объяснил мне, что если по поводу определенного фильма возникают сомнения, просмотр может повторяться несколько раз, и повторный просмотр сцен агрессии уменьшает восприимчивость зрителя, в то время как эротические сцены такого эффекта не производят. Поэтому фильмы эротического содержания всегда получают более ограничительную (с точки зрения допустимой аудитории) оценку, чем фильмы с агрессивным содержанием. Но следует отдать должное цензорам и снять с них излишнюю ответственность: кино как эротическое искусство, в отличие от конвенционального эротического кино, редко имеет большой коммерческий успех. Цензоры, надо заметить, хотя и неохотно, но отдают дань уважения некоторым произведениям эротического искусства; коммерческий провал подобных фильмов довершает дискриминацию такого рода кино цензурой. Конвенциональное избегание эротического искусства во многом объясняется интуитивным чутьем творцов массовой культуры, восприимчивым к массовой психологии.

Структура эротического фильма

С моей точки зрения, эротическое искусство имеет несколько специфических измерений: эстетическое измерение, показ красоты человеческого тела как главная тема, выражение идеализации тела как центрального объекта в страстной любви. Художественное описание того, что можно назвать географией человеческого тела,

проекция идеалов красоты на тело, идентификация Я с природой через тело и выход за пределы Я, а также бренность человеческой красоты — таковы основные элементы эротического искусства.

Для эротического искусства характерна неоднозначность. Оно намечает множественные потенциальные смыслы взаимоотношений любовников и указывает на реципрокность всех отношений, а неявным образом — на полиморфность инфантильной сексуальности и на амбивалентность человеческих отношений. Эта многозначность раскрывает мир примитивной бессознательной фантазии, возбуждаемой в любых эротических отношениях, и способствует эротическому напряжению.

Эротическое искусство воплощает подрыв ограничивающего конвенционального подхода к сексуальности и раскрывает эротический опыт, что символизирует имплицитную систему этических ценностей и ответственности. Эротика в искусстве отображается как серьезный и зрелый аспект человеческих ценностей, как символ взрослого Эго-идеала, устраняющего инфантильные запреты и ограничения на сексуальность.

Эротическое искусство содержит также романтическое измерение, связанное со скрытой идеализацией любовников, восстающих против ограничений конвенциональности и против деградации сексуальности, обусловливаемой анализацией, обесцениванием и дегуманизацией эротики, характерными для феноменов больших групп (и присутствующими в психологии порнографии). Романтический аспект эротики вместе с идеальным слиянием в любви подразумевает и утверждение любовниками своей автономии как пары. Эротические отношения становятся экспрессией страстной любви.

Наконец, эротическое искусство подчеркивает индивидуальный характер эротического объекта; для него характерны некая недоговоренность, таинственность и приватность и в то же время намек на бесстыдство. Однако при всей открытости, или “обнаженности”, эротического объекта удачные работы такого рода делают его “непроницаемым” в силу некой дразнящей и фрустрирующей дистанцированности. Эротическое искусство замкнуто в себе в том смысле, что оно пробуждает у зрителя неисполнимые желания. Оно не может быть полностью воспринято в силу того, что включает в себе нечто неуловимое, не допускающее полного отождествления зрителя. Аналогичным образом, эта недоступность произведения искусства защищает и первичную сцену (открытое изображение сексуальной близости): соединение нежности с эротикой, острого физического и чувственного начала с неощутимым идеалом, или

романтикой, встает непреодолимой преградой между творением искусства и его зрителем.

Эти качества эротического искусства могут находить выражение в скульптуре, изобразительном искусстве, литературе, музыке, танце и театральном искусстве, но, возможно, нигде не выражаются столь отчетливо, как в кино. То, что кино — органичное выразительное средство для конвенционального искусства, отражающего массовую культуру, не нуждается в доказательстве, и конвенциональность в изображении эротики не является здесь исключением. Благодаря силе и непосредственности зрительных образов кино обладает особым потенциалом в выражении эротизма, неотделимым, впрочем, от его способности и к выражению противоположности эротизма, а именно расщепленной, конвенционально табуированной темы генитальной и полиморфной перверсивной догенитальной сексуальности в деперсонализованном, “анализованном” виде порнографии. Именно эта особая сила кино в выражении эротики побуждает нас к сравнению конвенционального, эротического и порнографического кино.

Позволяя изолировать, увеличивать и диссоциировать изображение гениталий и других частей тела и их переплетений, кино является средством как идеализации, так и фетишизации человеческого тела. Зрительные и слуховые стимулы кинофильма дают возможность зрителю осуществить в фантазии вторжение в частную жизнь эдиповой пары, садистическую и вуайеристическую интервенцию в первичную сцену, вместе с оборотной ее стороной — получением удовлетворения путем проекции эксгибиционистских и мазохистических импульсов и связанных с ними гомосексуальных и гетеросексуальных желаний.

Кино позволяет зрителю преодолевать временные и пространственные рамки, которые в обычной ситуации ограничивают изображение сексуального поведения, как и непосредственное наблюдение группового секса и участие в нем вместе с другими парами; кино позволяет произвольно ускорять, замедлять и искажать зрительные впечатления. Это свойство кино мощно резонирует с природой бессознательных фантазий. Изображение эротики в кино способно пробивать конвенциональные барьеры стыдливости и, соединяя в себе одновременно все компоненты эдиповой и доэдиповой сексуальности, дает стимул к сексуальному возбуждению.

Поскольку кино — наиболее эффективное средство трансляции массовой культуры, особенно в масштабах аудитории (например, зрительного зала), оно активизирует восприимчивость к массовой

психологии; с другой стороны, эротика в кино посягает на границы конвенционально приемлемого. Она шокирует конвенциональную публику, исключая тех, кто смотрит сексуальные фильмы в одиночестве или собирается группами, для того чтобы получить удовольствие от просмотра порнографических фильмов, — нетерпимость к эротике характерна для массовой психологии. Эротика в кино угрожает подрывом границ конвенциональной морали.

Исследуем эту реакцию шока. Наблюдение за парой в сексуальном взаимодействии активизирует у публики древние запреты на вторжение в отношения эдиповой пары, вместе с подавленным или вытесненным возбуждением, связанным с этим вторжением. Картины, которые публика видит на экране, бросают вызов как инфантильному Супер-Эго, так и конвенциональному Супер-Эго латентного периода. Вызываемое ими сексуальное возбуждение, особенно у тех, кто считает для себя приемлемым возбуждаться под влиянием зрительных стимулов (реакцией зрителя с мощными сексуальными запретами, очевидно, будут ненависть и отвращение), может переживаться как атака на глубинные ценности.

Реакция шока дополнительно усиливается вследствие того, что художественный фильм по своему построению способствует идентификации зрителя с главными героями (бессознательно воспринимаемыми как родительская пара). Первоначальное нарушение табу в результате вызывает вину, стыд и смущение. Бессознательная идентификация с эксгибиционистским поведением актеров, с садистическими и мазохистическими аспектами соответственно вуайеристических и эксгибиционистских импульсов бросает шокирующий вызов зрительскому Супер-Эго.

Эротическое кино как вид искусства требует эмоциональной зрелости, способности принимать сексуальность и наслаждаться ею, сочетать эротизм и нежность, интегрировать эротические чувства в контекст сложных эмоциональных отношений, идентифицироваться с другими людьми и их объектными отношениями и, параллельно развитию качеств, обуславливающих способность к страстной любви, — культивировать восприимчивость к этическим ценностям и эстетике. Эта эмоциональная зрелость имеет тенденцию временно разрушаться под воздействием массовой психологии.

Как ни странно, наша способность к идентификации с любовной парой в фильме создает новое измерение приватности, обеспечивающее защиту пары и зрителя, — это нечто противоположное разрушению интимности и приватности, свойственному порногра-

фическим фильмам. В художественном кино вуайеристические и эксгибиционистские элементы сексуального возбуждения, возникающего при лицезрении сексуальной близости, а также садистические и мазохистические элементы этого “вторжения” контейнируются идентификацией с главными героями и их ценностями. Публика участвует в первичной сцене, бессознательно принимая на себя ответственность за приватность пары. Агрессивные элементы полиморфной перверзивной инфантильной сексуальности интегрируются в рамках эдиповой сексуальности, агрессия — в рамках эротизма. Эта ситуация противоположна деградации эротизма при доминировании агрессии, что характерно для сексуальности в некоторых патологических состояниях и для порнографии.

Эротическое искусство достигает синтеза чувственности, глубоких объектных отношений и зрелых ценностных ориентаций — синтеза, отраженного в способности индивидов и пары к страстной любви и взаимным обязательствам.

Отношения между конвенциональным, порнографическим и эротическим кино обусловлены динамическими процессами, действующими в группе, конвенциональной культуре и в паре, связанной взаимной страстью. В глубинном смысле пара всегда асоциальна, окутана тайной, ощущением приватности и мятежности — она как бы бросает вызов конвенционально приемлемым любви и сексуальности. Если конвенциональная мораль в ходе истории — по крайней мере, истории западной цивилизации — испытывает колебания между пуританством и вольностью нравов, то эта скрытая оппозиция между парой и группой, между личной моралью и культурной конвенцией остается неизменной. Как пуританство, так и вольность нравов отражают конвенциональную амбивалентность по отношению к сексуальной паре. В наше время эти исторические колебания находят выражение в одновременном существовании конвенциональной массовой культуры и китча, на одном полюсе, и порнографии — на другом. Можно сказать, что лишь зрелая пара и лишь эротическое искусство могут поддерживать и сохранять страстную любовь. Конвенциональность и порнография в своей нетерпимости к страстной любви являются бессознательными союзниками.

12. ПАРА И ГРУППА

Юношеские группы и пары

Юношеская сексуальность развивается под влиянием сексуального возбуждения и эротического желания, вызванных гормональными изменениями пубертатного периода; ощущение изменений в собственном теле ведет к усилению реагирования на эротические стимулы. Происходят частичная регрессия функций Эго и возобновление бессознательных конфликтов в сфере сексуальности, проявляющихся в резкой противоречивости поведенческих паттернов, — особенно в перепадах между чувствами вины, подавлением сексуальных реакций (аскетические настроения, свойственные юношескому возрасту), с одной стороны, и полиморфными перверзивными инфантильными сексуальными устремлениями — с другой. Для защиты от этих конфликтов активизируются процессы расщепления. Ослабление работы вытеснения связано с частичной регрессией и реорганизацией Супер-Эго и необходимостью интеграции вновь пробудившихся сексуальных желаний с запретами инфантильного Супер-Эго. В оптимальных обстоятельствах дело обстоит так: принятие генитальных и догенитальных полиморфных перверзивных инфантильных импульсов дает возможность для их интеграции как части новых переживаний собственного Я, с одновременным подтверждением инфантильных запретов на сексуальные желания по отношению к эдиповым объектам.

Основное структурное условие развития способности к зрелой сексуальной любви — формирование интегрированной Эго-идентичности в контексте подросткового кризиса идентичности. Основываясь на своей работе с пациентами с пограничной личностной организацией или (не обязательно пограничной) нарциссической личностной структурой, я пришел к выводу, что Эго-идентичность устанавливается постепенно на протяжении младенчества и детства, в процессе преодоления примитивной организации Эго, в которой доминируют механизмы расщепления и связанные с ними операции. Эго-идентичность обуславливается интегрированной концеп-

цией Я и целостными объектными отношениями, в то же время способствуя их формированию; главные механизмы этого процесса — вытеснение и связанные с ним защитные операции. Эриксон (1956), описывая достижение близких отношений на первой стадии зрелости, подчеркивал зависимость этой стадии от сформированности чувства идентичности в подростковом возрасте. Описанные мною стадии развития способности к переживанию и сохранению любви, по сути, представляют собой приложение этой концепции к нормальным и патологическим любовным отношениям.

Для подросткового возраста характерен кризис идентичности, но отнюдь не диффузия идентичности — два эти понятия должны быть четко дифференцированы. По мысли Эриксона (1956, 1959), кризис идентичности включает в себя утрату соответствия между внутренним чувством идентичности на данном этапе развития и “отражением” в психосоциальной среде. Если то и другое в большей мере расходятся, чем согласуются, то Я-концепция, так же как и внешняя адаптация, оказывается под угрозой и требует пересмотра как чувства собственной идентичности, так и отношений со средой. Диффузия же идентичности, напротив, является синдромом, типичным для пограничной патологии (Якобсон, 1964; Кернберг, 1970), характеризующимся диссоциированными друг от друга состояниями Эго и отсутствием интеграции не только Я, но также Супер-Эго и мира интернализованных объектных отношений. Существует связь между кризисом идентичности и Эго-идентичностью: чем стабильней индивидуальная базовая Эго-идентичность, тем лучше человек оснащен для преодоления кризиса идентичности; чем жестче требования окружающей среды к установленной Эго-идентичности, тем выше опасность срыва для тех, чья структура идентичности имеет дефекты.

Клинический дифференциальный диагноз между кризисом идентичности и диффузией идентичности требует тщательного исследования поведения подростка и его прошлых и текущих субъективных переживаний. Мятный вызов авторитарности может сосуществовать с поведением, диаметрально противоположным декларируемым позициям протеста. Интенсивные любовные отношения, верность могут присутствовать одновременно с бестактным, пренебрежительным, даже безжалостным и эксплуатирующим поведением. Однако при рассмотрении отношения подростка к его явно противоречивым Эго-состояниям и действиям мы обнаруживаем, что невротичные и нормальные подростки отлича-

ются от своих более дезорганизованных сверстников, страдающих диффузией идентичности, базисным ощущением эмоциональной целостности. Для проведения этой дифференциации особенно полезны следующие характеристики (Кернберг, 1978): способность испытывать чувство вины по поводу своего агрессивного поведения, признаваемого таковым по прошествии эмоциональной вспышки; озабоченность и искреннее желание исправить его последствия; способность к установлению длительных неэксплуатирующих отношений с друзьями, учителями или другими взрослыми, а также более или менее реалистическая оценка глубинных черт этих людей; последовательно расширяющаяся и углубляющаяся система ценностей — будь то ценности конформистские или находящиеся в оппозиции к тем, что доминируют в культурном окружении подростка.

Практическая ценность этого дифференциального диагноза состоит в том, что благодаря ему мы можем достичь определенной обоснованной уверенности в стабильности установившейся Эго-идентичности подростка и, соответственно, в том, что смятение и конфликты, характеризующие его влюбленности и любовные отношения в целом, не являются отражением пограничной или нарциссической личностной структуры. Типичные клинические проявления сексуальных конфликтов в подростковом возрасте — диссоциация нежности от сексуальной возбудимости, дихотомия асексуальных идеализируемых объектов и сексуально обесцененных объектов противоположного пола, сосуществование чрезмерного чувства вины и импульсивных проявлений сексуальных побуждений — репрезентируют конфликты от нормального до тяжело невротического уровня и тем самым составляют диагностическую проблему. Но диффузия идентичности, напротив, с определенностью указывает на серьезную психопатологию, при которой сексуальные конфликты являются лишь начальной точкой для долговременных нарушений нормальной любовной жизни.

Профессионалу в сфере психического здоровья, имеющему дело с подростками из бесправных социальных групп, таких как молодежь гетто мегаполисов Северной Америки, мое описание конфликтных любовных отношений, основанное на данных, полученных из исследований американских подростков, принадлежащих к среднему классу, может показаться не слишком адекватным. От подростков из семей с хаотической семейной организацией, постоянных очевидцев или жертв насилия, включая сексуальное, едва ли мож-

но ожидать развития способности к формированию целостного мира интернализированных объектных отношений, не говоря уже об интегрированном Супер-Эго. В этом случае установление любовных отношений весьма проблематично, и внешняя, полная сексуальная “свобода” может соединяться с резким ограничением способности к той преданности другому, которая связана с близостью. Отсюда возникает соблазн приписать проявления психопатологии и неспособность к установлению любовных отношений воспитанию и социальной среде. В этой связи только что описанные характеристики нормальной структуры идентичности могут быть полезны для разграничения тяжелой психопатологии и адаптации к своей, находящейся в неблагоприятном положении и, возможно, антисоциальной подгруппе. Крайне патологическая социальная структура при дезорганизованности семейных отношений способствует развитию психопатологии, но поверхностная адаптация к патологическому социальному окружению отнюдь не исключает базисной полноценности развития подростка, хотя и маскирует ее.

Реактивация эдиповых конфликтов и борьба, связанная с вытеснением эдиповых сексуальных стремлений, — главные бессознательные мотивации в сепарации подростка от родительских объектов и развитии социальной жизни внутри группы сверстников. Протест по отношению к принимавшимся прежде поведенческим нормам и ценностям родительского дома сопутствует поиску новых ценностей, идеалов и поведенческих норм, за которыми подросток обращается к учителям, являющимся предметом восхищения, и к постоянно расширяющемуся вокруг него миру. Строгое соблюдение групповых правил в раннем подростковом возрасте свидетельствует о сохранении господства морали латентного периода, которая укрепляет диссоциацию между возбуждающей, хотя и обесцененной сексуальностью, и постепенно разворачивающимся “тайным” индивидуальным ресурсом способности к нежности и романтической любви. В мальчишеских раннеподростковых группах сознательно декларируется возбуждающая, однако анально окрашенная концепция генитальности, диссоциированная от нежности, в то время как тягу к нежным и романтическим отношениям с противоположным полом члены этих групп держат при себе — этот факт находится в контрасте с типичной ситуацией в группах девочек раннеподросткового возраста. Идеализированное и романтизированное представление девочек об обожаемом мужском объекте составляет часть “тайных”, интимных выражений генитального желания.

В позднем подростковом возрасте критической задачей является развитие способности в сексуальной близости. Для ее решения должна быть утверждена интимность пары, в противовес конвенциональным сексуальным нормам и ценностям не только соответствующей взрослой социальной группы, но и собственной группы сверстников. Отношения между этими двумя группами теперь становятся важны. В периоды относительной социальной стабильности и в относительно гомогенной социальной среде культуры подросткового и взрослого миров могут находиться в гармонии, допуская сравнительно легкий переход из одного в другой для новых пар. При таких условиях следование подростковым ценностям, постепенное освобождение от них и принятие ценностей взрослого мира без чрезмерно жесткого усвоения конвенциональности являются более или менее простыми задачами.

Но при существовании резких расхождений между этими двумя мирами — например, если подростковые группы принадлежат к депривированным субкультурам или обществу, переживающему острые, разделяющие социальные и политические конфликты, — позднеподростковые группы склонны жестко следовать определенным идеологическим установкам в окружающем взрослом мире. Например, социальное давление на колледжи в направлении за или против “политической корректности” или позиции по отношению к наркотикам, феминизму, меньшинствам или гомосексуализму могут способствовать регрессивным групповым процессам в позднеподростковом возрасте и затруднять для пары установление собственной ниши.

К тому же подростки с тяжелой патологией характера и диффузией идентичности склонны испытывать особенно сильную потребность строго придерживаться ценностей своей подростковой группы. В этой связи полезно рассмотреть вопрос о том, насколько подростковая влюбленная пара способна сохранять независимость от давления окружающих групп. В период контркультуры хиппи 60-х идеологией подростковых групп была неограниченная сексуальная свобода. Тогда многие юноши и девушки скрывали сексуальную скованность и связанную с ней психопатологию за фасадом внешней “сексуальной свободы”. За “раскрепощенным” сексуальным поведением подростков-хиппи часто таилась мазохистическая, нарциссическая или истерическая патология. И в некоторых сообществах 90-х годов групповые давления в подростковых группах консолидируются вокруг конвенционального страха перед опасной

мужской сексуальностью. Это может сдерживать формирование сексуальных пар, связанных зрелыми любовными отношениями, и способствовать регрессивным садомазохистическим сексуальным взаимодействиям. Такая динамика часто наблюдается у подростков с тяжелой патологией характера, находящихся на стационарном лечении.

При лечении таких подростков персонал несет социальную и юридическую ответственность за то, чтобы сексуальное поведение среди несовершеннолетних не принималось и не допускалось, хотя в принципе опытные терапевты ожидают, что подростки в обход всех правил и регламентаций все равно будут искать сексуальной близости. Чем более сохранен подросток, тем лучше он понимает эти ограничения, тем лучше приспосабливается к ним, одновременно против них бунтуя — приватно и осмотрительно, — стремясь установить и развить парные отношения. При терапии подростков с нарциссическими или пограничными расстройствами я часто обнаруживал у них озадаченность тем фактом, что я почему-то не проявляю недовольства сексуальным поведением, которое, по их ожиданиям, считается запретным. И одновременно они находят меня ужасно “моралистичным” там, где меньше всего этого ожидают, — а именно, в своем отношении к их противоречивости, хаотичности, расщепленности их объектных отношений.

Анализ патологической структуры характера невротичного подростка должен стимулировать интеграцию диссоциированных или расщепленных Эго-состояний и преодоление реактивных формирований, служащих защите от инстинктивных побуждений и препятствующих полноценной любовной жизни. Однако даже при оптимальных обстоятельствах, когда разрешение патологических тенденций характера состоялось и этот процесс послужил обогащению чувства Эго-идентичности подростка, полная Эго-идентичность может быть достигнута только со временем. Определенные аспекты интернализованных объектных отношений могут быть полностью интегрированы в установившуюся Эго-идентичность только тогда, когда произошла идентификация со зрелыми ролевыми аспектами родительских объектов — этот процесс занимает годы. В конце концов любовь приведет к интеграции отождествления с отцовскими и материнскими функциями эдиповых объектов, что может быть проверено только временем. Полная идентификация с генеративными ролями родительской пары связана с желанием иметь ребенка от любимого человека: способность к этому зарождается в поздне-

подростковом возрасте и созревает во взрослом состоянии. Как сознательное стремление, это еще один аспект зрелой сексуальной любви. Его блокировка во взрослой паре порой сигнализирует о значительных мазохистических и еще чаще — о нарциссических конфликтах. Несомненно, это стремление необходимо отличать от небрежного, безответственного согласия на нежелательную, по сути, беременность.

Другими словами, любовные отношения у подростков могут быть прочными и глубокими, но их стабильность зависит от качеств личности подростка, развитие которых требует времени; исход подростковых отношений непредсказуем. Вовлеченность в отношения, начавшиеся в подростковом возрасте, должна сохранять неопределенность, характер приключения или авантюры. В какой-то мере это справедливо и для зрелой взрослой пары.

Психотерапевту, работающему с подростками, полезно помнить о специфичном для этого возраста нормальном поиске романтического пути к сексуальной близости в полных и интенсивных отношениях. Если этот путь не проделан успешно в отрочестве, успех будущих вовлеченностей в отношения окажется под вопросом; поэтому данную сферу человеческого опыта можно считать критической. Терапевтам, занимающимся терапией подростков, следует противостоять усилиям игнорировать эту сферу как несущественную.

Вызов взрослой пары группе

Зрелая сексуальная любовь — переживание и сохранение исключительных, неповторимых любовных отношений с другим человеком, объединяющих нежность и эротизм, характеризующихся глубиной и разделением ценностей, — не может не находиться в явной или скрытой оппозиции к окружающей социальной группе. Она мятежна по своей природе. Она освобождает взрослую пару от соблюдения условностей, принятых в социальной группе, создает ощущение сексуальной интимности, в высшей степени приватной и потаенной, и устанавливает условия, когда взаимные амбивалентности интегрируются в любовные отношения, одновременно обогащая их и ставя под угрозу. Эта неконвенциональность, заложенная в сексуальной любви, — отнюдь не то же самое, что протест подростковых компаний или эксгибиционистское поведение, отражающее различные виды патологии. В данном случае речь идет о

внутренней позиции, скрепляющей пару, которая зачастую сама по себе мало заметна для внешнего наблюдателя и может дополнительно маскироваться поверхностным приспособлением к социальной среде.

Но любящая пара, находящаяся в оппозиции к группе, все же нуждается в ней для выживания. По-настоящему изолированная пара подвержена опасности сильных выбросов агрессии, которые могут разрушить ее или нанести серьезный ущерб обоим партнерам. Еще чаще бывает так, что тяжелая психопатология у одного или обоих партнеров вызывает активизацию вытесненных или диссоциированных конфликтных интернализированных объектных отношений, которые начинают воспроизводиться парой путем проективного переживания худшей части неосознаваемого прошлого; результатом является разрушение единения партнеров и возвращение их обоих в группу в последнем отчаянном устремлении к индивидуальной свободе. В менее серьезных обстоятельствах бессознательные попытки одного или обоих партнеров влиться в группу или раствориться в ней, особенно посредством нарушения сексуальной верности, могут все же сохранить существование пары, хотя и ценой внешнего вторжения и уменьшения близости.

Стабильные “треугольные” отношения, в дополнение к воссозданию различных аспектов неразрешенных эдиповых конфликтов, репрезентируют также вторжение группы в пространство пары. Разрушение сексуальной интимности — например, в “открытом браке” — свидетельствует о серьезном неблагополучии пары. Групповой секс представляет собой крайнюю степень растворения пары в группе при сохранении во многих аспектах стабильности пары. Обычно от группового секса всего один шаг до полного разрушения пары.

Подводя итог, можно сказать, что своим протестом против группы пара утверждает свою идентичность, свою свободу от социальных условностей и знаменует начало своего путешествия по жизни уже как пары. Возвращение в групповой “раствор” — возможность последнего свободного прибежища для бывших участников “потерпевшей крушение” пары.

Романтическая любовь — это начало сексуальной любви, при котором имеет место нормальная идеализация сексуального партнера, переживание выхода за границы Я в контексте сексуальной страсти и освобождение от оков окружающей социальной группы. Бунт против группы начинается в позднеподростковый период, но

не заканчивается вместе с ним. Романтические отношения — постоянная характеристика пары. Более того, на мой взгляд, общепринятое разведение “романтической любви” и “супружеской привязанности” отражает постоянный конфликт между парой и группой, подозрительность социальной группы по поводу отношений, включающих любовь и секс, — отношений, ускользающих от ее контроля. Это разведение связано также с отрицанием агрессии в отношениях пары, нередко трансформирующим глубокие любовные отношения в нечто дикое и свирепое.

Отношения между парой и группой я вижу как закономерные, сложные и фатальные. Поскольку креативность пары зависит от успешного установления ее автономии внутри группового контекста, пара не может уйти от группы. Поскольку пара отыгрывает и поддерживает групповую надежду на сексуальное единение и любовь, группа нуждается в паре — несмотря на то, что процессы большой группы активизируют потенциал деструктивности. Однако пара не может не быть объектом враждебности и зависти группы, черпаемых из внутренних источников зависти к родительскому счастливому и тайному союзу и глубокого бессознательного чувства вины по поводу запретных эдиповых стремлений.

Стабильная пара, состоящая из мужчины и женщины, которые осмеливаются преодолевать эдиповы запреты на единение секса и нежности, сепарируется от коллективных мифов, пропитывающих сексуальность социальной группы, внутри которой произошло ее зарождение как пары. Групповые процессы, включающие сексуальность и любовь, достигают максимальной интенсивности в подростковом возрасте, но в не столь явной форме они сохраняются и в отношениях взрослых пар. Неформальная группа не перестает испытывать возбуждение в связи с частной жизнью пар, из которых она состоит. С другой стороны, члены пары испытывают соблазн выражать гнев через агрессивное поведение по отношению друг к другу в условиях относительной интимности круга близких друзей. Будучи неспособна контейнировать такое поведение внутри собственных отношений, пара, таким образом, имеет тенденцию использовать группу в качестве канала для разрядки агрессии, а также как сцену для ее демонстрации. Нас не должен удивлять тот факт, что пары, привычно ссорящиеся на публике, имеют глубокие и длительные близкие отношения. Опасность, как это прекрасно описано в пьесе Олби (1962) “Кто боится Вирджинии

Вульф?», состоит в том, что чересчур сильное выражение агрессии может разрушить остатки общей интимности партнеров, особенно связывающие их сексуальные узы, и приведет к распаду отношений. Друзья из непосредственного социального окружения, пытающиеся уладить размолвку, получают от ссор пары замещающее удовлетворение, а также подтверждение стабильности отношений в своей собственной паре.

В социальной группе, состоящей из пар, имеется потребность поиска оптимального равновесия между парами и группой в отношении сексуального возбуждения и эротизма. Неформальность обычной взрослой социально-групповой структуры оберегает пару от процессов больших групп, характерных для формальных социальных или рабочих организаций. Пара, сохраняющая свою внутреннюю слитность и в то же время оказывающая мощное влияние на окружающую ее социальную группу, особенно внутри организационной структуры, становится притягательной мишенью для эдиповой идеализации, тревоги и зависти. Ненависть группы к сильной паре может явиться защитой для пары, вынуждая партнеров объединиться против группы и маскируя проекции их собственной непризнаваемой взаимной агрессии. Однако позднее, после сепарации пары от группы, между партнерами может возникнуть значительная агрессия.

Как мы уже видели, пара изолирующаяся от окружающей социальной группы, по объективным или невротическим причинам, подвергается опасности внутренних эффектов взаимной агрессии. В этом случае супружество может ощущаться как тюрьма, а разрыв и присоединение к группе — как побег на свободу. Сексуальный промискуитет с предшествующими многочисленными расхождениями и разводами может служить примером такого бегства к свободе и групповой анархии. Аналогичным образом, группа может стать тюрьмой для тех ее членов, которые не могут или не осмеливаются вступать в стабильные парные отношения.

Хроническое вторжение группы в отношения пары принимает несколько форм, заслуживающих дальнейшего исследования.

Иногда, когда один партнер поддерживает отношения с третьей стороной, эта связь предвещает разрыв пары (т.е. пара или брак распадается, уступая место новой паре); но порой возникает впечатление, что наличие третьей стороны стабилизирует брак. В последнем случае возможны различные исходы. Нередко внебрачная связь

одного из партнеров создает ему условия для стабилизирующей экспрессии неразрешенных эдиповых конфликтов. Женщина, фригидная со своим мужем и имеющая любовника, который сексуально удовлетворяет ее, может испытывать на сознательном уровне подъем и чувство удовлетворенности, поддерживающие брак, хотя бессознательно она в восторге от своего мужа как от ненавистной трансферентной репрезентации эдипова отца. Благодаря наличию двух отношений она испытывает бессознательный триумф над отцом, который держал под своим контролем и ее, и мать, в то время как теперь она держит под своим контролем двоих мужчин. Желание внебрачной связи может происходить также от бессознательного чувства вины по поводу переживания супружеских отношений как эдипова триумфа при отсутствии в то же время решимости установить полную идентификацию с эдиповой матерью; таким образом, конфликт между желанием и чувством виныотреагируется путем игры в “русскую рулетку” с собственным браком.

Парадоксальным образом, чем глубже и полнее становятся параллельные брачные и внебрачные отношения, тем больше они тяготеют к саморазрушению, поскольку расщепление репрезентации объекта, достигнутое через ситуацию треугольника, в конце концов начинает утрачиваться. Иллюстрацией этому может служить фильм “Капитанский рай” (*The Captain's Paradise*, Кимминс, 1953). Параллельные отношения имеют тенденцию со временем становиться все более сходными между собой, накладывая все более тяжелое психологическое бремя. Поддерживаются ли такие отношения тайно или принимаются открыто, конечно, зависит от других факторов — например, от степени участия садомазохистических конфликтов в супружеских взаимодействиях. “Открытость” по поводу внебрачных связей чаще является садомазохистическим взаимодействием, а не чем-либо иным, и отражает нужду выразить агрессию или защититься от чувства вины.

Иногда реальные отношения пары замутнены связью, установленной в результате социального, политического или экономического давления. Например, между партнерами могут быть полные смысла и подчас тайные отношения, параллельно с которыми у обоих существуют другие, чисто формальные, такие как брак по расчету. В иных случаях и те, и другие отношения в ситуации треугольника являются, по сути, формальными и ритуализированными; так бывает в субкультурах, где наличие любовника — статусный

показатель, ожидаемый от человека, принадлежащего к определенному социальному слою.

Мне хотелось бы подчеркнуть, что “треугольные” ситуации, особенно включающие в себя долговременные, стабильные брачные отношения, могут влиять на исходную пару сложно и разнообразно. Стабильные “треугольные” отношения обычно отражают различного рода компромиссные образования, связанные с неразрешенными эдиповыми конфликтами. Они могут защитить пару от прямого выражения некоторых видов агрессии, но в большинстве случаев способность к подлинной глубине и близости уменьшается — такова цена этой защиты.

Классическое исследование Бартелля “Групповой секс” (*“Group Sex”, 1971*) содержит богатый материал относительно некоторых доминирующих социальных характеристик промискуитетной сексуальности в ситуации открытой группы. Автор исследовал сознательно декларируемую идеологию, согласно которой групповой секс оберегает и оживляет супружеские отношения, создавая совместные сексуальные стимулы и переживания, и пришел к выводу о том, что это в действительности иллюзия. Обычно групповая сцена безлика, в ней концентрируется внимание только на подготовке и осуществлении сексуальной активности. Хотя супружеские пары могут заявлять, что волнующее, тайное участие в этой группе избавляет их от хронической скуки, в действительности социальные отношения как внутри самой этой группы, так и внутри традиционной, через относительно короткое время еще более деградируют. Похоже, чтобы рассеять иллюзии по поводу нового сексуального возбуждения и стимуляции, хватает менее двух лет участия в групповом сексе. Секс снова становится скучным, и даже еще больше, чем прежде.

То, насколько пара испытывает вторжение группы или растворяется в группе, отражается в том, насколько ее союз является чисто формальными или подлинно эмоциональными отношениями. Чем более открыто, неразборчиво и промискуитетно сексуальное поведение, тем более вероятно, что психопатология пары включает доэдиповы черты с доминированием агрессии и полиморфных перверсивных инфантильных сексуальных потребностей. Налицо прогрессирующее ухудшение интернализованных объектных отношений и сексуального удовольствия в паре.

При оценке взаимоотношений пары меня интересует, насколько отношения допускают чувство внутренней свободы и эмоцио-

нальную стимуляцию, насколько богатым, обновляющимся и возбуждающим является сексуальный опыт пары, насколько они способны к сексуальным экспериментам, не чувствуя при этом, что их сковывает партнер или социальная среда. И, главное, насколько пара автономна в том смысле, что может вновь и вновь возрождаться на протяжении жизни, независимо от изменений в их детях, окружении или социальной структуре.

Если выбор существования “на поверхности собственного Я” обеспечивает достаточную степень стабильности и удовлетворенности, то у терапевта нет оснований атаковать этот выбор по идеологическим или перфекционистским мотивам. Если же пара жалуется на сексуальное безразличие, то полезно помнить, что скука — самое непосредственное проявление отсутствия соприкосновения с глубинными эмоциональными и сексуальными потребностями. Но не каждый способен или готов открыть этот ящик Пандоры.

Отношения партнеров с их детьми дают важную информацию об отношениях пары с группой. Желание иметь детей выражает внутреннее обязательство и идентификацию с генеративностью, плодотворной щедростью родительских образов; желание совместно принять ответственность за развитие и рост детей выражает стремление пары к определенности ее союза. Эти желания также указывают на то, что пара “доросла” до зрелого отказа от давления подростковых групп и готова к взаимодействию с социальной и культурной средой, внутри которой будут воспитываться и достигать собственной автономности их дети. При успешном удержании своей приватности и независимости как пары в процессе функционирования в качестве родительских объектов партнеры консолидируют границы своего поколения по мере того, как бессознательно иницируют вступление следующего поколения в мир эдиповых переживаний. И жизненный цикл повторяется: дети, придя в школу, включаются в первые групповые структуры, а в латентный период бессознательно вносят свой вклад в создание групповой морали, которая наложит свой отпечаток на мораль более поздних групповых формирований, включая конвенциональную мораль группы, к которой принадлежит взрослая пара.

В исторической перспективе можно наблюдать повторяющиеся колебания между периодами “пуританства”, когда любовные отношения деэротизируются, а эротизм уходит в подполье, и периодами “раскрепощения”, во время которых сексуальность приходит в упадок, доходя до эмоциональной деградации группового секса. На

мой взгляд, такие колебания отражают продолжительное равновесие между потребностями общества разрушать, оберегать и контролировать пару и стремлениями пары вырваться из оков конвенциональной сексуальной морали в поиске свободы, которая в своей экстремальной форме ведет к саморазрушению. Так называемая сексуальная революция 60—70-х годов, думаю, мне, представляет собой лишь очередное движение маятника и не несет никаких реальных изменений в глубинных динамиках отношений пары с социальной группой. Очевидно, приспособление пары к конвенциональной морали — по причине недостаточного развития автономного Супер-Эго или вследствие тяги к погружению в процессы больших групп — потенциально всегда присутствует, и внешнее поведение пар может варьировать в зависимости от давления на нее со стороны социальной группы. Однако независимая и зрелая сексуальная пара сохраняет границы приватности, будучи способна к тайной, страстной вовлеченности друг в друга внутри любого социального окружения, кроме самых экстремальных случаев.

Конвенциональные социальные нормы, защищающие общественную мораль, чрезвычайно важны для защиты сексуальной жизни пары. Однако давления в пользу конвенционального поведения вступают в конфликт с индивидуальными системами ценностей, которые каждая пара должна устанавливать для себя. Паре также угрожает давление, связанное с организацией групп по половому принципу, а также выражение примитивной подозрительности и ненависти между мужчинами и женщинами в таких группах, характерное для латентного и подросткового периодов. В этой связи следует отметить, что под влиянием средств массовой коммуникации и информации, тяготеющих к разнообразию, вполне вероятно, доминирующая конвенциональная идеология, особенно в вопросах сексуальности, распространяется и, соответственно, отмирает быстрее по мере стремительного возникновения новых идеологических течений. Эти колебания конвенциональных обычаев происходят в рамках широкого спектра наиболее устойчивых элементов конвенциональных позиций по отношению к сексуальности, исследованных нами.

На протяжении 1970—80-х годов доминирующая конвенциональная идеология в США поощряла относительно открытую дискуссию и выражение определенных аспектов сексуальности, с одновременными тенденциями к механизации сексуального поведения (“как сделать секс лучше” и т.д.), подавлению инфантильных полимор-

фных сексуальных компонентов в культурно санкционированных массовых развлекательных программах и открытому принятию насилия, в том числе сексуального, в тех же средствах массовой информации. Наша культура как бы иллюстрировала пограничную патологию с дефектом Супер-Эго, регрессивным соединением эротизма и агрессии и отщеплением эротических компонентов сексуальности от матрицы объектных отношений.

Однако начало 90-х вновь вызвало к жизни пуританскую установку — фокус на сексуальном насилии, инцесте, сексуальных проблемах на рабочем месте и растущее взаимное недоверие между мужскими и женскими группами. Эти тенденции выросли на почве новых данных, указывающих на значимость ранних физических и сексуальных травм в генезисе широкого спектра психопатологии, с одной стороны, и борьбы за освобождение женщин от конвенционального патриархального гнета — с другой. Интересно, однако, то, как быстро это научно просвещенное и политически прогрессивное развитие пришло к подтверждению конвенциональной морали, вызывающей в памяти годы подавления перед “сексуальной революцией” конца 60-х годов и ограничений, налагававшихся на сексуальность при тоталитарных коммунистических режимах. Эти ограничения в фашистских и коммунистических странах больше походят на садистическое подавление сексуальности примитивным невротическим Супер-Эго, чем на пограничную патологию с дефектом Супер-Эго.

В течение последних нескольких лет мы имели возможность наблюдать одновременное действие или быструю смену относительных экстремумов сексуального пуританства и сексуальной раскрепощенности, с явственной уплощенностью в обеих крайностях конвенционально приемлемой сексуальности, в противоположность богатому потенциалу приватного межличностного пространства индивидуальной пары. Разумеется, нельзя отрицать огромной разницы между подавлением индивидуальной свободы при тоталитарном режиме, жестоко навязывающем конвенциональную мораль, и допускаемым в демократическом обществе значительным отхождением практики приватной свободы индивидуумов и пар от конвенциональной нормы.

В заключение скажу, что, на мой взгляд, существует постоянный конфликт между конвенциональной нормой и приватной моралью, которую каждая пара выстраивает для себя как элемент своей целостной сексуальной жизни; эта мораль подразумевает неконвен-

циальную степень свободы, которую пара должна отвоевать для себя. Хрупкий баланс между сексуальной свободой, эмоциональной глубиной и системой ценностей, отражающий функционирование зрелого Супер-Эго, — сложное завоевание человека, обеспечивающее базис для глубоких, страстных, противоречивых и вместе с тем удовлетворяющих и обладающих потенциалом прочности отношений. Интеграция агрессии и полиморфной перверзивной инфантильной сексуальности в стабильные любовные отношения — задача как для индивидуума, так и для пары. Эту интеграцию невозможно осуществить путем социального манипулирования, но, к счастью, и подавить можно лишь посредством общественных норм в самых экстремальных обстоятельствах.

ЛИТЕРАТУРА

- Albee, E. (1962). *Who's Afraid of Virginia Woolf?* New York: Simon & Schuster Pocketbook, 1964.
- Alberoni, F. (1987). *L'Erotisme*. Paris: Ramsay.
- Altman, L. L. (1977). Some vicissitudes of love. *Journal of the American Psychoanalytic Association* 25: 35—52.
- Anzieu, D. (1986). La scene de menage. In *L'Amour de la Haine, Nouvelle Revue de Psychanalyse* 33: 201—209.
- Arlow, J. A. (1974). Dreams and myths. Paper presented on the occasion of the founding of the St. Louis Psychoanalytic Institute, October.
- Arlow, I. A., Freud, A., Lampl-de Groot, J., & Beres, D. (1968). Panel discussion. *International Journal of Psychoanalysis* 49: 506—512.
- Arndt, W. B., Jr. (1991). *Gender Disorders and the Paraphilias*. Madison, Conn.: International Universities Press.
- Bak, R. C. (1973). Being in love and object loss. *International Journal of Psychoanalysis* 54: 1—8.
- Balint, M. (1948). On genital love. In *Primary Love and Psychoanalytic Technique*. London: Tavistock, 1959, pp. 109—120.
- Bancroft, J. (1989). *Human Sexuality and Its Problems*. New York: Churchill Livingstone.
- Barnett, M. (1966). Vaginal awareness in the infancy and childhood of girls. *Journal of the American Psychoanalytic Association* 14: 129—141.
- Bartell, G. D. (1971). *Group Sex*. New York: Signet Books.
- Bataille, G. (1957). *L'Erotisme*. Paris: Minuit.
- Baumeister, R. F. (1989). *Masochism and the Self*. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates.
- Benjamin, J. (1986). The alienation of desire: Women's masochism and ideal love. In *Psychoanalysis and Women: Contemporary Reappraisals*, ed. J. L. Alpert. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, pp. 113—138.
- Bergmann, M. S. (1971). Psychoanalytic observations on the capacity to love. In *Separation-Individuation: Essays in Honor of Margaret S. Mahler*, ed. J. McDevitt & C. Settlage. New York: International Universities Press, pp. 15—40.
- _____. (1980). On the intrapsychic function of falling in love. *Psychoanalytic Quarterly* 49: 56—77.
- _____. (1982). Platonic love, transference, and love in real life. *Journal of the American Psychoanalytic Association* 30: 87—111.
- _____. (1987). *The Anatomy of Loving*. New York: Columbia University Press.
- Bertolucci, B. (1974). *Last Tango in Paris*.
- Bion, W. R. (1961). *Experiences in Groups and Other Papers*. New York: Basic Books.
- _____. (1967). The imaginary turn. In *Second Thoughts: Selected Papers on Psychoanalysis*, by W. R. Bion. Northvale, N.J.: Aronson, pp. 3—22.

- Blum, H. P. (1973). The concept of erotized transference. *Journal of the American Psychoanalytic Association* 21: 61–76.
- _____. (1976). Masochism, the ego ideal, and the psychology of women. *Journal of the American Psychoanalytic Association* 24: 157–191.
- Braunschweig, D., & Fain, M. (1971). *Eros et Anteros*. Paris: Petite Bibliotheque Payot.
- _____. (1975). *Le Nuit, le jour*. Paris: Presses Universitaires de France. Chasseguet-Smirgel, J. (1970). *Female Sexuality*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- _____. (1973) *Essai sur l'ideal du moi*. Paris: Presses Universitaires de France.
- _____. (1974). Perversion, idealization, and sublimation. *International Journal of Psychoanalysis* 55: 349–357.
- _____. (1984a). The femininity of the analyst in professional practice. *International Journal of Psychoanalysis* 65: 169–178.
- _____. (1984b). *Creativity and Perversion*. New York: Norton.
- _____. (1985). *The Ego Ideal: A Psychoanalytic Essay on the Malady of the Ideal*. New York: Norton.
- _____. (1986). *Sexuality and Mind: The Role of the Father and the Mother in the Psyche*. New York: New York University Press.
- _____. (1989). The bright face of narcissism and its shadowy depths. In *The Psychiatric Clinics of North America: Narcissistic Personality Disorder*, ed. O. F. Kernberg. Philadelphia: Saunders, vol. 12, no. 3, pp. 709–722.
- _____. (1991) Sadomasochism in the perversions: Some thoughts on the destruction of reality. *Journal of the American Psychoanalytic Association* 39: 399–415.
- Chodorow, N. (1978). *The Reproduction of Mothering*. Berkeley: University of California Press.
- Cooper, A. (1988). The narcissistic-masochistic character. In *Masochism: Current Psychoanalytic Perspectives*, ed. R. B. Click & D. J. Meyers. Hillsdale, N.J.: Analytic Press, pp. 117–138.
- David, C. (1971). *L'Etat Amoureux*. Paris: Petite Bibliotheque Payot.
- Deutsch, H. (1944–45). *The Psychology of Women*. 2 vols. New York: Grune & Stratton.
- Dicks, H. V. (1967). *Marital Tensions*. New York: Basic Books.
- Emde, R. (1987). Development terminable and interminable. Plenary presentation at the 35th International Psycho-Analytical Congress, Montreal, Canada, July 27.
- Emde, R., et al. (1978). Emotional expression in infancy: 1. Initial studies of social signaling and an emergent model. In *The Development of Affect*, ed. M. Lewis & L. Rosenblum. New York: Plenum, pp. 125–148.
- Endleman, R. (1989). *Love and Sex in Twelve Cultures*. New York: Psyche Press.
- Erikson, E. H. (1956). The problem of ego identity. *Journal of the American Psychoanalytic Association* 4: 56–121.
- _____. (1959). Growth and crises of the healthy personality. In *Identity and the Life Cycle, Psychological Issues*, Monograph 1. New York: International Universities Press, pp. 50–100.
- Fairbairn, W. R. D. (1954). *An Object-Relations Theory of the Personality*. New York: Basic Books.
- Fisher, S. (1989). *Sexual Images of the Self*. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates.
- Fraiberg, S. (1982). Pathological defenses in infancy. *Psychoanalytic Quarterly* 51: 612–635.

- Freud, S. (1894). The neuro-psychoses of defence. In *Standard Edition*, ed. J. Strachey, 3: 43–61. London: Hogarth Press, 1962.
- _____. (1905). Three essays on the theory of sexuality. In *S.E.*, 7: 135–243. London: Hogarth Press, 1953.
- _____. (1910a). A special type of object choice made by men. In *S.E.*, 11: 163–175. London: Hogarth Press.
- _____. (1910b). On the universal tendency to debasement in the sphere of love. In *S.E.*, 11: 175–190. London: Hogarth Press.
- _____. (1910c). The taboo of virginity. In *S.E.*, 11: 190–208. London: Hogarth Press.
- _____. (1912). On the universal tendency to debasement in the sphere of love (Contributions to the psychology of love, II). In *S.E.*, 11: 178–190. London: Hogarth Press, 1957.
- _____. (1914). On narcissism. In *S. E.*, 14: 69–102. London: Hogarth Press, 1957.
- _____. (1915a). Observations on transference-love. In *S.E.*, 12: 158–171. London, Hogarth Press, 1958.
- _____. (1915b). Instincts and their vicissitudes. In *S.E.*, 14. London: Hogarth Press, 1957.
- _____. (1915c). Repression. In *S.E.*, 14: 141–158. London: Hogarth Press, 1957.
- _____. (1915d). The unconscious. In *S.E.*, 14: 159–215. London: Hogarth Press, 1957.
- _____. (1920). Beyond the pleasure principle. In *S.E.*, 18: 3–64. London: Hogarth Press, 1955.
- _____. (1921). Group psychology and the analysis of the ego. In *S.E.*, 18: 69–143.
- _____. (1926). Inhibitions, symptoms and anxiety. In *S.E.*, 20: 87–156. London: Hogarth Press.
- _____. (1930). Civilization and its discontents. In *S.E.*, 21: 59–145. London: Hogarth Press.
- _____. (1933). Femininity. In *S.E.*, 22: 112–125. London: Hogarth Press, 1964.
- _____. (1954). *The Origins of Psychoanalysis, 1887–1902*. New York: Basic Books.
- Friedman, R. C., & Downey, J. (1993). Psychoanalysis, psychobiology and homosexuality. *Journal of the American Psychoanalytic Association* 41: 1159–1198.
- Galenson, E. (1980). Sexual development during the second year of life. In *Sexuality: Psychiatric Clinics of North America*, ed. J. Meyer. Philadelphia: Saunders. pp. 37–44.
- _____. (1983). A pain-pleasure behavioral complex in mothers and infants. Unpublished.
- _____. (1988). The precursors of masochism. In *Fantasy, Myth and Reality: Essays in Honor of Jacob Arlow*, ed. H. P. Blum et al. Madison, Conn.: International Universities Press, pp. 371–379.
- Galenson, E., & Roiphe, H. (1974). The emergence of genital awareness during the second year of life. In *Sex Differences in Behavior*, ed. R. Friedman, R. Richardt, & R. Van de Wiele. New York: Wiley, pp. 233–258.
- _____. (1977). Some suggested revisions concerning early female development. *Journal of the American Psychoanalytic Association* 24: 29–57.
- Goldberger, M., & Evans, D. (1985). On transference manifestations in male patients with female analysts. *International Journal of Psychoanalysis* 66: 295–309.
- Green, A. (1983). *Narcissisme de vie, narcissisme de mort*. Paris: Minuit.
- _____. (1986). *On Private Madness*. London: Hogarth Press.
- _____. (1993) *Le Travail du negatif*. Paris: Minuit.
- Green, R. (1976). One hundred ten feminine and masculine boys: Behavioral contrasts and demographic similarities. *Archives of Sexual Behavior* 5: 425–446.

- _____. (1987). *The "Sissy Boy Syndrome."* New Haven: Yale University Press.
- Greenaway, P. (1990). *The Cook, the Thief, His Wife and Her Lover.*
- Greene, G., & Greene, C. (1974). *S-M: The Last Taboo.* New York: Grove Press.
- Grossman, W. I. (1986). Notes on masochism: A discussion of the history and development of a psychoanalytic concept. *Psychoanalytic Quarterly* 55: 379–413.
- _____. (1991). Pain, aggression, fantasy, and the concept of sadomasochism. *Psychoanalytic Quarterly* 60: 22–52.
- Grunberger, B. (1979). *Narcissism: Psychoanalytic Essays.* New York: International Universities Press.
- Harlow, H. F. and Harlow, M. D. (1965). *The Affectional Systems in Behavior of Non-Human Primates.* Vol. 2, ed. A. M. Schrier, H. F. Harlow, & F. Stollnitz. New York: Academic Press.
- Herzog, J. M. (1983). A neonatal intensive care syndrome: A pain complex involving neuroplasticity and psychic trauma. In *Frontiers in Infant Psychiatry*, ed. J. D. Call et al. New York: Basic Books, pp. 291–300.
- Holder, A. (1970). Instinct and drive. In *Basic Psychoanalytic Concepts of the Theory of Instincts*, vol. 3, ed. H. Nagera. New York: Basic Books, pp. 19–22.
- Horney, K. (1967). *Feminine Psychology.* London: Routledge & Kegan Paul.
- Hughes, J. (1985). *The Breakfast Club.*
- Hunt, M. (1974). *Sexual Behavior in the 1970s.* New York: Dell.
- Izard, C. (1978). On the ontogenesis of emotions and emotion-cognition relationships in infancy. In *The Development of Affect*, ed. M. Lewis & L. Rosenblum. New York: Plenum, pp. 389–413.
- Jacobson, E. (1964). *The Self and the Object World.* New York: International Universities Press.
- _____. (1971). *Depression.* New York: International Universities Press.
- Jones, E. (1935). Early female sexuality. *International Journal of Psychoanalysis* 16: 263–273.
- Josselyn, I. M. (1971). The capacity to love: A possible reformulation. *Journal of the American Academy of Child Psychiatry* 10: 6–22.
- Karme, L. (1979). The analysis of a male patient by a female analyst: The problem of the negative oedipal transference. *International Journal of Psychoanalysis* 60: 253–261.
- Kernberg, O. F. (1970). A psychoanalytic classification of character pathology. *Journal of the American Psychoanalytic Association* 18: 800–822.
- _____. (1974). Mature love: Prerequisites and characteristics. *Journal of the American Psychoanalytic Association* 22: 743–768.
- _____. (1976). *Object Relations Theory and Clinical Psychoanalysis.* New York: Jason Aronson.
- _____. (1978). The diagnosis of borderline conditions in adolescence. In *Adolescent Psychiatry*, vol. 6: *Developmental and Clinical Studies*, ed. S. Feinstein & P. L. Giovacchini. Chicago: University of Chicago Press, pp. 298–319.
- _____. (1980a). *Internal World and External Reality.* New York: Jason Aronson.
- _____. (1980b). Love, the couple and the group: A psychoanalytic frame. *Psychoanalytic Quarterly* 49: 78–108.
- _____. (1984). Contemporary psychoanalytic approaches to narcissism. In *Severe Personality Disorders.* New Haven: Yale University Press, pp. 179–196.
- _____. (1987) Las tentaciones del convencionalismo. *Revista de Psicoanálisis* (Buenos Aires) 44: 963–988.
- _____. (1988). Between conventionality and aggression: The boundaries of passion. In *Passionate Attachments: Thinking About Love*, ed. W. Gaylin & E. Person. New York: Free Press, pp. 63–83.

- _____. (1989a). A theoretical frame for the study of sexual perversions. In *The Psychoanalytic Core: Festschrift in honor of Dr. Leo Rangell*, ed. H. P. Blum, E. M. Weinshel, & F. R. Rodman. New York: International Universities Press, pp. 243—263.
- _____. (1989b). An ego psychology-object relations theory of the structure and treatment of pathologic narcissism. In *The Psychiatric Clinics of North America: Narcissistic Personality Disorder*, ed. O. F. Kernberg. Philadelphia: Saunders, vol. 12, no. 3, pp. 723—730.
- _____. (1991). Sadomasochism, sexual excitement, and perversion. *Journal of the American Psychoanalytic Association* 39: 333—362.
- _____. (1992). *Aggression in Personality Disorders and Perversion*. New Haven: Yale University Press.
- Kernberg, P. (1971). The course of the analysis of a narcissistic personality with hysterical and compulsive features. *Journal of the American Psychoanalytic Association* 19: 451—471.
- Kernberg, P., & Richards, A. K. (1994)— An application of psychoanalysis: The psychology of love as seen through children's letters. In *The Spectrum of Psychoanalysis*, ed. A. K. Richards & A. D. Richards. Madison, Conn.: International Universities Press, pp. 199—218.
- Kimmins, A. (1953). *Captain's Paradise*.
- Kinsey, A. C., Pomeroy, W. B., Martin, C. E., & Gebhard, P. H. (1953). *Sexual Behavior in the Human Female*. Philadelphia: Saunders.
- Klein, M. (1945). The Oedipus complex in the light of early anxieties. In *Contributions to Psychoanalysis, 1921—1945*. London: Hogarth Press, 1948, pp. 377—390.
- _____. (1957). *Envy and Gratitude*. New York: Basic Books.
- Kolodny, R., Masters, W., & Johnson, V. (1979). *Textbook of Sexual Medicine*. Boston: Little, Brown.
- Krause, R. (1990). Psychodynamik der Emotionsstörungen. In *Enzyklopadie der Psychologie der Emotion*, ed. K. R. Scherer. Gottingen: Verlag für Psychologie-Dr. C. Hogrefe, pp. 630—705.
- Laplanche, J. (1976). *Life and Death in Psychoanalysis*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Laplanche, J. & Pontalis, J. B. (1973). *The Language of Psycho-Analysis*. New York: Norton.
- Lester, E. (1984). The female analyst and the erotized transference. *International Journal of Psychoanalysis* 66: 283—293.
- Liberman, D. (1956). Identificación proyectiva y conflicto matrimonial. *Revista de Psicoanálisis* (Buenos Aires) 13: r—20.
- Lichtenstein, H. (1961). Identity and sexuality: A study of their interrelationship in man. *Journal of the American Psychoanalytic Association* y. 179—260.
- _____. (1970). Changing implications of the concept of psychosexual development: An inquiry concerning the validity of classical psychoanalytic as sumptions concerning sexuality. *Journal of the American Psychoanalytic Association* 18: 300—318.
- Lorenz, K. (1963). *On Aggression*. New York: Bantam Books.
- Lussier, A. (1982). *Les Deviations du desir: Etude sur le fétichisme*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Lyne, A. (1987). *Fatal Attraction*.
- Maccoby, E., & Jacklin, C. (1974). *The Psychology of Sex Differences*. Stanford: Stanford University Press.
- Maclean, P. D. (1976). Brain mechanisms of elemental sexual functions. In *The Sexual Experience*, ed. B. Sadock, H. Kaplan, & A. Freeman. Baltimore: Williams & Wilkins, pp. 119—127.

- Mahler, M. S. (1968). *On Human Symbiosis and the Vicissitudes of Individuation*. Vol. 1, *Infantile Psychosis*. New York: International Universities Press.
- Mahler, M., Pine, F., & Bergman, A. (1975). *The Psychological Birth of the Human Infant*. New York: Basic Books.
- Mann, T. (1924). *Der Zauberberg*. Vol. 1. Frankfurt: Fischer Bucherei, 1967, pp. 361–362.
- May, R. (1969). *Love and Will*. New York: Norton.
- McConaghy, N. (1993). *Sexual Behavior: Problems and Management*. New York: Plenum.
- Mellen, J. (1973). *Women and Their Sexuality in the New Film*. New York: Dell.
- Meltzer, D. (1973). *Sexual States of Mind*. Perthshire: Clunie.
- Meltzer, D., & Williams, M. H. (1988). *The Apprehension of Beauty*. Old Bal-lechin, Strath Toy: Clunie.
- Meyer, J. (1980). Body ego, selfness, and gender sense: The development of gen-der identity. *Sexuality: Psychiatric Clinics of North America*, ed. J. Meyer. Philadelphia: Saunders. pp. 21–36.
- Mitchell, J. (1974). *Psychoanalysis and Feminism*. New York: Vintage Books.
- Money, J. (1980). *Love and Love Sickness: The Science of Sex, Gender Difference, and Pair-Bonding*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- _____. (1986). *Lovemaps*. Buffalo, N.Y.: Prometheus Press.
- _____. (1988). *Gay, Straight, and In-Between*. New York: Oxford University Press.
- Money, J., & Ehrhardt, A. (1972). *Man @ Woman: Boy @ Girl*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Montherlant, H. de (1936). *Les Jeunes Filles*. In *Romans et oeuvres de fiction non theatrales de Montherlant*. Paris: Gallimard, 1959, pp. 1010–1012.
- Moscovici, S. (1981). *L'Age des foules*. Paris: Fayard.
- Oshima N. (1976). *In the Realm of the Senses*.
- Ovesey, L., & Person, E. (1973). Gender identity and sexual psychopathology in men: A psychodynamic analysis of homosexuality, transsexualism and transvestism. *Journal of the American Academy of Psychoanalysis* 1: 54–72.
- _____. (1976). Transvestism: A disorder of the sense of self. *International Journal of Psychoanalytic Therapy* 5: 219–236.
- Paz, O. (1974). *Teatro de Signos/Transparencias*, ed. Julian Rios. Madrid: Espiral/Fundamentos.
- Perper, T. (1985). *Sex Signals: The Biology of Love*. Philadelphia: ISI Press.
- Person, E. (1974). Some new observations on the origins of femininity. In *Women and Analysis*, ed. J. Strouse. New York: Viking, pp. 250–261.
- _____. (1983). The influence of values in psychoanalysis: The case of female psycho-logy. *Psychiatry Update* 2: 36–50.
- _____. (1985). The erotic transference in women and in men: Differences and conse-quences. *Journal of the American Academy of Psychoanalysis* 13: 159–180.
- _____. (1988). *Dreams of Love and Fateful Encounters*. New York: Norton.
- Person, E., & Ovesey, L. (1983). Psychoanalytic theories of gender identity. *Journal of the American Academy of Psychoanalysis* 11: 203–226.
- _____. (1984). Homosexual cross-dressers. *Journal of the American Academy of Psy-choanalysis* 12: 167–186.
- Rapaport, D. (1953). On the psychoanalytic theory of affects. In *The Collected Pa-pers of David Rapaport*, ed. M. M. Gill. New York: Basic Books, 1967, pp. 476–512.
- Rice, A. K. (1965). *Learning for Leadership*. London: Tavistock.

- Riviere, J. (1937). Hate, greed, and aggression. In *Love, Hate and Reparation*, ed. M. Klein @. J. Riviere. London: Hogarth Press, pp. 3—53.
- Rohmer, E. (1969). Ma Nuit chez Maud. *L'Avant-Scene* 98: 10—40.
- _____. (1969). *My Night at Maud's*.
- Rosenfeld, H. (1964). On the psychopathology of narcissism: A clinical approach. *International Journal of Psychoanalysis* 45: 332—337.
- _____. (1971). A clinical approach to the psychoanalytic theory of the life and death instincts: An investigation into the aggressive aspects of narcissism. *International Journal of Psychoanalysis* 52: 169—179.
- _____. (1975). Negative therapeutic reaction. In *Tactics and Techniques in Psychoanalytic Therapy*, vol. 2, *Countertransference*, ed. P. L. Giovacchini. New York: Jason Aronson, pp. 217—228.
- Ross, J. M. (1990). The eye of the beholder: On the developmental dialogue of fathers and daughters. In *New Dimensions in Adult Development*, ed. R. Nemiroff and C. Colarusso, pp. 47—70.
- Schafer, R. (1960). The loving and beloved superego in Freud's structural theory. *Psychoanalytic Study of the Child* 15: 163—188.
- _____. (1974). Problems in Freud's psychology of women. *Journal of the American Psychoanalytic Association* 22: 459—489.
- Scott, G. G. (1983). *Erotic power: An exploration of dominance and submission*. Se-caucus, N.J.: Citadel Press.
- Silverman, H. W. (1988). Aspects of erotic transference. In *Love: Psychoanalytic Perspectives*, ed. J. F. Lasky & H. W. Silverman. New York: New York University Press, pp. 173—191.
- Soderbergh, S. (1989). *Sex, Lies and Videotape*.
- Spengler, A. (1977). Manifest sadomasochism of males: Results of an empirical study. *Archives of Sexual Behavior* 6: 441—456.
- Stendhal, M. (1822). *Love*. Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books, 1975.
- Stern, D. N. (1985). *The Interpersonal World of the Infant*. New York: Basic Books.
- Stoller, R. J. (1968). *Sex and Gender*. New York: Aronson.
- _____. (1973). Overview: The impact of new advances in sex research on psychoanalytic theory. *American Journal of Psychiatry* 130: 30.
- _____. (1974). Facts and fancies: An examination of Freud's concept of bisexuality. In: *Women and Analysis*, ed. J. Strouse. New York: Viking, pp. 343-364.
- _____. (1975a). *Perversion: The Erotic Form of Hatred*. Washington, D.C.: American Psychiatric Press.
- _____. (1975b). *Sex and Gender*. Vol. 2, *The Transsexual Experiment*. London: Hogarth Press.
- _____. (1979). *Sexual Excitement*. New York: Pantheon.
- _____. (1985). *Presentations of Gender*. New Haven: Yale University Press.
- _____. (1991a). *Pain and Passion*. New York: Plenum.
- _____. (1991b). *Porn*. New Haven: Yale University Press.
- Thompson, C. (1942). Cultural pressures in the psychology of women. *Psychiatry* 5: 331—339.
- Tinbergen, N. (1951). An attempt at synthesis. In *The Study of Instinct*. New York: Oxford University Press, pp. 101—127.
- Turquet, P. (1975). Threats to identity in the large group. In *The Large Group: Dynamics and Therapy*, ed. L. Kreeger. London: Constable, pp. 87—144.
- van der Waals, H. G. (1965). Problems of narcissism. *Bulletin of the Menninger Clinic* 29: 293—311.

Weinberg, T., & Kammel, W. L. (1983). *S and M: Studies in Sadoomasochism*. Buffalo, N.Y.: Prometheus Press.

Wilson, E. O. (1975). *Sociobiology: The New Synthesis*. Cambridge: Harvard University Press.

Winnicott, D. W. (1955). The depressive position in normal emotional development. *British Journal of Medical Psychology* 28: 89—100.

_____. (1963). The development of the capacity for concern. *Bulletin of the Menninger Clinic* 27: 167—176.

Wisdom, J. O. (1970). Freud and Melanie Klein: Psychology, ontology, and *Weltanschauung*. In *Psychoanalysis and Philosophy*, ed. C. Hanly & M. Lazerowitz. New York: International Universities Press, pp. 327—362.

СОДЕРЖАНИЕ

Все это — о тайнах любви. <i>Предисловие М.Н. Тимофеевой</i>	5
Предисловие автора	8
Благодарность	10
1. Сексуальные взаимоотношения	13
2. Сексуальное возбуждение и эротическое желание	30
3. Зрелая сексуальная любовь	51
4. Любовь, Эдип и пары	70
5. Психопатология	90
6. Агрессия, любовь и пары	111
7. Функции Супер-Эго	131
8. Любовь в психоаналитических отношениях	150
9. Мазохистическая патология	167
10. Нарциссизм	187
11. Латентный период, групповая динамика и конвенциональность	212
12. Пара и группа	228
Литература	244

Отто Ф. Кернберг
ОТНОШЕНИЯ ЛЮБВИ:
Норма и патология

Перевод с английского
М.Н. Георгиевой

Научные редакторы
М.Н. Тимофеева, Т.С. Драбкина

Редактор
М.О. Торчинская

Ответственная за выпуск
И.В. Тепикина

Компьютерная верстка
С.М. Пчелинцев

Главный редактор и издатель серии
Л.М. Кроль

Научный консультант серии
Е.Л. Михайлова

Изд. лиц. № 061747
Гигиенический сертификат
№ 77.99.6.953.П.169.1.99. от 19.01.1999 г.
Подписано в печать 29.11.1999 г.
Формат 60×88/16
Усл. печ. л. 16. Уч.-изд. л. 13,9.

ISBN 0-300-06031-9 (USA)
ISBN 5-86375-124-X (РФ)

М.: Независимая фирма “Класс”, 2000
103062, Москва, ул. Покровка, д. 31, под. 6.
www.igisp.ru E-mail: igisp@igisp.ru

www.kroll.igisp.ru
Купи книгу “У КРОЛЯ”